

«Белорусский национальный технический университет»
Архитектурный факультет
Кафедра «Архитектура жилых и общественных зданий»

ЭЛЕКТРОННЫЙ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПО
УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ

ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

РАЗДЕЛ 4.

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ

для специальности первой ступени высшего образования

1 - 69 01 01 «Архитектура»

Составитель: Сергачев С. А.,
профессор кафедры «Архитектура жилых и общественных зданий»,
доктор архитектуры

г. Минск – 2021 г.

Перечень материалов

1. Теоретическая часть представлена конспектом лекций с дополнительными материалами к лекциям, – «Краткие биографические справки о советских архитекторах и архитекторах Республики Беларусь» и «Список основных объектов по курсу истории советской архитектуры».

2. Вспомогательная часть – учебная программа по дисциплине «История архитектуры и градостроительства» (п. 1.6.4 рег. № АФ59 д-1/уч. утвержденной 22.03.2021 г.), список рекомендуемой основной и дополнительной литературы.

3. Контроль знаний – вопросы к экзамену по дисциплине.

Пояснительная записка

Цель ЭУМК по дисциплине «История архитектуры и градостроительства. Раздел 4. История современной архитектуры» – повышение эффективности организации учебного процесса с использованием информационно-коммуникационных технологий, интенсификация самостоятельной работы студентов по освоению теоретических основ и методических подходов к архитектурному проектированию на основе знаний об истории архитектуры и градостроительства СССР и Беларуси советского периода и современного периода Республики Беларусь, принципов формирования новых типов жилых и общественных зданий, закономерностей их пространственной организации и архитектурно-стилистического развития, что содействует объединению в стройную систему ранее полученных знаний и усвоению.

Теоретический раздел содержит материалы для теоретического изучения учебной дисциплины «История архитектуры и градостроительства. Раздел 4. История современной архитектуры» в объеме, установленном учебным планом по специальности I ступени высшего образования 1-69 01 01 «Архитектура» и включает конспект лекций, отражающий краткое содержание курса по всем учебным темам, который сопровождается дополнительным материалом «Краткие биографические справки о советских архитекторах и архитекторах Республики Беларусь» и «Список основных объектов по курсу истории советской архитектуры».

Вспомогательный раздел представлен содержанием учебной программы по дисциплине «История архитектуры и градостроительства. Раздел 4. История современной архитектуры» (п. 1.6.4 рег. № АФ59 д-1/уч. от 22.03.2021), содержит термины и определения, перечень основной и вспомогательной литературы, информационно-аналитических материалов в области архитектуры, перечень Интернет-ресурсов с материалами по данной дисциплине.

Рекомендации по организации работы с ЭУМК. Работа с ЭУМК строится следующим образом: изучение текста по теме занятия, самостоятельный поиск и анализ дополнительной информации по предлагаемым в ЭУМК источникам по теме.

Раздел контроля знаний содержит материалы текущей и итоговой аттестации, позволяющие определить соответствие результатов учебной деятельности обучающихся требованиям образовательных стандартов высшего образования и учебно-программной документации и представлен вопросами к экзамену. ЭУМК содержит ссылки, позволяющие оперативно найти необходимый материал. Материалы представлены в формате PDF. Открытие осуществляется путем запуска файла *SOVREMENNAJA ARCHITECTURA.pdf*

Содержание

Часть I. Теоретический раздел	5
Подраздел I. Советская архитектура с 1918 до начала 1940-х гг.	5
1.1. Введение. Архитектура авангарда 1920-х гг.	5
1.2. Лучшие произведения советской архитектуры второй половины 1920-х гг.	11
1.3. Архитектура рубежа 1920–1930-х гг.	17
1.4. Активизация освоения классического и национального наследия	22
Подраздел II. Советская архитектура с 1944-х до начала 1990-х гг.	25
2.1. Архитектура военных лет и освоение наследия в послевоенное десятилетие	25
2.2. Изменение направленности и переход к массовому жилищному строительству 1950–1960-х гг.	31
2.3. Новые идеи и тенденции развития градостроительства в 1960–1980-е гг.	34
2.4. Проблема художественного образа в архитектуре 1960–1980-х гг.	36
2.5. Национальное своеобразие советской архитектуры	40
Подраздел III. Архитектура советской Беларуси с 1918 до начала 1990-х гг.	44
3.1. Становление советской белорусской архитектуры в довоенный период (1917–1941-й гг.)	44
3.2. Архитектура БССР в первое послевоенное десятилетие (1944–1954 гг.)	52
3.3. Архитектура в БССР в период массового индустриального строительства с середины 1950-х до начала 1990-х гг.	60
3.4. Сельская архитектура БССР с середины 1950-х до начала 1990-х гг.	68
Подраздел IV. Современная архитектура Республики Беларусь	76
4.1. Интеграционные процессы в архитектуре Беларуси конца 1990-х – начала 2000-х гг.	76
4.2. Традиции и инновации в архитектуре Беларуси конца 1990-х – начала 2000-х гг.	85
Краткие биографические справки о советских архитекторах и архитекторах Республики Беларусь	99
Список основных объектов по курсу истории советской архитектуры	104

Часть II. Вспомогательный раздел	108
Учебная программа по дисциплине «История архитектуры и градостроительства. Раздел 4. История современной архитектуры»	108
Часть III. Раздел контроля знаний	122
Список рекомендуемых источников информации	125

ПОДРАЗДЕЛ I. СОВЕТСКАЯ АРХИТЕКТУРА С 1918 ДО НАЧАЛА 1940-Х ГГ.

Тема 1.1. Введение. Архитектура авангарда 1920-х гг.

Архитектура в СССР была тесно связана со всем ходом развития народного хозяйства и культуры. Историю советской архитектуры целесообразно разделить на два периода:

1. Архитектура периода гражданской войны, восстановления народного хозяйства и построения социалистической экономики (1918 – начало 1940-х гг.).
2. Архитектура военных лет, послевоенного восстановления народного хозяйства и построения социалистического общества (1940-е – начало 1990-х гг.).

В начальный послереволюционный период строительство велось ограниченно, но творческая жизнь, в том числе и в сфере архитектуры, была очень активной. Распространены были конкурсы, тематика которых не ориентировалась на проблемы народного хозяйства, а в большей мере была реакцией на социальные перемены. Этот период позволил развиваться теории архитектуры, без которой невозможно было создать архитектурное решение на ранее неведомую тему, без предварительного проведения исследования. В борьбе мнений и идей формировались разные направления развития архитектуры. В 1920 г. созданы Высшие художественные мастерские (Вхутемас), где разрабатывались новые методики преподавания архитектурной композиции и изучались аспекты восприятия архитектурной формы в единстве ее функциональных, конструктивных и пластических качеств.

До 1921 г. шла Гражданская война, затем достаточно долго восстанавливалось народное хозяйство. Только с середины 1920-х гг. начались работы по реконструкции народного хозяйства с ориентацией на экономические основы социализма. Важнейшей особенностью этого периода была высокая духовно-идеологическая насыщенность жизни, яркая агитационная суть искусства, поиски и эксперименты в искусстве и архитектуре. Ожидаемым и неизбежным считалось обязательное переустройство среды проживания, труда и отдыха, и в целом формирование нового образа жизни. Высказывались мнения и относительно того, что именно архитектуре предстоит главенствующая роль в формировании новой среды, благодаря которой будет воспитан человек социалистического будущего.

Для этого периода характерно декларирование большого количества концепций развития искусства и архитектуры. Появилось много центров, занимавшихся проблемами создания новой архитектуры. При этом новое строительство почти не велось. Проектные решения оставались на бумаге, но они становились известными, задавали направления новых поисков романтическими и символическими решениями, которые стремились отразить перемены в обществе.

Первые градостроительные работы были связаны с разработкой генеральных планов Москвы и Петербурга. При этом, впервые проблемы застройки городов стали рассматриваться с учетом перспектив развития окружающих территорий. Москва, как «Город будущего» (инж. Б. Сакулин, 1918 г.) учитывала и зоны влияния с близлежащими городами Звенигород, Подольск, Люберцы и др. Впервые высказана необходимость создания кольцевых дорог и радиальных магистралей, зеленых поясов и др.

Под руководством А. Щусева и И. Жолтовского был разработан (1918–24 гг.) генеральный план Москвы – «Новая Москва» с перспективой реализации на 25–30 лет. Учитывалась исторически сложившаяся радиально-кольцевая структура города, предусматривалось сохранение памятников архитектуры. Кремль сохранял значение центра столицы.

Проект «Большая Москва» (С. Шестаков, 1921–25 гг.) прогнозировал увеличение города до 200 тыс. га (в 1912 г. территория Москвы была 17,7 тыс. га).

Подобные работы, прежде невиданных масштабов, проходили в оживленных дискуссиях. Проявились две концепции:

– урбанисты считали, что единственной прогрессивной формой расселения является город с высокой плотность населения. Должна формироваться сеть городов с население в 50–80 тыс. человек в каждом. Причем, это должны быть новые города, их сеть должна была в течение 10–15 лет заменить старые города. В таких городах предлагалось полное обобществление всех форм культурно-бытового обслуживания (общественное воспитание детей, каждый взрослый человек получает по комнате и т.д.);

– дезурбанисты, критикуя капиталистические города, вообще отрицали города как перспективная форма расселения. Предлагали создание сети современных магистралей, вдоль которых располагаются ленты жилых поселений («ни город, ни деревня»). Требовалось обеспечение населения личным автотранспортом. Основной вид жилища – индивидуальный домик из легких сборных конструкций на одного человека. Все культурно-бытовое обслуживание должно быть обобществленным, намечалось за счет государства.

Эти, во многом фантастические идеи, тем не менее учитывались, когда, с конца 1920-х гг. начались реальные градостроительные проработки новых районов в городах и даже новых городов, что было связано с реализацией планов первых пятилеток. Не приняты были оторванные от жизни предложения, а идея развития общественного обслуживания трудящихся стала последовательно реализовываться (бани, прачечные, фабрики-кухни, школы, детский учреждения и т. д.). Разработанный в 1930 г. план Сталинграда (А. и Л. Веснины) предложил разделить неудобную застройку города вытянутую вдоль Волги на многие километры на 4–5 жилых комбинатов, т. е. домов-коммун на 1,5–3 тыс. жителей. При этом, обеспечивалась хорошая связь с метами работы, учитывалась и технологическая последовательность промышленного производства.

Дезурбанистские принципы линейного расселения фактически были реализованы при проектировании Магнитогорска (М. Гинзбург, М. Охитович, 1930 г.). М. Милютиным была предложена поточно-функциональная система построения города. Все функции города четко разграничивались: территория железнодорожных путей; территория производственных, коммунальных и складских предприятий; зеленая полоса (защитная зона); жилая зона (сложная, так как разделяется на полосы, - полоса жилых зданий, полоса общественных учреждений, полоса детских учреждений, парковая зона, зона садовых и молочно-огородных совхозов (поля, фермы и др.)). Именно идеи Н. Милютина нашли воплощение в последующих градостроительных работах.

Одним из первых творческих архитектурно-новаторских центров стал Витебск, где в 1919 г. в Витебском народном художественном училище возникла руководимая К. Малевичем группа УНОВИС (утвердители нового искусства). В 1920 г. в Москве организован ВХУТЕМАС (высшие художественно-технические мастерские), реорганизованный в 1927 г. во ВХУТЕИИ (высший художественно-технический институт). В 1923 г. архитекторы-рационалисты объединились в ассоциацию новых архитекторов (ОСНОВА), из которой выделилось в 1928 г. Объединение архитекторов-урбанистов (АРУ). В 1925 г. создана организация архитекторов-конструктивистов – Объединение современных архитекторов (ОСА). В 1929 г. появилась новая группировка – Всероссийское объединение пролетарских архитекторов (ВОПРА). Параллельно восстанавливали свою работу и прежние, дореволюционные общества архитекторов – МАО (Московское архитектурное общество), ПОА (Петроградское общество архитекторов) и др.

В послереволюционный период выделяются такие направления революционного искусства, содействовавшие становлению новой архитектуры:

– агитационно-декоративное искусство (настенные панно, оформление улиц и площадей, плакаты и пр.: работы В. Маяковского, М. Шагала, Л. Лисицкого и др.);

– скульптурно-архитектурные формы во многом также относившиеся к агитационному искусству (памятники, памятники-лозунги и др., которым были свойственны лаконизм, четкость восприятия скульптуры, синтез архитектурно-скульптурных форм, использование новых материалов). Наиболее известные примеры – осуществление ленинского плана монументальной пропаганды, – около 40 памятников в Москве и Петрограде, из них наиболее удачным считался Обелиск Свободы в Москве (Д. Осипов, Н. Андреев, 1918–19 гг.) и памятник жертвам революции на Марсовом поле в Петрограде (Л. Руднев, 1919 г.). На Марсовом поле для создания мемориала использованы регулярная композиция сквера, но сохранившая и направления сложившихся пешеходных путей, четкая структура самого памятника, массивность всех его элементов, обеспечившая монументальность форм и синтез поэзии (поэтические тексты А. Луначарского) и архитектуры.

В первое послевоенное десятилетие в архитектуре проявилось такое направление как символизм, отразивший символично-романтические ожидания общества и пытавшегося архитектурными средствами и формами содействовать становлению новых общественных отношений (гигантомания и программ проектирования и архитектурных форм, аскетизм как эстетика пролетариата, количественный фактор как часть эстетики, так как объект создается для восприятия его народными массами и т.д.).

Среди разных вариантов символизма, в том числе и исторического, для которого характерны статичность и массивность форм, свойственных более средневековой архитектуре, но имитировавших незыблемость завоеваний революции, наибольший интерес вызывали концепции «технического символизма» и «левого символизма», представлявших новые устремления жизни и производства, легкость форм и динамизм композиций.

Наиболее яркий пример «технического символизма», – разработанный И. Голосовым проект на конкурс Дворца труда в Москве (1923 г.) с предложением тяжеловесных, «машинных» форм, напоминающих технические элементы, устройства и детали.

Проект Памятника III Интернационалу, как представитель «левого символизма» стал не просто предложением образа нового типа общественного здания, но и продемонстрировал совершенно новые подходы к архитектурному формообразованию (В. Татлин, 1919 г.). 400-метровая металлическая башня из стержней и спиралей в виде динамичной наклонной структуры включала и объемы зданий, расположенных друг над другом и имевших простейшую форму.

Причем каждый объем имел свое функциональное назначение: самый нижний – куб, в котором размещаются законодательные органы Коминтерна) должен был вращаться со скоростью одного оборота в год; над ним – объем усеченной пирамиды (исполнительные органы) должен был вращаться со скоростью одного оборота в месяц; над ним – объем в виде цилиндра (секретариат) и скорость один оборот в неделю; верхний объем – половина шара (руководство Коминтерна). Таких представлений об общественном здании прежде не было: предлагалось решение не только функциональной задачи, но и яркий символический образ революционных идей. Важным было и то, что этот архитектурный образ в целом символизировал будущее, так как в то время реализовать идею было невозможно.

А вскоре, в 1922 г., в Москве была построена радиомачта из металлических элементов: использован гиперболоид, – форма двойкой кривизны, созданной конструкцией из прямых стержней. Инженер В. Шухов, автор этой конструкции, был известен и в дореволюционное время как строитель сооружений с использованием эффектных форм пространственных конструкций.

Большое значение в развитии идей новой архитектуры имел конкурс на Дворец труда в Москве, проведенный в 1922–23 гг. Прежде всего ставилась поисковая задача: определиться с программой будущего реального проектирования, разработать предложения по функциональному составу помещений. Предлагалось запроектировать грандиозный зал на 8000 зрителей. Несколько других, но тоже весьма вместительных залов. Представленные проекты ориентировали на создание крупного общественного и культурно-просветительного центра. Первую премию получил проект Н. Троцкого в силе архаики с романтическим уклоном и одновременно с элементами тяжеловесной романской архитектуры, выступы объемов лестниц напоминали образы абсид в культовых зданиях. Большинство архитекторов отрицательно отреагировали на данное решение жюри.

Вторая премия была присуждена проекту И. Голосова, предложившего не только формы «технического символизма», но и сумевшего удачно организовать главный вход в здание на не вполне удобном участке.

Но наибольший интерес вызвал проект братьев Весниных (третья премия), который стал своеобразной творческой заявкой на создание нового направления в архитектуре: четкое решение функциональной задачи и выявление эстетики конструкций, в данном случае железобетонных конструкций. Сочетание прямоугольных форм с 20-этажной башней и ажурными элементами решетчатых мачт-антенн и линий проводов обеспечивали динамичность образа и выявление прогрессивных идей.

Как возможность реализовать поиски новой архитектурной формы была использована Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка в Москве (1923 г.). Идея создания такой выставки заключалась в стремлении показать первый успехи восстановления хозяйственного комплекса страны, создать возможность для установления взаимосвязей между отраслями и пропагандировать передовой опыт. Генеральный план разработал И. Жолтовский, он принимал участие и в проектировании некоторых павильонов. Наиболее интересным был признан павильон «Махорка» К. Мельникова. По воспоминаниям автора он сам был удовлетворен этим объектом, в котором сумел апробировать многие решения, которые использовал в последующих проектах: сборные деревянные конструкции, обеспечившие быстроту строительства; диагональные активные линии крыш; угловые окна; консоли; открытая винтовая лестница; использование технических элементов для создания художественного образа и др.

Рационализм

Проблема поиска архитектурной формы, соответствующей социальным основам нового общества, стала важнейшей на этапе становления советской архитектуры. Рационализм, как направление в архитектуре, ориентировал на то, что формообразование должно учитывать физиологические и психологические способности человека его воспринимать, должно соответствовать духовным представлениям человека об архитектуре и об архитектурных формах, прежде всего современности. Предваряли эти поиски работы в области формирования новых пространственных представлений. – кубизм и супрематизм К. Малевича и Л. Лисицкого. Теоретиками и творческими лидерами рационализма был Н. Ладовский, Н. Докучаев, В. Кринский. Они стали и организаторами Ассоциации новых архитекторов (АСНОВА) в 1923 г.

К течению рационализма примыкал К. Мельников, хотя официально не входил в АСНОВУ. Его работы способствовали преодолению традиционных представлений об архитектурных формах, расширяли набор выразительных средств в архитектуре. Рационалистом был обучавшийся во ВХУТЕМАСЕ в те годы И. Володько, уроженец Беларуси и работавший после окончания учебы в Минске. Он отметился за годы обучения рядом успешных проектов, опубликованных в архитектурной печати, в том числе и за рубежом, а также победой в конкурсе на павильон торгпредства СССР во Франции, построенного в Страсбурге в 1929 г.

Идеи рационалистов были мало реализованы в реальном строительстве в 1930-е годы. Но, ориентированные на способные к постоянному развитию принципы новой архитектуры, а не на создание каких-то конкретных форм или элементов, они стали востребованными в современном архитектурном процессе.

Конструктивизм

Сторонники этого направления в архитектуре считали в формообразовании приоритетом его функционально-конструктивную основу. Структуралистские приемы формообразования также просматривались в кубизме и супрематизме К. Малевича и Л. Лисицкого и демонстрировали возможность использования геометричности, строгости форм, структурности и универсальности для создания художественных произведений. Причем, эти же понятия как нельзя лучше соответствовали и устремлениям к аскетизму, отказу от лишнего и через это ко всеобщему равенству, провозглашенных лозунгами нового общества.

Первым конструктивистским архитектурным проектом стал конкурсный проект братьев Весниных на Дворец труда (1922–23 гг.). затем, в 1924–26 гг. проекты «команды Весниных» становятся победителями конкурсов, объявленных на: здание московского отделения «Ленинградской правды»; здание акционерного общества «Аркос»; универмага на Красной Пресне; ангара для самолетов; телеграфа в Москве. Позже ими были реализованы проекты дворца культуры завода им. Лихачева в Москве и Днепрогэса в Запорожье, показав возможности использования новых архитектурных решений и в общественных зданиях, и в промышленной архитектуре.

Тема 1.2. Лучшие произведения советской архитектуры второй половины 1920-х гг.

Смерть В. И. Ленина в январе 1924 г. стала началом формирования Мавзолея в Москве. Первый проект временного деревянного сооружения было поручено выполнить известному архитектору, академику А. Щусеву. Он с этой работой успешно справился в отведенный короткий срок. Временный, просуществовавший два месяца, Мавзолей был построен у Кремлевской стены на Красной площади. Второй деревянный Мавзолей строился также по проекту А. Щусева с марта по август 1924 г. Ступенчатая композиция первого решения получила развитие, усложнилось и функциональное назначение. По сторонам от траурного зала были устроены трибуны для руководителей страны. Для строительства использовали дерево дуба, кованые гвозди с фигурными красками, покрытие фасадов лаком. Все это, наряду с весьма гармонично выверенными пропорциональными соотношениями объемов придало сооружению величественный вид, который прочно вошел в сознание народа, как один из символов страны.

В 1929–30 гг. А. Щусеву поручают перестроить сооружение с заменой деревянных материалов каменными. Для этого использовали железобетонный

каркас с кирпичом и облицовкой стен разными породами естественного камня, что не делалось до этого в советской архитектуре. Ступенчато-пирамидальная часть Мавзолея упростилась: вместо шести ступеней стало пять, что повысило масштабность сооружения и его мемориальный характер. Существенно изменили размещение трибун и устройство лестниц на трибуны. Значительные изменения претерпела и Красная площадь, вплоть до вертикальной планировки, переноса памятника Минину и Пожарскому к храму Василия Блаженного и др. Красная площадь становилась местом проведения в столице государства парадов, праздников и всенародных торжеств.

В 1925 г. в Париже проводилась Международная выставка декоративного искусства, на которой страны, в том числе и СССР, были представлены отдельными павильонами. На проект павильона провели конкурс, в котором участвовали многие ведущие мастера архитектуры. Победителем стал проект К. Мельникова, который предложил динамичную композицию, которая резко отличалась бы от традиционных для того времени за рубежом эклектичных решений. активно использовался цвет, – красный, серый и белый, как предпочитаемая в конструктивизме цветовая гамма. Конструкции, - сборные деревянные. Такая архитектура была еще неизвестна в мировой строительной практике и имела большой успех.

В 1927 г. в Москве завершается строительство здания газеты «Известия» (Г. Бархин, при участии М. Бархина). Авторы выявили инновационность для того времени процессов типографского производства с помощью гармоничной композиции объема и фасадов.

Среди общественных зданий наиболее востребованными стали социально новые типы зданий, соответствующих устремлениям нового общества, прежде всего клубы. На первых конкурсах вырабатывались подходы к определению программ их проектирования: многообразие функций, театральные залы на 1000–2000 мест, выставочные залы, обширные аудитории, библиотеки и др. Но это позволило найти решения, использование которых обеспечило достаточно быстрое создание сети клубов, становившихся центрами общественной и культурной жизни трудящихся.

4-этажный Дворец культуры им. М. Горького в Нарвском районе Ленинграда (А. Гегелло, Д. Кричевский, В. Райлян; 1925–27 гг.) композиционно симметричен. Изогнутая форма главного фасада с мощными пилонами и обширным остеклением в центре также обеспечивала выразительность симметрии. В центре зал на 1900 мест, вокруг которого на всех этажах размещены клубные помещения. Однако при таком их размещении стремление к симметрии привело к нарушению четкости функционального зонирования.

Дворец культуры им. Лихачева в Москве (братья Веснины, 1931–37 гг.) стал популярным центром культуры, выражая своей как раз несимметричной композицией, разделившей многообразие функций, которые обеспечивалось планировочной структурой. Клубная часть с залом на 1200 мест получила отдельный вход, но соединялась переходом по второму этажу с фойе театра (зал на 4000 мест). Новшества тех лет, – обсерватория с металлическим покрытием купола обогатила силуэт и нависающий второй этаж над входом в клубную часть с железобетонными опорами, отражали, свойственные конструктивизму выявление функционального содержания комплекса и демонстрация потенциала эстетики конструктивных решений.

К своеобразным архитектурным решениям относится клуб им. Зуева (И. Голосов, 1927–29 гг.), эффектно размещенный на не вполне удобном участке. Здание на магистральную улицу выходило короткой стороной, но организация главного входа требовалась именно с этого фасада. Зрительный зал был устроен на втором этаже, а лестница для подъема к нему была устроена спиралью в стеклянном цилиндре на углу здания. Консольно нависающий, прямоугольной формы массивный этаж пятого этажа эффектно пересекал эту стеклянную форму. Необычность архитектоники, демонстрация возможностей железобетонных конструкций содействовали формированию запоминающегося облика.

Особое место в архитектуре клубных зданий занимают произведения К. Мельникова. Он не только решал функциональные процессы нового типа зданий, например четкое разделение работы среды для кружковой работы от среды для массовых мероприятий, но и всегда стремился к использованию впечатляющих, запоминающихся архитектурных форм, и никогда не повторялся. Оригинальное объемно-пространственное решение клуба им. Русакова в Сокольниках в Москве основано на особой организации зрительного зала. На уровне четвертого этажа три балкона зала вместимостью по 250 мест активно выступают наружу, создавая необычную форму, ассоциирующуюся с техницизмом, с деталью какого-то гигантского механизма. Редкие формы характеризовали архитектуру и других клубов К. Мельникова, – клуб завода «Каучук» (скругленный угол), клуб фабрики «Буревестник» (пятигранная форма башни для лестницы).

Развитие строительной науки и техники строительного производства позволяли использовать ранее неизвестные архитектурные формы: ленточное остекление, угловые окна, консольные выносы объемов, плоские крыши, каркасные конструкции и пр. Композицию здания планетария в Москве (М. Барщ, М. Синявский, 1927–29 г.) составило сочетание двух объемов – вытянутого прямоугольного параллелепипеда и цилиндра, перекрытого

куполом. Зал планетария размещался в цилиндрическом объеме и перекрыт железобетонным параболическим куполом диаметром 28 м. Нижняя часть цилиндра имела большие поверхности остекления, что создавало необычный по тем временам эффект сочетания форм из стекла и бетона.

Строились и здания традиционного направления, с элементами эклектики. И. Жолтовский считал, что от эклектики надо избавляться, но идти путем освоения принципов классической архитектуры. Достижения предшествовавшей архитектуры должны содействовать формированию архитектурного стиля, достойного новому обществу.

И. Фомин в своем творчестве развивал идеи интерпретации классической ордерной системы, полагая, что следует использовать композиционные закономерности классики, но ее формам придавать строгое современное воплощение. Он считал, что наиболее этому соответствуют суровые формы дорического ордера и что именно это будет соответствовать пролетарской идеологии. А новые, созданные на этой основе формы, называл «пролетарской классикой». Для Москвы (1928–29 гг.) он запроектировал здание «Динамо», – фактически два идентичных здания с башнями, соединенных нависающими над проездом переходами. Но построена была только одна часть, которая включала конторские помещения, универмаг, клуб. Фасад определяла система спаренных полуколонн, идущих на все высоту и завершающихся фактически аттиковым этажом. Хотя формы этого аттика сопровождалась нетрадиционными для классической архитектуры элементами: круглые окна и простая плита карниза вместо традиционных форм профилей. Часть здания занимали жилые помещения. 14-этажная башня соединяла две разные по функциям здания в единое целое. С одной стороны, здание развивало типологию жилой архитектуры с объектами общественного обслуживания. С другой, – крупный масштаб спаренных полуколонн формировал облик представительной столичной архитектуры.

В 1928 г. проводится конкурс на здание библиотека им. В.И. Ленина, – главного библиотечного здания страны. Лучшим был признан проект В. Щуко и В. Гельфрейха, предложивших комплекс из пяти частей, соединенных в одну системы вокруг внутренних дворов. Градостроительное размещение комплекса рядом с Кремлем было решено убедительно. Однако особенности зданий, формирующих комплекс библиотеки, свидетельствовали об изменении направленности архитектуры. Интерьеры, широкая мраморная лестница, множество обширных залов свидетельствовали об интересе к гипертрофированности форм и решений, к парадности отделки. Перед главным входом сформирована просторная площадь с колоннадами вдоль фасадов, напоминая «площади-пьяза» в итальянской архитектуре. А сам главный вход

был оформлен в виде портика. Использование на фасадах бронзовых горельефных портретов известных писателей и деятелей науки, а также скульптур, завершающих стены корпусов, с одной стороны стало примером синтеза искусств в архитектуре, как бы раскрытием потенциала архитектурных решений, но с другой – это было своеобразное возвращение в прошлое, к украшательству зданий, от чего решительно отказывались архитекторы-авангардисты. Стало это и показательным примером того, что теперь интересовало руководство страны в сфере архитектуры и строительства: стремление масштабными проектами, не ориентированными уже на выразительность простых форм, отражать успехи социальных преобразований и экономики советского строя.

В еще большей мере это нашло отражение в проектировании Дворца Советов в Москве, проведенном в четыре этапа. Первый этап (февраль 1931 г.) был фактически предварительным, целью было уточнение программы проектирования. Участвовали практически все наиболее известные архитекторы страны. Второй этап, в том же 1931 г., был Всесоюзным конкурсом с международным участием. Программа требовала создание крупного общественного здания, по сути памятника советской эпохе, с невероятно вместительными залами, – на 15 00 и 6 000 человек, и множеством служебных и обслуживающих помещений. Премиями отметили 16 работ, но особо выделили три проекта (проекты Б. Иофана и И. Жолтовского – СССР, Г. Гамильтона – США). То, что эти проекты были различной творческой направленности, показывало, что необходимы дальнейшие поиски создания монументального архитектурного образа.

Дальнейшее проектирование Дворца Советов (третий этап – март-июль 1932 г.) проходил уже при четкой ориентации на высотную композицию. Было высказано требование, чтобы «поиски должны быть направлены на использование как новых, так и лучших приемов классической архитектуры, одновременно опираясь на достижения современной архитектурно-строительной техники». При этом данное пожелание начиналось с того, что необходимы «монументальность, простота, цельность и изящество архитектурного оформления». А все это не вполне укладывалось в представления авангардных решений о будущем архитектуры.

На третьем этапе участвовали 15 творческих коллективов. Отмеченных на предыдущем этапе. В большинстве проектов авторы обратились при решении художественного образа к историческим образцам, порой интерпретируя образцы средневековой итальянской архитектуры. Поскольку полученные результаты не были признаны положительными, провели четвертый этап (август 1932 – март 1933 г.) с участием наиболее известных архитекторов. Для

дальнейшей разработки был отобран проект Б. Иофана, который развивал идею высотной композиции. Основу планировочного решения получил круглый зал на 20 000 человек в центре здания, а над ним полукруглый зал на 6 000 человек. Получалась ярусная структура, завершавшаяся 18-метровой скульптурой «Освобожденный пролетарий». Общая высота здания со скульптурой составляла 260 м.

Дальнейшую работу над проектом поручили коллективу архитекторов: Б. Иофан (руководитель), В. Щуко и В. Гельфрейх. При этом. Было высказано решение о завершении здания скульптурой Ленина высотой 50–75 м, превращая здание фактически в пьедестал для памятника. В 1934 г. эскизный проект был выполнен, здание превратилось в сложную многоступенчатую композицию, высотой 415 м вместе с 80-метровой скульптурой. В 1939 г. проектирование было завершено практически полностью, но дальнейшие работы были прерваны начавшейся войной.

Дворец Советов должен был стать величественным сооружением, отражающим своими гигантскими размерами успехи новой идеологии. Этими конкурсами были продемонстрированы архитектурному сообществу требования на повышенную монументальность и образность.

В целом данный период характеризуется становлением новых и обновлением уже известных типов зданий. Создавались первые нормы на проектирование. Архитектура была обновлена на основе использования новых подходов к формообразованию.

Вместе с тем проявились, особенно в процессе эксплуатации, и недостатки, прежде всего из-за резкого отрицания архитектурно-строительных традиций. Такие формы, как большие площади остекления, плоские крыши, первые этажи на опорах и др., не всегда могли обеспечиваться соответствующими техническими решениями. Например, это приводило к претензиям потребителей, которые стали заселять дома-коммуны и другие варианты нового жилья. Кроме того, значительно улучшилось экономическое состояние и государства в целом, и отдельных граждан. Упрощенные решения, ориентированные на простоту и аскетизм быта, становились все менее востребованными. Не учитывала новая архитектура и специфики национального архитектурного творчества, которая определялась тысячами архитектурно-строительного процесса бытовыми и культурными традициями народов. Не всегда в полной мере учитывались и природно-климатические особенности территорий, что всегда влияло на образы объектов архитектуры. Как следствие, конструктивистов стали упрекать и в пренебрежении эстетической стороны архитектурного творчества. Кроме того, реальные успехи первых пятилеток, общество хотело выразить в архитектурных образах, достойных значимости этих

успехов. Поэтому архитектурный процесс все более стал сдвигаться в направленность, связанную с повышением роли традиций в формировании архитектурных образов. Проектирование Дворца Советов, библиотеки им. В. И. Ленина в Москве, активно и одобрительно пропагандировались в печати и достаточно ясно демонстрировало то направление, которой ожидалось от архитектурного творчества.

Тема 1.3. Архитектура рубежа 1920–1930-х гг.

Если в первые послереволюционные годы проблема обеспечения жильем решалась в основном за счет восстановления разрушенного жилого фонда и перераспределения жилья путем конфискации, то к концу 1920-х гг. объемы жилищного строительства начали возрастать. В архитектуре жилых зданий шел поиск приемов, которые должны были содействовать укреплению общественных связей между членами нового общества, совместного решения бытовых проблем. Начался и поиск наиболее экономичных решений, так как не хватало материалов. Строительство в основном было малоэтажным: опытно-показательный поселок «Сокол» в Москве (1923 г.) с проверкой планировочных решений, сантехнического оборудования, различной типологией (одноэтажные, мансардные, блокированные и др.), разные материалы (бревенчатые, шитовые, деревянные с засыпкой между стенами и оштукатуренные, кирпичные и др.). Поселок малоэтажного строительства завода АМО в Москве (И. Жолтовский) формировали двухэтажные жилые дома с квартирами в двух уровнях и с самостоятельными входами. Важно, что в этом поселке предусматривалась система общественного обслуживания: пункты питания, детские учреждения, культурно-массовые учреждения и др.

Началось проектирование типовых секций для жилых домов с учетом стандартизации конструктивных элементов. Первоначально ставилась задача создания сквозного проветривания квартир, что повышало санитарно-гигиеническую состояние условий проживания. Но получалось только две квартиры на лестничной клетке при узком корпусе. Поэтому с целью сокращения теплопотерь и уменьшения количества лестниц, корпус стали делать шире, отказались от обязательного сквозного проветривания во всех квартирах и перешли на планировку секции в четыре квартиры. Были и иные решения, вполне удачные, даже не с проходными квартирами. Но проблема состояла в том, что, как правило, в связи с острой нехваткой жилья, заселяли новые квартиры покомнатно. Семья получала только одну комнату, а квартира становилась

коммунальной, с общей кухней и санитарным узлом на две-три или четыре семьи.

В послереволюционные годы жители часто объединялись в коллективы – коммуны, чтобы регулировать взаимоотношения совместного проживания и этим вносить порядок в непростые жилищные условия. И хотя с улучшением материального положения населения интерес к таким формам повседневной жизни стал уменьшаться, такая форма организации быта все же получила распространение и в ней увидели возможности создания новых типов жилой среды с развитым общественным сектором. Прогрессивным был сам поиск новых решений и понимание необходимости развития системы культурно-бытового обслуживания населения. Но стремление обеспечить решение этих проблем с минимальными затратами нередко приводило к предложению минимизированных планировочных и объемно-пространственных структур, даже порой «казарменного» типа.

На конкурсе на проекты показательных жилых домов для рабочих (1922 г.) выделился проект К. Мельникова, в котором все же учитывалось, что уравнивать жилищные условия для всех невозможно и не надо. В проекте были предложены в одном жилом комплексе дома с квартирами в двух уровнях – для семей и дома для одиноких, с соединением их переходами с общественно-культурным центром.

В 1928 г. в Москве, в районе Шаболовка», был построен первый «дом-коммуна», крупный П-образный в плане комплекс с общественными учреждениями в центре (столовая, комнаты для собраний, детский сад, кружковые комнаты и др.). В боковых корпусах – общежития для одиноких и трехкомнатные квартиры с индивидуальными кухнями.

В 1930 г. в Москве в Донском переулке построен студенческий дом-коммуна на 2 тысячи человек, состоявший из трех корпусов: 8-этажный спальный; спортивный блок; корпус общественных помещений. При функционально правильном подходе к проблеме совместного проживания, все же достаточно быстро выявились и недостатки: небольшие размеры комнат, – 2,7 х 2,39 м, формировал очень узкий спальный корпус, что делало его холодным.

Разработки новых типов жилья велись под руководством М. Гинзбурга. По его проекту (совместно с М. Милинисом) в Москве на Новинском бульваре в 1930 г. построен дом для работников Наркомфина. 6-этажный жилой корпус соединялся переходом с общественным блоком. Номенклатура квартир была достаточно широкой: 1-комнатные для одиноких; 2-комнатные малометражные квартиры для небольших семей; 3-комнатные для больших семей. 2- и 3-комнатные квартиры были сделаны в два уровня. Это обеспечивалось особым

размещением вдоль жилого корпуса коридоров, которые устраивали не на каждом этаже.

В мае 1930 г. постановлением ЦК ВКП(б) была подвергнута критика излишнего обобществления бытовых процессов, которые стали превалировать в архитектуре «домов-коммун». В этот период существенно улучшилось материальное состояние населения, все более востребованным становились обычными квартирными жилища. Квартиры без кухонь не привлекали, так как расчет на общественное питание, а также отделение детей от родителей, фактически ликвидировали понятие семьи и дискредитировали саму идею поиска новых форм жилища.

Довоенные годы – время второй и третьей (оставшейся незавершенной) пятилеток, время высоких темпов экономического и хозяйственного развития, в том числе и строительства.

Большую положительную роль в формировании принципов социалистического градостроительства имела работа по созданию Генерального плана реконструкции Москвы. К моменту завершения работы над Генеральным планом по нему уже велись крупные градостроительные работы. Например, завершение в 1935 г. первой очереди метрополитена и строительные работы по сооружению канала им. Москвы. Ввод в строй канала в 1937 г. кардинально изменило систему водоснабжения столицы.

Основопологающим положением генерального плана было: регулирование численности жителей города в соответствии с развитием промышленности; сохранение исторически сложившейся планировочной структуры с решительной ее реконструкцией; обводнение города и создание лесопаркового пояса для оздоровления воздушного бассейна; осуществление застройки города крупными кварталами с организацией сети культурно-бытового обслуживания. Развитие города намечалось в юго-западном направлении, свободном от промышленных предприятий. Особо отмечалось значение художественно-образного решения столицы.

Наиболее яркими мероприятиями были: строительство первой и второй очереди метрополитена; реконструкция основных магистралей; реконструкция центра города; создание девяти новых речных мостов через реки и реконструкция набережных. Магистралы расширялись и спрямлялись, застраивались многоэтажными зданиями. Центр города трактовался как система пространств связанных друг с другом площадей. Было снесено множество строений антисанитарного состояния. На их месте построены гостиница «Москва», здание Совета Труда и Оборона, убиралась из центра города несистемная, хаотичная жилая застройка.

Аналогичные работы проводились в Ленинграде, хотя там не возникало острых потребностей проводить срочно первоочередные работы, например реконструкция центральной части города или основных магистралей. Основное внимание было уделено строительству крупных жилых районов вдоль главных магистралей, хотя и были предложения сместить центр города на новую территорию. Но эта идея была отклонена, так как созданный в прежние столетия центр города имел высоко выразительные архитектурно-художественные достоинства.

География возникновения новых городов в 1930-е гг. определялась развитием промышленности. Это позволяло и полнее, чем при реконструкции реализовывать концепцию социалистического города. В этом отношении характерен город Запорожье, созданный на месте нескольких рабочих поселков, возникших во время строительства Днепровской ГЭС. Планировку города определяло рационально проведенное зонирование. Параллельно жилым образованиям за широкой зеленой полосой с подветренной стороны расположили промышленные предприятия, удобно связанные с жилищами. Предусматривалось полное общественное обслуживание жилых зон, создание парка культуры и отдыха. Центральный проспект обеспечивался архитектурными акцентами, чтобы обеспечить его восприятие как главного элемента города.

Масштабным комплексом в советской архитектуре того времени стал Дом государственной промышленности в центре Харькова. Центром города, – в то время столицы Украинской ССР, стала обширная площадь, скомпонованная из круглой и прямоугольной частей. Дом госпромышленности, состоящий из девяти радиально ориентированных корпусов, с двумя проездами между ними, был размещен в плане по дуге, выявляя пространство круглой площади. Висячие переходы над проездами соединяют все корпуса в единую композицию. Впечатляет многоступенчатая структура объемов, достигающей в некоторых корпусах 14 этажей. Комплекс проектировался и строился разными архитекторами и вводился по частям: в центре Дом госпромышленности в 1925–28 гг. (С. Серафимов, М. Фельгер, С. Кравец), по сторонам Дом проектных организаций в 1930–34 гг. (С. Серафимов, М. Занберг-Серафимова) и Дом промышленной кооперации в 1929–34 гг. (А. Дмитриев, О. Мунц). Тем не менее, композиционная и стилистическая целостность всего комплекса была выдержана.

В 1932 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», послужившее основанием для создания Союза архитекторов СССР. Перед архитекторами была поставлена задача выработки творческого метода, на основе которого можно было бы

объединить все творческие усилия, сохраняя свободу личного творчества. Метод социалистического реализма применительно к специфической при роде архитектуры должен был быть противопоставлен различным антиреалистическим течениям и направлениям. Формообразование в архитектуре должно определяться учетом многообразных взаимодействующих факторов; исторически меняющихся социальных и культурных потребностей, природных условий места строительства, особенностей существующей материально-технической базы строительства, достижений науки и техники, экономики строительства и эксплуатации, развивающихся эстетических идеалов общества, таланта и мастерства архитекторов.

Многоэтапный конкурс на проект Дворца Советов показал, что эстетика новой архитектуры не могла решить высокие идейно-художественные задачи. Становилась очевидной необходимость связи новой архитектуры и классической традиции. Сама действительность, невероятные успехи первой и второй пятилеток вызывали всеобщий подъем и гордость, что требовалось выразить в достойных архитектурных формах. Но в новой архитектуре того времени не находилось достаточно выразительных решений для выполнения такой задачи. А в классической архитектуре разнообразие композиционных и декоративных приемов для этого было давно отработано и известно. Кроме того, новая архитектура мало использовала и потенциал традиций национальной архитектуры, ее форм и достижений. Все это становилось основой для изменения творческой направленности советской архитектуры в сторону традиционализма. Попыткой показать, что возможности авангардной архитектуры не исчерпаны стал дипломный проект «Институт библиотековедения им. В. И. Ленина на Ленинских горах в Москве», который стал своеобразным символом конструктивизма. И. Леонидов предложил необычное композиционное решение здания института, состоящего из отдельных самостоятельных частей, расположенных по трем координатным осям. Шарообразный объем аудитории на 4000 человек и вертикальный параллелепипед книгохранилища составляют основу объемно-пространственной композиции. Сочетание ясных геометрических объемов создавало необыкновенно пластическое многообразие и пространственную многоплановость композиции. Здание и статично, и динамично одновременно. Чистота решения, единство формы и ее назначения, совершенство пропорционального строя, художественная выразительность, легкость и изящество сооружения, – все слилось в неразрывное целое. Для создания выразительной композиции И. Леонидов использовал возможности технических достижений тех лет, включив открытые конструкции в общую художественную композицию здания. Проект не был реализован, но быстро

приобрел мировую известность и во многом предвосхитил пути развития прогрессивной архитектуры XX века.

Однако, перед архитекторами ставились все более конкретные задачи практической направленности, например связанные с решением проблем массового жилищного и культурно-бытового строительства, так как отставание в этом тормозило развитие промышленного производства.

Тема 1.4. Активизация освоения классического и национального наследия

В архитектуре общественных зданий второй половины тридцатых годов наглядно проявился процесс постепенной монументализации советской архитектуры в целом, своеобразный синтез конструктивизма и традиционализма. Здание Центросоюза, построенное в Москве в 1935 г. (Ле Корбюзье, Н. Колли) осталось почти незамеченным.

Показательно в этом отношении здание гостиницы «Москва» около московского Кремля (А. Щусев и др., 1936 г.), сочетавшее выразительность объемной композиции с преувеличенным монументализмом форм и элементами эклектики. Отличалось оно несимметричностью главного фасада, в чем все же направления авангардной архитектуры в чем просматривались остатки авангардных тенденций, уходивших от симметричных решений.

Более целостным подходом к формированию монументальной безордерной композиции стало здание Академии им. Фрунзе в Москве (Л. Руднев и др., 1937 г.). Лаконичными средствами создан романтически приподнятый образ, олицетворяющий могущество армии. Многочисленные повторы одного архитектурного элемента по всем фасадам крупного, но простого по форме объема, содействовали достижению желаемого эффекта, – получения преувеличенной масштабности в композиции. А ордерная система фактически присутствовала в наличии замаскированного под новые формы антаблемента и активном карнизе, завершавшем стены.

Если в архитектуре двадцатых годов преобладали горизонтальные линии и формы, то в тридцатые годы неуклонно возрастает архитектурная роль вертикалей, что предопределялось стремлением к монументализму и к созданию преувеличенной масштабности объектов строительства, а впоследствии и к гигантомании. Активный вертикальный ритм и своеобразная ордерная структура фасада характеризовала архитектуру здания Совета Труда и Оборона (ныне Государственная дума) в Москве (А. Лангман, 1936 г.). Уравновешенность форм, обстоятельность симметричной композиции соответствовали важности

административного здания, но не содействовали композиционному взаимодействию с окружающей застройкой.

К концу 1930-х гг. безордерность или неявное использование элементов ордерной архитектуры сменяется использованием откровенных ордерных форм. Здание Дома Советов в Ленинграде (Н. Троцкий, 1940 г.) характеризуется гипертрофированным масштабом площади перед ним, усложненным трехчастным членением фасада с активно выступающими трехчетвертными пилястрами, фризом с многофигурными барельефами и рустованными участками стены, поднимающимися до самого карниза.

Обращение к историзму проявилось и в использовании приемов символизма. Химкинской речной вокзал (А. Рухлядев, 1937 г.) – здание в виде корабля на причале, театр Красной Армии в Москве (К. Алабян, В. Симбирцев, 1934–40 гг.) с планом в форме пятиконечной звезды и с круговой галереей пятиконечных в плане колонн.

Речной вокзал в Химках завершал канал им. Москвы, который протянули от Волги до Москвы на расстояние 128 км. Помимо технической стороны этого непростого сооружения (только 8 км проложены по естественному ложу рек, остальное – искусственные сооружения), в направленности архитектуры всех его сооружений своеобразно отразились процессы архитектуры тех лет. Канал проходил по Среднерусской возвышенности, поэтому использовались ассоциации с архитектурой, которая хорошо была известна в усадьбах классицизма. Даже технические сооружения (шлюзы, насосные станции и др.) для которых прежде всего были важны функциональные и технические требования, получали формы ордерной системы, с колонными портиками, развитыми карнизами, скульптурой и произведениями декоративного искусства.

Пафос трудового героизма тех лет, всеобщего подъема вдохновлял и архитекторов. Архитектура многих зданий, построенных в довоенный период, отличались высоким профессионализмом. Советский павильон на Международной выставке в Париже (Б. Иофан, скульптор В. Мухина, 1937 г.) ярко отразил динамику процессов в СССР. Экспрессивная и динамичная композиция, основанная на выразительном ритме повышающихся к главному фасаду пилонов, при всем этом была проста и лаконична. Скульптура «Рабочий и колхозница» над входом показала возможности синтеза современных архитектурных форм с пластическими видами изобразительного искусства.

Компактный план павильона СССР на Международной выставке в Нью-Йорке (Б. Иофан, К. Алабян, скульптор В. Андреев, 1939 г.), в отличие от парижского павильона с его неудобным протяженным корпусом, осложнявшим организацию выставочных залов, более соответствовал целям создания экспозиционных пространств. Но мелко раздробленные формы, насыщенные

декоративными элементами и текстами идеологической направленности, не соответствовали образу представительного, интересного архитектурного решения.

Серьезным испытанием для строителей и архитекторов стало строительство в Москве метрополитена, первая очередь которого открылась в 1935 г. в архитектуру вернулись высококачественные отделочные материалы (гранит, мрамор, бронзовое и чугунное литье), скульптура и настенная живопись. Входные павильоны первой очереди характеризовала функциональность их организации, небольшие размеры зданий формировались ограниченным набором помещений и простотой отделки. Входной павильон «Красные ворота» (Н. Ладовский, 1935) простотой и геометричностью своих форм и цветовым решением, с одной стороны исходили из поисков архитекторов-рационалистов выразительной архитектурной формы, а с другой – напоминали о стоявших здесь ранее на площади триумфальных воротах XVIII века. Станция «Кропоткинская» (А. Душкин, Я. Лихтенберг, 1935 г.), отличалась оригинальным безбалочным перекрытием, поддерживаемым двумя рядами опор со своеобразным грибовидным двухъярусным завершением, которое, очевидно с учетом размещения станции около будущего Дворца Советов, сделано пятилучевым в сечении, напоминая об одном из символов государства. Но интерьер перронного зала в виде нерасчлененного пространства, было фактически архитектурно-техническим достижением в практике метростроения. Станция «Площадь Маяковского» (А. Душкин, 1938 г.) относится ко второй очереди и демонстрировала возможности в отделке интерьера нержавеющей стали, как явного символа индустриальных достижений страны. Украшением станции стали плафоны с росписью на спортивную тематику. Наземные павильоны второй очереди уже превращались в здания, пышно украшенные архитектурными деталями с использованием скульптуры, барельефов, фонарных столбов, – станция «Динамо». И в целом в архитектуре станций второй очереди больше было синтезирующих решений с привлечением в архитектуру изобразительных искусств – фрески, мозаики, скульптура.

К числу технических достижений довоенного времени относится и здание Новосибирского оперного театра в тонком железобетонном куполом диаметром 50 м над залом при приведенной его толщине всего в 8 см. Задуманный в духе новаторских идей с трансформирующимся залом, к тому же для театральных и цирковых представлений, его уже в процессе строительства пришлось изменять, в том числе и в связи с тем, что не только изменилось отношение к театральному действию (сценография повернулась в сторону традиционных представлений, – «назад к Островскому»), но и были введены нормы проектирования театральных зданий в зависимости от их специфики. Пришлось уменьшать вместимость

зрительного зала. Поэтому преувеличенность объема здания и монументальность композиции, а также процесс перепланировки в ходе строительства стали обычными практически для всех, строившихся тогда театральных зданий, в том числе и для театра оперы и балета в Минске.

Театр Красной Армии в Москве своей архитектурой должен был выразить мощь Красной Армии, стать зданием-монументом. Авторам пришлось проявить изобретательность, стараясь как можно более логично разработать планировку театра, оправдывая форму плана. Но проблемы были неизбежны и выразились в преувеличении площади холлов и фойе, количества лестниц, ухудшении акустики и др. Это, по сравнению с аналогами театральных зданий, увеличило кубатуру театра в два раза.

Индустриальное массовое строительство развивалось по следующим направлениям:

- типизация архитектурных параметров;
- укрупнение конструктивных элементов;
- разработка и внедрение скоростной технологии строительства.

На первом этапе развития крупноблочного строительства в архитектуре домов имитировалась каменная кладка, – делались ложные швы. Затем сетку швов укрупняли, переходя к образам блочного дома. А. Буров (1940 г.), стараясь устранить данную тенденцию фактически приблизился к идее панельного строительства, используя в конструкции стен жилого дома по Ленинградскому проспекту в Москве блоки на один этаж и применив орнаментальные сюжеты в их отделке.

ПОДРАЗДЕЛ II. СОВЕТСКАЯ АРХИТЕКТУРА С 1940-Х ДО НАЧАЛА 1990-Х ГГ.

Тема 2.1. Архитектура военных лет и освоение наследия в послевоенное десятилетие

Период с 1941 г. до середины 1950-х гг. занимает особое место в истории советской архитектуры. Великая Отечественная война против немецких захватчиков была войной справедливой и приобрела всемирно историческое значение.

Архитекторы с боролись с врагом с первых дней войны и непосредственно с оружием в руках, и участвуя в военном строительстве, в маскировочных работах, в строительстве новых объектов эвакуированной промышленности. На

обширных восточных и юго-восточных территориях страны были возведены новые или расширялись действовавшие промышленные производства (Иркутск, Омск, Челябинск, Темиртау, Норильск и др.). требовалась проектная документация не только на объекты производства, но и на строительство новых поселений, нужны были типовые проекты городского, поселкового и сельского жилья. Все это выполнялось с участием архитекторов в самые краткие сроки.

Примером комплексного жилищного строительства в военное время является поселок для рабочих нефтяников г. Гурьева в Казахской ССР. На этой стройке были широко применены строительные конструкции из местных материалов, вплоть до самана и гипса, с учетом традиций народной архитектуры. Учитывались особенности климата, дома делались с навесами, с айванами, обеспечивающими тенью защиту помещений и стен, с открытыми лестницами. Важным стало и единое градостроительное решение, обеспечившее ансамблевость и комплексность нового строительства.

Продолжалось в годы войны и строительство метро в Москве, сразу же начинались восстановительные работы на освобожденных территориях.

О важности вопросов архитектуры стало и организация в сентябре 1943 г. Государственного комитета по делам архитектуры при Совнаркоме СССР (председатель – архитектор А. Мордвинов). Это был первый в стране специальный государственный общесоюзный орган, непосредственно ведавший архитектурой, как отраслью народного хозяйства.

Перед архитекторами ставились конкретные профессиональные задачи и отмечалось, что приходит время, когда «архитектурные замыслы в небывало огромных масштабах будут претворяться в реальном строительстве». Отмечалось и то, что «Социалистическое строительство должно быть целеустремленным, красивым, радующим глаз, но не вычурным и не претенциозным».

Однако это предупреждение не было учтено в должной мере. Наряду с реалистическим подходом к решению задач в массовом, особенно жилищном строительстве, дальнейшее развитие получили и наметившиеся в предвоенные годы тенденции излишней монументализации архитектурных форм, архаической стилизации и декоративизма, прежде всего в общественных зданиях.

В этом явлении можно отметить и объективную закономерность. Всеобщее и широкое обращение к классическому наследию в архитектуре было связано с общим возрождением общественного интереса к национальной истории, к героическому прошлому народа, к великим предкам – защитникам Родины. Изменение военной формы в годы войны, восстановление традиционных военных званий, учреждение военных орденов и медалей

Александра Невского, Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова, Хмельницкого народного патриотического порыва было отражением в борьбе с захватчиками. Тенденция подчеркнутого историзма отразилась в послевоенные годы повсеместно во всех видах искусства. В архитектуре она была подготовлена еще обозначившимся предвоенным курсом на освоение исторического наследия прошлого.

Масштабным направлением советской архитектуры с 1943–44 гг. было восстановление разрушенных городов и сел. Создавались специальные архитектурные мастерские, которые возглавляли ведущие архитекторы СССР. Они закреплялись за конкретными городами: Новгород – А. Щусев, Сталинград – К. Алабян, Киев – А. Власов, Ялта – А. Буров, Орел – В. Гельфрейх, Смоленск – Г. Гольц, Калинин – Н. Колли Новороссийск – Б. Иофан, Воронеж – Л. Руднев и др.

Особенно сложным было восстановление Сталинграда, Минска, Киева. Учитывались ошибки и недостатки предшествовавших периодов развития этих городов, и появление новых градообразующих факторов. В Сталинграде новый генеральный план предусматривал раскрытие города на Волгу, от которой он был отделен железной дорогой и сплошной полосой складов, нефтебаз, водозаборов промышленных предприятий, причалами, растянувшимися по берегу реки на десятки километров. Создавался новый городской центр, которого раньше вообще не было, и ансамбли городской застройки, предусматривалось озеленение, благоустройство набережных. Генеральный план Минска, застройка которого была разрушена на 80 %, сохранив в принципе исторически сложившуюся планировочную структуру города, предусматривал формирование главной магистрали, ее пересечение с поперечной магистралью, которая соединяла центр с районами создания крупной автомобильной, тракторной, велосипедной и радиотехнической промышленности. Коренной реконструкции подвергались районы жилой застройки, зоны отдыха.

Новый генеральный план Москвы предусматривал развитие положений предыдущего генплана 1935 г. с учетом развития линий метрополитена, создания новых магистральных улиц и крупномасштабного развития юго-западного района столицы. Обратили внимание на то, что с повышением этажности жилища пропал исторически сложившийся живописный силуэт города. Необходимы были высотные доминанты, чтобы восстановить своеобразие пространственной структуры города. Не отказались еще и от идеи строительства Дворца Советов, который продолжали проектировать до конца 1950-х гг. новые высотные доминанты должны были создавать промежуточный масштаб между рядовой застройкой и вертикалью Дворца Советов. И задачей идеологического значения было стремление как можно более выразительно запечатлеть именно в

столице СССР подвиг народа в Великой Отечественной войне. По давней традиции выдающиеся исторические события отмечались постановкой архитектурных монументов, всегда с развитой пластикой архитектурных объемов и устремленным вверх силуэтом.

Было предложено расположить в Москве семь высотных зданий в ответственных в градостроительном отношении местах – на пересечении радиальных магистралей с Садовым кольцом и рекой Москва. Этим высотные объекты становились вертикальными акцентами нового силуэта Москвы, выявляя ее холмистый характер и планировочную структуру.

Были построены на Садовом кольце:

Административное здание на Смоленской площади – Министерство иностранных дел СССР (В. Гельфрейх, М. Минкус);

Гостиница «Ленинградская» на Комсомольской площади (Л. Поляков, А. Борецкий);

Административное здание на Лермонтовской площади (А. Душкин, Б. Мезенцев);

Жилой дом на площади Восстания (М. Посохин, А. Мндоянц);

На излучинах реки Москва построены:

Здание Московского государственного университета (Л. Руднев, С. Чернышев, П. Абросимов, А. Хряков, В. Насонов);

Гостиница «Украина» (А. Мордвинов, В. Калиш, В. Олтаржевский);

Жилой дом на Котельнической набережной (Д. Чечулин, А. Ростковский)

Тема войны и великой победы в Великой Отечественной войне все послевоенное десятилетие оставалась ведущей и в искусстве, и во всех сторонах жизни общества в целом. Это ввело в творческий процесс мемориальную архитектуру с поиском особо выразительных эмоционально воспринимаемых средств, способных достойно отразить героизм и трагедии прошедшей войны. Первым крупным мемориальным памятником советским воинам стал ансамбль в Трептов-парке в Берлине (А. Белопольский, Е. Вучетич, 1950 г.).

Широкий размах в восстановительных работах приобрело восстановление и реставрация памятников архитектуры, разрушенных и разграбленных захватчиками (Новгород, Псков, Киев, Калинин, Чернигов Смоленск и др.) и промышленных предприятий (ДнепрогЭС и др.). активно возводились новые производственные сооружения и объекты энергетической промышленности – гидроузла Рыбинской и Угличской ГЭС. В 1952 г. введены в строй Волго-Донской канал и Цимлянский гидроузел с мощной ТЭС. Канал соединил все моря европейской части СССР – Белое, Балтийское, Каспийское, Азовское, что позволило создать единую воднотранспортную систему и обводнить обширные территории засушливых земель в Волгоградской и Ростовской областях. 101

километр, 13 шлюзов, 13 плотин и дамб обеспечивались не только новыми техническими и технологическими решениями (изготовление архитектурных элементов на железобетонных заводах), но и соответствующими архитектурными решениями. Перед архитекторами стояла задача предложить архитектурные формы, создающие выразительные доминантные акценты на трассе протяженностью в 100 километров и художественно отражающие победу в сражениях, прошедших в этих местах в Гражданскую и Великую Отечественную войны. Функционального, то есть чисто технического, назначения архитектура в данном случае не имела. Поэтому объектам канала характерна грандиозность форм и сочетание стилизаторства с декоративизмом.

Реконструируемые, восстанавливаемые и вновь возводимые города и села требовали внедрения заводских методов производства строительных элементов, а для этого – типизации проектов жилищного строительства и культурно-бытовых зданий. Работа предвоенного периода уже широко использовала типовые секции. Поэтому все более явной становилась проблема типового проекта на все здание. Уже в 1946–1947 гг. было рекомендовано более 200 типовых проектов малоэтажных жилых и общественных зданий. Типовая застройка в 2–3 этажа с использованием мотивов классицизма или Ренессанса довольно широко использовалась даже в крупных городах, но вскоре была прекращена с их недостаточной экономичностью. В конце 1940-х гг. укрепление строительной индустрии развернули еще шире работу по проектированию типовых жилых секций и домов, а затем и серий типовых жилых домов, что позволило сократить число типоразмеров строительных изделий.

Параллельно осуществлялось экспериментальное проектирование и строительство жилых домов, в котором проверялись эксплуатационные качества новых типов квартир и домов, новых видов сборных конструкций, стеновых и отделочных материалов, методов возведения зданий. В 1947 г. была разработана идея крупнопанельного строительства жилых домов. В 1948 г. в Москве был сооружен первый экспериментальный 4-этажный каркасный жилой дом, а затем такими домами стали застраивать кварталы столицы. В 1949 г. запроектирован первый бескаркасный панельный жилой дом, их строительство началось в Москве и Магнитогорске в 1950 г. повышалась высотность зданий. До семи и до восьми этажей. Этим была начата реализация принципиально нового направления массового индустриального строительства.

Совершенствование технологии строительного процесса позволило с начала 1950-х гг. повысить этажность жилых домов до 10 и даже 14 этажей. Такие заметные размеры зданий позволяли ставить их на основных магистралях городов, а так как им придавалось особое значение в облике застройки в целом, то использование их индивидуального проектирования также получило

развитие. При этом не только фасадам уделялось внимание. И. Жолтовский для двух домов в Москве (на Калужской улице и на Смоленской площади) запроектировал индивидуальные дома с экономичной секцией: восемь квартир на одну лестничную клетку и лифт, при ширине корпуса в 19 м. удобная планировка, оборудование стенными шкафами, минимум проходных комнат делали квартиры удобными и комфортными для проживания. Фасады характеризовала стилизация из тем художественной системы Ренессанса, но гармония пропорций, тонкая расстановка акцентов, четкий ритм протяженных фасадов привлекали своей изысканностью. Уместной воспринималась и башенка в доме на Смоленской площади, привлекавшая внимание к выходу к Москве-реке и к станции метрополитена.

Жилой дом на Садово-Триумфальной улице (З. Розенфельд, А. Сурис, 1949 г.) демонстрировал возможности обогащения композиции протяженного жилого дома за счет пластики фасада, завершения его по торцам и даже с использованием сложности в виде кривого угла, созданного пересечением проспектов, для повышения художественной выразительности. Однако индивидуальные дома были своего рода «штучным товаром», они не могли снять остроты вопросов массового жилищного строительства. В то же время к середине 1950-х гг. уже были вполне сформированы предложения строительной индустрии, позволявшие в 2, 5-3 раза сократить сроки строительства и снизить его стоимость. Все более становилось понятным, что предстоит переход на индустриальное строительство зданий из укрупненных элементов промышленного производства. Это требовало необходимости пересмотра творческих позиций в архитектуре, в ее художественной направленности.

Типовое проектирование охватило и общественные здания, продолжая начало таких работ в довоенный период: разрабатывались проекты школ, клубов, дворцов культуры. Существовали два направления в архитектуре общественных зданий: новаторская (в исторически обусловленных рамках того периода) и эклектическая. К первым относили в то время архитектуру вокзала в городе Пушкине около Ленинграда, где проявлена интерпретация классических форм Е. Левинсон, А. Грушке, 1950 г.), санатории М. Гинзбурга в Кисловодске и Крыму, стадион С. М. Кирова в Ленинграде (А. Никольский, К. Кашин-Линде, Н. Степанов, 1932–50 гг.).

Высотные здания в Москве являются как бы венцом послевоенного десятилетия в архитектуре СССР. Наиболее значительным из них стал комплекс МГУ. 27 основных и 10 вспомогательных зданий спроектированы с размахом с расчете на господство над значительным пространством. Масштаб зданий соответствовал этому. Главное здание в виде высотного объема со шпилем сформировало развитое композиционное ядро, объединявшее воедино

многоплановую структуру. Четко обозначен главный подход к комплексу в виде развитой системы площадей, аллей, водоемом с фонтанами. Монументальность соответствовала статусу главного высшего учебного заведения страны. Однако многообразие функциональных процессов, характеризовавших современные процессы обучения, не нашли отражения ни в организации фасадов, ни в объемной компоновке комплекса.

Административное здание на Смоленской площади благодаря строго симметричной структуре плана и объемного решения соответствует выявлению именно важной административной, министерской функции. Пластическая устремленность объемов вверх, подчеркнутая вертикальность членений фасадов перекликалась в проектном решении Дворца Советов. Выразительный, запоминающийся архитектурный эффект создает устремленность объемов вверх и умелое сочетание массивности здания и отточенная филигранность деталей.

Отношение к высотным зданиям конца 1940-х – начала 1950-х гг. в Москве различное. Но время показывает, что их архитектура не оставляет зрителя равнодушным. А представительские, столичные функции образы этих зданий формировали достойно. Особенно остро это почувствовалось после периода господства в архитектуре типовых решений. Строительство этих зданий стало примером для проектирования значимых общественных зданий и в других городах страны. Там они не достигали подобной высоты, но оживили силуэты городов островерхими, шпалеобразными завершениями.

Тема 2.2. Изменение направленности и переход к массовому жилищному строительству 1950–1960-х гг.

Изменение творческой направленности советской архитектуры в середине 1950-х гг. определялось осознанной необходимостью, которая возникала в процессе развития самой архитектуры, в среде самих архитекторов. Решению проблемы обеспечения населения благоустроенным жилищем, отвечающим современным требованиям гигиены и охраны здоровья, препятствовала направленность архитектуры того времени, не содействовала в полной мере внедрению новой индустриальной техники строительства, не позволяла резко увеличить объем и темпы жилищного строительства. Типовое проектирование, как метод проектно-строительной деятельности заметно укрепился в послевоенное время, но предстояло использовать его как средство архитектурного творческого процесса. Серийный метод, идея которого обсуждалась еще в 1938 г., начал все шире использоваться еще при

строительстве малоэтажных домов, начал распространяться и на индустриальное домостроение.

Однако не эти тенденции определяли развитие архитектуры послевоенного десятилетия. Стремление к триумфальности, к использованию приемов украшения в формировании фасадов порой интересовало больше, чем проблемы поиска экономичных решений. В определенной мере это затрагивало социально-экономические проблемы общества. Практика украшения была осуждена на Всесоюзном совещании строителей, проектировщиков, научных работников в 1954 г. Обсуждались вопросы решительного перехода на новые прогрессивные методы проектирования и строительства с использованием индустриальных изделий. В 1955 г. вышли постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, посвященные строительству и архитектуре. Первое – «О мерах по дальнейшей индустриализации, улучшению качества и снижению стоимости строительства» определяло задачи в ускорении процесса внедрения полносборного строительства, указывало на необходимость повышения строительных и эксплуатационных качеств всех видов строительства. Второе постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» подвергло резкой критике существовавшую направленность архитектуры, ее оторванность от учета материальных факторов и сторон строительного процесса. Указывалось, что это препятствует развитию индустриального домостроения. Эти события середины 1950-х гг. открыли новый этап развития советской архитектуры.

К этому времени строительная индустрия уже была готова производить строительные изделия в значительных объемах. С 1954 г. по 1958 г. производство сборного железобетона увеличилось в 4 раза. Дом стал законченной единицей заводской продукции, монтаж его производил сам завод. Ускорялось время строительства, снижалась стоимость строительства, улучшалось качество элементов. Переход в индустриальному домостроению требовал максимальной типизации проектов жилых зданий. На первых порах использовали секции с поперечными и продольными несущими стенами при малом шаге несущих конструкций, с наружными несущими стенами и внутренним каркасом, с несущими поперечными стенами, но с большим шагом. При этом разнообразии конструктивных схем сами секции мало отличались одна от другой.

Со второй половины 1950-х гг. во всем массовом строительстве, основанном на применении сборных элементов, ведущим типом стал 5-этажный жилой дом. Выбор 5-этажного дома простой прямоугольной конфигурации обосновывало то, что он считался наиболее экономичным типом жилища, так как не требовал лифта. К тому же, строительная сфера еще не была в полной мере производить в больших объемах что-то более сложное, пластически развитое и

технически насыщенное. Большое значение имели экспериментальные работы, позволившие апробировать формирование жилых групп из жилых домов и микрорайонов в целом (район Черемушки в Москве). Ставилась цель обеспечить посемейное заселение квартир, вытеснить коммунальные квартиры. В условиях жесткой экономии средств создание малометражных квартир, способных конкурировать по стоимости с коммунальными многокомнатными квартирами, потребовало сокращения площади подсобных помещений, уменьшения высоты этажа, устройства проходных комнат, применения совмещенных санитарных узлов и пр. применялись разные конструктивные решения жилых домов: кирпич, кирпичные и бетонные блоки, панели и др. Старались уделять внимание и фасадам, разрабатывались предложения новых архитектурных форм: входы в подъезды, балконы, эркеры, лоджии, цветочницы для балконов и окон и др.

Важным фактором формирования среды проживания стала организация ступенчатого обслуживания населения (повседневное, периодическое, эпизодическое), что заложило основы изменения господствовавшей квартальной застройки. Возникло новое градостроительное понятие – микрорайон, разбитый на жилые группы, численность населения которых определялась первичной сетью детских учреждений. Число групп в микрорайонах диктовалось размером школы и других бытовых учреждений. Несколько микрорайонов составляли жилой район. Это меняло отношение архитектуры к таким понятиям, как квартал, улица, репрезентативное здание, благоустройство.

Переход к массовому строительству и поточный метод производства работ требовал свободных территорий, реконструкцией практически не занимались. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР», принятое в 1957 г., подвело итоги нового курса и подтвердило принятое направление – на посемейное заселение квартир. Новые микрорайоны возникали во всех городах страны. Они отличались хорошими условиями для проживания, так как отличались хорошими природными условиями, примыкали к лесопарковым зонам. Улучшались композиционные приемы формирования застройки микрорайонов. Успешными признавались не только застройка микрорайонов в столице страны, но и в других городах, – Вильнюс, Минск, Владивосток, Ленинград, Таллин и др.

Микрорайон Жирмунай в Вильнюсе протянулся вдоль реки Нерис сформирован с учетом рельефа и обеспечивал раскрытие перспектив на реку и историческую застройку старого города. Высотные дома сгруппированы в центре микрорайона, усиливая его значение.

Во Владивостоке жилой район Корейская Слобода также потребовал своеобразного учета рельефа. В отличие от общепринятой практики, высотные, 9-этажные жилые дома поставлены внизу, у подножия сопки, а 5-этажные

поставлены выше. Композиция получилась интересно и, кроме того, жилища стали более защищенными от сильных ветров. Микрорайон Таллина – Мустамяэ отличался тем, что формировался не одномоментно, а в течении 10 лет, что обеспечило использование различных проектов жилых домов, а также реализации новейших систем общественного обслуживания.

Тема 2.3. Новые идеи и тенденции развития градостроительства в 1960–1980-е гг.

Однако, проблемы в застройке микрорайонов стали проявляться достаточно быстро. Несмотря на то, что серии типовых проектов постоянно улучшались, и серии состояли из достаточно большого набора проектов, - до 16–19 типов жилых домов, заводы ограничивались производством изделий не более 2-3 домов, что обеспечивало экономическую эффективность их работы. Но от этого страдала эстетическая сторона архитектуры, микрорайоны стали превращаться в невыразительный набор строений, неинтересных их жителям, безликим и незапоминающимся набором строений. В связи с этим начали принимать меры, направленные на достижение эстетической выразительности жилой застройки микрорайонов.

Возможности улучшения жилой застройки микрорайонов проявились в крупном жилом районе Лаздинай в Вильнюсе. Четкое разделение транспортного и пешеходного движения, бережное отношение к природным характеристикам территории, творческое отношение к рельефу позволили создать композицию раскрывающуюся интересными панорамами для обозрения. Использованы 16 типов домов разной этажности (5-, 9-, 12- и 16-этажные), разной конфигурации в плане, ломаной конфигурации, каскадной структуры в сторону реки.

Повышению качества решений жилых домов, их разнообразию потребовало и развитию индустриальных методов. В Ереване освоили возведение домов методом подъема этажей по стойкам несущего каркаса и железобетонной башне лестницы и лифтов. Это сокращало время строительства, так как позволяло производить параллельно несколько строительных операций. С 1962 г. используется метод скользящей опалубки для возведения жилых домов повышенной этажности. Такие дома получали разную конфигурацию плана, что расширило композиционные возможности. Непрерывно совершенствовались панельные варианты домов: герметичность стыков, геометрическая точность элементов, отделка поверхностей, использование солнцезащитных устройств, расширение возможностей использования балконов. Это стало использоваться для повышения эстетики индустриального домостроения.

Новым приемом типового проектирования стала разработка блок-секций, позволяющий использовать и обычное прямоугольное их размещение и сочетание с поворотными секциями, со сдвигом по горизонтали и вертикали, получая разную высотность домов, разные светотеневые композиции фасадов и пр. в определенной мере появилась возможность получать индивидуальные решения из типовых элементов. Так как все же секция была достаточно крупным объемным элементом стали искать возможности использовать в качестве компоновочной единицы блок квартиры, что позволяло более свободно менять конфигурацию здания.

Одновременно все более устанавливалось понятие, что «жилая среда» это не только квартира или жилой дом, оно охватывает все сооружения, обслуживающие человека. В 1956–57 гг. проводились конкурсы на типовые проекты детских садов и яслей, школ, больниц, кинотеатров, клубов. Это способствовало разработке проектов зданий массового назначения, с выработкой модульной координации их планировочных и конструктивных параметров. Конструктивные решения ориентировались на индустриальные методы строительства из сборных элементов заводского назначения. При этом происходил отказ от мелких по размерам сооружений, что позволяло лучше решать экономические и функциональные задачи. Объекты укрупнялись. Было определено, что в крупных городах, где население достигает 18–20 тыс. человек в микрорайоне, целесообразно строить школы на 1200–1700 учащихся. Это обеспечивало учебный процесс полноценным набором помещений (более развитые спортивные залы, актовые залы, библиотека, мастерские и др.). В основу архитектурно-планировочного решения укрупненных школ положен принцип четкого разделения на учебные блоки для разного возрастного состава учащихся (младших, средних и старших) и блоки общешкольных помещений.

Рост объемов жилищного строительства в новых районах потребовал пересмотра ранее установленного правила размещать объекты торговли на первых этажах жилых зданий. В связи с этим были разработаны серии типовых проектов отдельно стоящих магазинов. Это позволило улучшить условия жизни населения, устраняя потоки грузовых машин и погрузочно-разгрузочные работы непосредственно вблизи поездов жилых домов. С середины 1960-х гг. отдельно стоящие здания магазинов, кафе, ателье стали заменяться комплексными торгово-общественными центрами микрорайонов и жилых районов. Такое объединение позволило блокировать разные функции в одном объеме, снизить стоимость строительства и эксплуатации зданий, улучшить систему обслуживания. Архитектура получила возможность ориентироваться на создание более значимых композиционно сооружений и предлагать более значимые архитектурно-художественные образы общественных зданий. Как

удачный пример, назывался комплексный центр микрорайона Мустамяэ в таллине «АВС» с его внутренним двориком, вокруг которого размещались магазин «АВС», ресторан, молодежный клуб, комбинат бытового обслуживания и другие помещения общественного назначения. Реклама, благоустройство, цветовая композиция и сам широкий набор учреждений обслуживания содействовали укрупнению масштабности объекта. А в системе торговли внедряется принцип самообслуживания, появляются универсамы, в которых используются новые технологии торговли. Это потребовало иного устройства интерьеров (расчетный узел, зал, стеллажи с товарами и др.) и иного набора вспомогательных помещений, внедрения новых средств механизации погрузочно-разгрузочных работ, иного торгового оборудования в залах.

Развивалась и сеть общественного питания, которая стала насыщаться не только столовыми, но и объектами с более высоким уровнем обслуживания, – кафе, рестораны. В определенной мере демократизация процессов общественной жизни 1960-х гг. содействовали появлению пространств и сооружений, способствующих отдыху, психологической разгрузке, получения положительных эмоций. Кафе и рестораны получали возможность в отделке интерьеров использовать более разнообразные отделочные материалы, цвет, естественные качества отделочных материалов, например фактуру дерева, камня, металла, тканей и др.

Тема 2.4. Проблема художественного образа в архитектуре 1960–1980-х гг.

Новые прогрессивные идеи в области пространственной композиции крупных общественных зданий универсального назначения воплотились в здании Кремлевского Дворца съездов (М. Посохин, А. Мндоянц, Е. Стамо, П. Штеллер, Н. Щепетильников и др., 1959–61 гг.). в исторически сложном ансамбле Кремля крупное общественное здание удалось разместить не в конфликте с существующей застройкой, а достаточно гармонично и согласованно. Для этого, чтобы крупный объем не спорил с известными памятниками архитектуры и не нарушался масштаб и силуэт кремлевского ансамбля, новое здание заглубили на 16 м, чтобы основной объем не возвышался над карнизом расположенного напротив Арсенала (отметка карниза 27 м). Небольшой размер участка для размещения здания (121 x 73 м) также потребовал компактного планировочного решения, центральным элементом которого стал зрительный зал на 6000 мест. Вокруг зала компоновались самые разнообразные по функциям помещения: фойе, кулуары, представительные, артистические, подсобные и др. размеры зала и его внутренняя организация (партер, амфитеатр,

балкон) и примененные отделочные материалы (натуральное дерево, анодированный алюминий, ковер пола и материал кресел) обеспечивали прекрасные акустические данные. Сцена обеспечивалась сложными техническими решениями, – три подъемно-опускные площадки, накатывающийся пол с трибунами и др.). Фасад Дворца определял спокойный ритм беломраморных пилонов с зеркальными проемами между ними.

Значительным явлением в архитектуре и широко известным в специальной литературе стало создание Дворца пионеров на Ленинских горах в Москве (В. Егеров, В. Кубасов, Ф. Новиков и др., 1962 г.). Комплексу присущи открытость композиции, масштабностью архитектурных форм, сочетающихся с легкостью конструктивных решений, органическая связь с природой. Композиция комплекса формируется пятью отдельными корпусами, соединенными по первому этажу протяженным объемом, с присоединением к ним по нависающему переходу шестого корпуса с концертным залом. Такая композиция позволила разные функции разъединить и обеспечить их самостоятельную деятельность. А при необходимости соединять в единое пространство. Вестибюль-зимний сад стал демонстрацией новой тенденции в архитектуре общественных зданий.

Особое значение получило использование монументально-декоративного искусства для выявления идейно-художественного образа Дворца пионеров. Мозаичные панно, рельефный фриз, фрески, панно из цветного кирпича на торцах корпусов с одной стороны были насыщены познавательными для детей сюжетами, а с другой, – развивали направления беспредметного искусства, являясь далеким отражением авангардных исканий.

Кремлевский Дворец съездов и Дворец пионеров в Москве стали прообразами нового стилевого направления советской архитектуры в целом, не только в архитектуре крупных общественных зданий. В то время данные подходы к формированию художественного образа воспринимались как прогрессивные после засилья типовых решений. Но все же приемы типизации (повторы корпусов в Дворце пионеров, повторы технологических решений при создании мозаик на их торцах) были все же отголосками стремления к удешевлению строительства.

Дворец пионеров в Киеве (А. Милецкий, Э. Бильский и др., 1965 г.) также функционально четко разделили на три зоны: торжественных собраний, зрелищную с зимним садом и кружковую. Однако, их размещение не вполне оптимально. Так как проход в самую посещаемую и постоянно задействованную кружковую зону сделан через фойе зрительного зала (750 мест). Внешний облик определяется простыми протяженными формами, плоскостями остекления, что увеличивает масштабность здания, но не содействует идее связи с природным

окружением, несмотря на наличие искусственного водоема и всесторонне продуманного благоустройства.

В 1960–1970-е гг. получает массовый характер строительство кинотеатров. Эти здания характеризовала одна, достаточно несложная функция, что обеспечивало симметричность планировки и объема, на основе которых формировалась простое выразительное и узнаваемое решение. Это соответствовало и идее типового проектирования. Различием было, пожалуй то, что двухзальные кинотеатры возводили из каменных конструкций, а однозальные, даже в крупных городах, разрешалось строить и в дереве. Наибольшую известность получила архитектура кинотеатра «Россия» в Москве (Ю. Швердяев, Д. Солопов и др., 1961 г.). отмеченная стремлением к крупному масштабу, соответствующему масштабу одной из самых известных площадей столицы, - площади Пушкина. Зритель попадал в кинотеатр по широкой лестнице, переброшенной над проездом. Обширное остекление, фактически стеклянная стена главного фасада, определила вместе с активно выдвинутым козырьком покрытия и масштаб сооружения, и его художественный облик. Раскрытие интерьера фойе на городское окружение и на зелень сквера соответствовало открытости и демократичности, характерных обществу в 1960-е гг. Общее архитектурно-художественное решение этого кинотеатра оказало влияние на кинотеатры всей страны.

В Ереване также построили кинотеатр «Россия» с двумя залами на 2600 мест (А. Тархнян, Г. Погосян, С. Хачикян, 1975 г.). Используя идею подъема зрительных залов над уровнем земли, что сразу же превратило здание в мощный и эффектный акцент застройки, сами залы скомпоновали своеобразно, состыковали их объемы сценами. Из-за разной вместимости залы получили разную высоту, что стало основой вместе с изогнутой формой их покрытий, для создания выразительного образа и силуэта. Консольные выступы залов впечатляли размерами, – на 18 м над фойе.

В 1970 г. отмечалось 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. К этой дате в городах СССР было построено немало особо торжественных зданий, связанных с этим событием. В Ульяновске построен Ленинский мемориальный центр (Б. Мезенцев, М. Константинов, Г. Исакович, 1970 г.), в состав которого кроме музея вошли Дом политического просвещения, зал универсального назначения (1400 мест) и другие необходимые помещения. Здание квадратное в плане (109,5 x 109,5 м) приподнято над землей на 7,5 м, что придало ему значимость и величественность и обеспечило лучшую обзорность, в том числе и с реки Волга. При квадратном плане разные функции потребовали асимметричной планировки, создания внутреннего двора для обеспечения естественным освещением помещений. Но асимметричность проявилась и на

фасадах, причем повторяя архитектурные приемы, выявляющие различие функций разных частей обычных общественно-торговых центров микрорайонов. Подрезка по первому этажу и оформление ее колоннадой создавали к тому же не вполне уютное пространство перед входом.

В Ташкенте к юбилею открыли филиал Центрального музея В. И. Ленина (Е. Розанов, В. Шестопапов и др., 1970 г.). здесь также для повышения масштабности и значимости архитектуры основной объем музея приподнят на высокий подиум, подъем на который обеспечен широкими парадными лестницами. Эффектное архитектурное решение здания запоминается выразительностью кубоподобного объема, в отделке которого использованы солнцезащитные элементы, напоминающие декоративные решетки в узбекской народной архитектуре. Подобное обращение к традициям местной архитектуры успешно сочеталось с предложенным архитектурным решением и с другими декоративными работами в данном здании.

В Алма-Ате построили Дворец культуры имени В. И. Ленина (Н. Рипинский, Л. Ухоботов и др., 1970 г.), который не содержал музейной функции, а предназначался для проведения общественно-политических и зрелищных мероприятий. Основной объем также приподнят над уровнем земли, обеспечен подъем по широкой лестнице. Фактически это один зал (3000 мест) с обслуживающими помещениями: фойе, кулуары, буфеты, артистические и др. Важным элементом, даже определяющим архитектурное решение в целом, стало покрытие, активно выступающее над главным фасадом и красиво изогнутое, поверхность которого выполнена из покрытого позолотой алюминия.

Кремлевский Дворец съездов стал примером многоцелевого использования объектов с обширными внутренними пространствами, в том числе и со зрительными залами. Появились киноконцертные залы, – «Октябрьский» в Ленинграде, в Тбилиси – зал Грузинской государственной филармонии и др. Такие здания использовали для проведения не только зрелищных, но и других массовых мероприятий. Среди зрелищных зданий активизировалось строительство театральных зданий и цирков.

Проблема универсального использования зала, повышающая экономичность его эксплуатации, учитывалась и в строительстве спортивных сооружений. Первый Дворец спорта (17000 мест) многоцелевого использования был построен в Лужниках в Москве (И. Рожин и др., 1957 г.). стальной каркас обеспечил перекрытие пространства стальными арками пролетом 78 м. Варианты использования кроме спортивных соревнований, – концерты, киносеансы, эстрадные представления. Но трансформация зала была механизирована в недостаточной мере. Это учитывалось в следующих аналогичных зданиях, – в Киеве и Минске. Но нигде не удалось оптимально

обеспечить акустические данные интерьеров Разместить зрителей для участия разных мероприятиях или в качестве зрителей, – получалось, но спортивные соревнования и эстрадный концерт обеспечить на нужном уровне степени, то есть с учетом специфики акустики, – не получалось.

Развитие массового отдыха и туризма потребовали создания в различных природных условиях новых типов зданий – пансионатов, курортных городков, кемпингов, мотелей, туристических баз и курортных гостиниц (курортный комплекс Пицунда на Кавказском побережье Черного моря, гостиница «Домбай» вблизи Эльбруса, пансионат «Дюны» под Ленинградом.

Из специальных оздоровительных комплексов для детей, строительство которых 1960-е гг. получило большую известность, принципиальное значение придавалось международному пионерскому лагерю «Артек» имени В. И. Ленина в Крыму (А. Полянский, 1960–63 гг.). Комплекс рассчитан на одновременное пребывание 6000 детей и состоял из шести пионерских лагерей. Каждый лагерь представлял собой самостоятельную организационную структуру: спальные корпуса, блоки столовых, библиотеки, клубы, медицинские корпуса и др. объемно-пространственная композиция каждого лагеря была индивидуальной, так как ставилась задача максимально учитывать природные особенности участка. Все здания открывались в сторону моря, свободно размещались на рельефе, галереи и открытые лестницы, теневые навесы, цвет создавали оживление достаточно простых архитектурных форм. Эта простота форм, повторяемая в сооружениях разных лагерей, все же делала их похожими один на другой и становилась напоминанием о типовой архитектуре микрорайонов. Но иных решений и не могло быть, так как изначально архитектурные решения были ориентированы на использование ограниченной номенклатуры полносборных элементов. Возможен был прием варьирования в поисках полноценных композиционных решений, который авторы старались задействовать. Весьма положительной оценкой архитектуры этих лагерей старались доказать, что и в рекреационной архитектуре в условиях яркой, экзотической природной среды тоже возможно создание высококачественной архитектуры на основе стандартизации и индустриализации строительства. Поэтому архитектура Артека стала не более чем экспериментом в решении назревшей проблемы желаемого единства стандарта и индивидуального художественного образа в конкретных природных условиях.

Тема 2.5. Национальное своеобразие советской архитектуры

Народы, населявшие такую многонациональную страну как СССР, ко времени Октябрьской революции прошли неодинаковый исторический путь и

находились на разных ступенях общественно-экономического и культурного развития. Причем многие национальные окраины империи были на положении колоний царской России. Поэтому впоследствии проблема развития национальной культуры приобретала политический характер. С особой остротой это сказалось в первые годы советской власти, когда в республиках проявилось стремление к возрождению национальной культуры.

Создание при советской власти конституционно равноправных союзных республик повлияло на процессы развития национальных культур, в ходе которых было естественным и возрождение некоторых традиционных форм национального зодчества. Например в Средней Азии использовались формы средневековой архитектуры, в Азербайджане – традиции ширванской архитектурной школы XV в. и др. в результате такого подхода к использованию традиций прошлого в национальных республиках в 1920-е гг. нередко создавались откровенно эклектичные сооружения, например в некоем «восточном стиле» с широким использованием характерных для культовых мусульманских зданий приемов объемно-пространственной композиции и отдельных архитектурных форм – купол, стрельчатая арка, пештак. Сталактит и др. такие сооружения мало чем отличались от дореволюционного строительства в «национальных стилях».

Но национальная стилизация имела в первые годы советской власти и определенный социальный и культурный заказ. Эта стилизация не противопоставлялась архитектурному авангарду, еще только формировавшемуся, а была частью сложного политического и культурного самоопределения и автономизации наций. На первых порах неоклассика и эклектика воспринимались по ассоциации с колониальным прошлым. Поэтому обращение в республиках в первые годы советской власти к национальному наследию казалось в той же мере естественным, как и обращение в России в начале XX в. к русской классике.

В середине 1920-х гг., когда во многих республиках еще не ощущалось влияние новой архитектуры, на местах возникают традиционалистские течения, ориентирующиеся на использование архитектурных форм прошлого. В тех республиках, где имелись местные кадры архитекторов, такие течения, как правило, оформляются в творческие школы с определенными теоретическими платформами. В конце 1920 – начале 1930-х гг. быстрое распространение идей новой архитектуры в различных городах и республиках привело к обострению борьбы сторонников «национальных стилей» с архитекторами-новаторами. Для многих республик весь процесс развития архитектуры в эти годы можно условно разделить на три этапа, приблизительно равные по времени (четыре – шесть лет). Для первого этапа характерно преобладание эклектики и стилизации в

различных исторических стилях. Второй этап (1923–28 гг.) – время наиболее интенсивных поисков «национальных стилей» на базе использования местных архитектурных традиций. Третий этап (конец 1920 – начало 1930-х гг.) характеризуется постепенным утверждением новаторских течений в архитектуре республик, интенсивным освоением опыта новой архитектуры, формированием современных национальных школ.

Сторонники архитектурного авангарда не отрицали необходимости поисков национального своеобразия архитектуры. Но в отличие от сторонников «национальных стилей», ориентировавшихся на использование форм исторической архитектуры, они главное видели в учете местного быта, климата, природного окружения. При этом они принципиально отвергали формы архитектуры прошлого, связанные с типами зданий, обслуживавших господствующие классы и религию, считая, что прогрессивные национальные традиции более полно отразились в народном зодчестве, при этом прежде всего не в декоре, а в учете местных условий (климат, быт и т. д.) и в характере объемно-пространственной композиции сооружения.

Переход после середины 1950-х гг. на развитие типового проектирования происходил в условиях господствующего направления функционализма. Закреплению новаторских черт архитектуры, в том числе и содержания достижений мирового зодчества, содействовала и техника, с помощью которой вырабатывались новые архитектурно-строительные приемы. Одной из характерных черт архитектуры 1960-70 гг. стала ее направленность на комплексное ансамблевое строительство. Художественная выразительность новых архитектурных композиций обеспечивалась соответствующим расположением общественных зданий, которые акцентировали градостроительное значение конкретного района, стилистическим единством и объемно-пространственным решением ансамблей, благоустройством главных площадей, магистралей и других городских узлов. Начался отход от традиционных градостроительных решений, в основе которых лежало противопоставление центров окраинам.

Например, в БССР развитие городов пошло по пути создания индивидуальных микрорайонов, что позволяло успешно решать задачу обслуживания населения и придавать застройке архитектурно-художественный облик. В поисках индивидуальных решений в оформлении общественных зданий ориентировались не только на архитектурные формы, но и на барельефы, монументальную живопись, мозаику, керамику, разноцветные панели.

При проектировании начали обращаться и к национальным традициям архитектуры. Ведь параллельно с городами развивались и сельские поселения, в которых сама удаленность от городов содействовала сохранению в их застройке

старинных архитектурных форм в сооружениях прежних лет строительства, а также использованию этих же форм и в новом строительстве. Этому способствовали культурно-бытовые традиции и специфика жизнедеятельности населения. Близость к природе как специфическая особенность сельских поселений повлияла на решение объемно-пространственных композиций построек, более органично с талая связь городской архитектуры и архитектурой окрестностей. Поэтому в типовом массовом жилищном строительстве, основанном на единой технической базе строительства, проявились тенденции стремления к преодолению стереотипности. Проявилась потребность в использовании принципиально новых приемов построения жилых районов.

Это содействовало тому, что в 1970–80-е гг. формируется процесс самоопределения советской архитектуры, возрождения национальной культуры. Основной тенденцией 1980-х гг. стало влияние региональных черт и национальных особенностей архитектуры в союзных республиках. Приоритетным становится эстетическое начало по сравнению с функциональными и конструктивными задачами.

Форма арены стадиона «Раздан» в Ереване (1973 г., К. Акопян, Г. Мугян, Э. Тосунян) получила черты национальной архитектуры, сохранившей отзвуки античного зодчества: использование рельефа местности; различная ярусность трибун для зрителей. Государственная библиотека в Ашхабаде (1970, А. Ахмедов, Б. Шпак, В. Алексеев) получила крупные простые членения с нависанием двух верхних этажей, что создает привычную для туркменской архитектуры затененность стен первого этажа. Внутренние пространства богато орнаментированы рельефными стенками, витражами, живописными панно. Планировочная структура включает три внутренних двора с бассейнами и фонтанами, обеспечивающие доступ потоков естественного освещения в помещения библиотеки и создающие благоприятные климатические условия.

Архитектура жилища всегда разрабатывалась с учетом климатических условий и региона, учитывались направления господствующих ветров, сейсмические условия уровень солнечной радиации. Жилые малоэтажные дома в Узбекистане получали внутренние озелененные дворы. В южных регионах в целях солнцезащиты жилые дома получали значительные выносы балконов, чтобы обеспечить затененность стен и устранить излишний их нагрев солнцем. В жилых домах стены и обрамления окон получали солнцезащитные устройства, с помощью которых обеспечивался комфорт в помещениях. В прибалтийских республиках заботливо относились к использованию естественного рельефа и существующих зеленых насаждений, что становилось основой для формирования индивидуальных композиционных решений даже при использовании в разных районах одного города одинаковых типовых проектов

жилых домов. В прибалтийских республиках очень внимательно относились к определению масштабности строительства в исторических центрах городов с целью сохранения архитектурно-художественных образов традиционных градостроительных образований. Для западных регионов Украины со свойственным прикарпатскому климату повышенным количеством осадков, характерным стало сохранение традиционных крутых скатов крыш в общественных зданиях.

В 1980-е гг. проявляется интерес архитектурных школ к традиционной культуре наряду с формированием неомодернизма. Неслучайно объектом художественного интереса становится деконструктивизм (детский сад в Мышковичах Кировского района), живописное украшательство, обогащение форм силуэта, вплоть до использования шатровых и сводчатых элементов.

Проявился интерес к архитектурной детали (ограждения балконов, террас, лоджий, гарнитура дверей, формы оконных переплетов и т.д.), как к средству повышения художественной выразительности сооружения. Архитектура все более отказывается от жесткой экономии в строительстве и как следствие от скудного набора стандартных железобетонных изделий. В арсенале архитектуры объектов нового строительства расширяется набор изделий и строительных материалов, которые ранее использовались исключительно в реставрационных работах (черепица, дерево, кованный металл и др.). в большей мере это использовалось в архитектуре небольших зданий (кафе и другие сооружения общественного питания, объекты рекреационной архитектуры, торговли и др.). Это содействовало повышению интереса к региональной архитектуре, к историческому контексту места строительства.

ПОДРАЗДЕЛ III. АРХИТЕКТУРА СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ С 1918 ДО НАЧАЛА 1990-Х ГГ.

3.1. Становление советской белорусской архитектуры в довоенный период (1917–1941-е гг.)

Революционные социалистические идеалы, реализация которых стала возможной с 1917 г., были сильнейшим импульсом, активизировавшим процессы во всех областях культуры и искусства. Это проявилось и в архитектуре, хотя вначале осуществить на практике новые идеи было сложно. Послевоенная разруха осложняла все направления жизненного бытия, не работала промышленность, не хватало специалистов, не было системы подготовки кадров. Но отмена частной собственности на землю и крупную

недвижимость и национализация содействовали установлению основ планового социалистического хозяйства. Появилась возможность реализации невиданных ранее градостроительных исканий, создания новых по социальному содержанию типов зданий и средств выразительности архитектуры.

Начало 1920-х гг. – период творческой атмосферы, понимания того, что придет время создания новых прекрасных пространств и зданий и что общество от архитекторов ждет это, и именно в новой среде и в новых зданиях будут жить, трудиться, учиться те, кто мечтает о светлом будущем для себя и будущих поколений. И хотя реальная жизнь общества направлялась на восстановление экономики, на обеспечение жильем и разрешение бытовых проблем, получили известность и авангардистские поиски выразительности архитектурно-художественных средств под руководством К. Малевича и Э. Лисицкого в Витебском народном художественном училище в 1919–1922 гг.

Масштабы восстановления нарастали. Например, в 1927 г. строили ряд новых крупных кирпичных заводов (Бобруйск, Могилев, Орша, Полоцк, Минск и Борисов), не менее масштабно развивались и другие отрасли (льнозаводы, пищевая промышленность). Не менее масштабно изменялся фонд общественных зданий. Только в Витебском округе к сентябрю 1927 г. к уже имевшимся школам открывали 70 новых школ с 4-летним образованием и две семилетки. Кроме того, расширялись 7-летние школы в пяти районах этого округа. Хотя порой потребности в зданиях решали специфически, так как ни зданий, которые соответствовали учебному процессу, ни проектов школьных зданий не было. Так, в руководство Старобинского района для школы в д. Листопадовичи просто отняло здание у местного лесничества.

Но все же в Беларуси уже начиналось строительство и неведомых ранее зданий: дом культуры в Мозыре (1926 г.), клуб металлистов и дом-коммуна в Витебске (1927 г.), клуб химиков в Борисове (1927 г.), клуб железнодорожников и дом-коммуна в Гомеле (1928 г.), кинотеатр «Чырвоная Зорка» в Минске (1928 г.), дом культуры в Бобруйске (1929 г.).

И это при том, что в Беларуси ощущались нехватка специалистов, слабой была проектная деятельность в целом. Свидетельством этому информация в прессе о заводе «Энергия» в Минске: «Проект постройки литейного цеха был составлен небрежно, кустарно.заводуправлению приходилось часто перекраивать его, и даже некоторые уже законченные работы переделывать, как, например, вышло с сушильной. ... вспомогательные отделения разбросаны без всякого плана по территории завода». Это о промышленном строительстве, но и проектирование жилых и общественных зданий не отвечало темпам развития общества. Не случайно, газеты были этим озабочены, например о том, что к

началу строительного периода 1929 г., за исключением клубного строительства, «ни одна организация не имеет готовых проектов и смет».

Не так быстро, но все же постепенно формировался Белорусский государственный трест «Белгосстрой», который создал и свою проектную структуру. Архитектурно-строительный отдел появился и в Минском горисполкоме. Основной была разработка рабочей документации и смет на ремонт, занимались проблемами инженерного обеспечения застройки. Использовали традиционные решения, было не до поиска новых архитектурно-художественных форм.

Началась подготовка и своих специалистов для строительной отрасли. В 1923 г. создан Минский архитектурно-строительный техникум с привлечением опытных архитекторов В. Струева, С. Гейдукевича, А. Денисова. Преподавание дисциплин по архитектуре имело высокий уровень, не случайно одним из выпускников техникума 1933 г. был Г. Заборский, который в послевоенное время стал одним из лидеров белорусской архитектуры, а потом и Народным архитектором СССР. С 1933 г. начала работать кафедра архитектуры в Белорусском политехническом институте. И хотя готовились специалисты строительных специальностей, там работали и молодые, уже зарекомендовавшие себя творчески архитекторы Н. Маклецова, В. Гусев.

С конца 1920-х гг. начинается превращение Минска из рядового губернского города в столицу республики, требовалось жилье, нужны были общественные здания, причем абсолютно нового типа. Например, Белгосуниверситет, который начали создавать еще в 1919 г., занятия проводил в зданиях, разбросанных по всему городу. И даже финансовые возможности у республики увеличились, но специалистов архитектурно-строительной сферы не хватало. Наверно, понимая все это, руководство БССР в 1926 г. предложило тему – университет в Минске, для всесоюзного архитектурного конкурса, в котором активно участвовали архитектора ОСА и Московского архитектурного общества. Наиболее интересные проекты разработали М. Гинзбург, И. Леонидов, Г. Вегман, В. Владимиров и В. Красильников, А. Мухин и Л. Пономарева,

Но первенство отдали проекту И. Запорожца: запроектировано не одно представительное здание, как у большинства, а предложены композиция на основе павильонной системы, простые планировочные схемы 3-этажных корпусов, лаконичная архитектура фасадов. А для главного корпуса использовали отмеченный 3-й премией проект Георгия Лаврова, выпускника ВХУТЕМАСа 1927 г., который затем, в 1928–29 гг., руководил строительством университета и стал в Беларуси лидером авангардной архитектуры.

К 1929 г. в Минске построены в полном соответствии с принципами архитектуры конструктивизма клуб пиццевиков в Минске и Государственный

банк. Эти, не уцелевшие во время войны здания, интересны тем, что в их создании участвовали архитекторы, которые впоследствии стали известными мастерами, были среди лидеров архитектурного процесса в СССР: А. Буров, М. Парусников, Г. Гольц. Их помощь архитектурно-строительным делам в Беларуси стала существенной.

В том же 1929 г. в Минск приезжает из Москвы выпускник ВХУТЕИНа Иван Володько, уроженец Минского уезда. В студенческие годы обратил на себя внимание проектами, один из которых («Крытый рынок») демонстрировался в 1925 г. на Международной выставке декоративных и прикладных искусств в Париже, был опубликован в архитектурных журналах Франции и Германии. Он был победителем в конкурсе на павильон торгпредства СССР во Франции, построенного в Страсбурге в 1929 г.

И. Володько руководил проектным бюро «Белжилсоюза» и пригласил в Минск выпускников ВХУТЕИНа 1930 г. А. Воинова, А. Крылова, Н. Гилярова. Приехал в Минск и выпускник 1929 г. Б. Жолткевич. Показательно, что редакция журнала «Современная архитектура», который издавали советские конструктивисты в Москве, в первом (1926 г.) и в последующих номерах называла Б. Жолткевича среди тех, с кем сотрудничает, а тогда это были фактически лидеры мирового архитектурного процесса.

Работы хватало, но Минск не имел генерального плана. А для строительства определяли места, которые были просто свободны, об ансамбле речи не шло. Но молодых архитекторов это не смущало. Тем более, что видели только что построенные в Минске без оглядки на окружающий контекст, чисто конструктивистские клуб пиццевиков А. Букова, контору Госбанка Г. Гольца и М. Парусникова, которых они знали по ВХУТЕМАСу. К тому же их первыми объектами стали павильоны Всебелорусской сельскохозяйственной выставки, а это за городом, на абсолютно свободной территории. Павильоны Белкоопсоюза, Белгоскино, республиканской промышленности, главный павильон и др. требовали разных композиционных решений как реакции на разнообразие экспонирующихся функций. Одновременно было желание архитектурными формами продемонстрировать и достижения строительной отрасли, хотя возможности этой отрасли были еще ограничены.

А. Воинов, Н. Гиляров и А. Крылов работали в творческом союзе, проекты подписывали псевдонимом ВОГИКРЫ, – по первым слогам фамилий. Это позволяло быстро и одновременно выполнять несколько проектов (Воинов – планы, Гиляров – перспектива, Крылов – фасады): кроме павильонов выставки, запроектировали два 112-квартирных дома по ул. Московской, клуб строителей (перепроектирован во Дворец пионеров и школьников), клуб швейников в Минске и др.

Г. Лавров после Университетского городка проектирует в 1928 г. Клинический городок, используя преимущество размещения разных функций в отдельных корпусах. Небольших размеров здания, строили быстро. Четкие объемы с несложной коридорной планировкой, обеспеченной световыми «карманами». Простые фасады с увеличенной площадью остекления завершались невысокими скатными, не очень любимыми авангардистами, крышами, зато эффективными в местном климате. Вдвоем с Б. Жолткевичем проектируют (1929 г.) библиотеку им. Ленина с выразительным решением входа, над которым нависает читальный зал, опирающийся на колонны (Рис. 2). Яркая демонстрация возможностей нового материала, – железобетона. Это здание стало наиболее показательным проявлением идей конструктивизма в белорусской архитектуре. Даже при небольших размерах здания существенно изменяли пространство, в привычных панорамах городских кварталов и улиц возникали представления о совсем иной масштабности, о социальной и архитектурно-конструктивной инновационности архитектуры.

И. Володько проектирует Геофизическую обсерваторию в Минске (1928–31 гг.), – здание, типологически неведомое, но с типичными элементами новой архитектуры: при компактности плана сложность объема, хотя и достаточно умеренная, с привычными выступами лестничных клеток.

С 1929 г., после победы в конкурсе на здание Дома правительства, в Минске начинает работать И. Лангбард. Известный к тому времени ленинградский архитектор был уроженцем Гродненщины, знал исторический контекст застройки белорусских городов, имел значительный опыт проектировщика, понимал масштабность предстоящих задач. Он тоже столкнулся с отсутствием генерального плана развития Минска. Поэтому здание Дома правительства, которое потом долгое время было самым крупным сооружением в белорусской архитектуре, он создал в виде ансамбля, главенствующим в центре Минска. Композиция благодаря строгой симметричной композиции и нарастанию объемов к центру, динамичная и впечатляющая, но здание не производит впечатления громоздкого сооружения. Именно простота и создает монументальность художественного образа, который должен характеризовать важное правительственное здание.

Дом правительства в Минске относится к лучшим образцам архитектуры позднего конструктивизма. В отделке интерьеров использованы росписи и бронзовые рельефы, такое сочетание архитектуры и монументального искусства тогда было редкостью. Особенно удачно выполнено оформление фойе перед залом Верховного Совета с декоративно-художественной росписью, в которой орнамент, характерный народному искусству, вместе с элементами советской

символики (пятиконечные звезды, серпы и молоты) органично включен в композиции на тему «Индустриализация».

В конце 1930-х годов в связи с близостью Минска к границе приняли решение перенести столицу Белорусской ССР в Могилев. Переселение в итоге не состоялось, но в Могилеве успели построить Дом правительства по проекту Иосифа Лангбарда, автора минского Дома правительства. Облик и композиционная структура этого здания получились близкими минскому аналогу. Но так как столица осталась в Минске, здание получило название «Дом Советов». Строгие монументальные формы характерны и другим значимым общественным зданиям, возведенным по проектам И. Лангбарда, – Дома Красной Армии, Театра оперы и балета, а также перестройки главного корпуса Академии наук. Архитектура этих зданий учитывала их общественную значимость, поэтому стремилась к созданию выразительных объемно-пространственных композиций и формированию новых градостроительных ансамблей.

С середины 1930-х гг. архитектура Беларуси начала испытывать воздействие иной творческой направленности. Г. Лавров строит кинотеатр в Орше Витебской области, общежитие, библиотеку и учебный корпус Белсельхозинститута в г. Горки Могилевской области, принимал участие в начале строительства Театра оперы и балета, Академии наук, Белорусского политехнического института. Но в 1934 г. он возвращается в Москву. И. Володько после призыва в армию в Минск не вернулся, а тоже уехал в Москву, где работал в 7-й архитектурно-проектной мастерской Моссовета, которой руководил самый интересный архитектор советского авангарда К. Мельников.

В Минске остался А. Воинов, показавший себя как серьезный архитектор и успешный администратор. Во второй половине 1930-х гг. А. Воинов занимался проектированием крупных жилых и общественных зданий: больница в Жлобине, Дворец пионеров и школьников, Дом партийного актива (после окончания строительства – главный учебный корпус Белорусского института физической культуры), гостиница «Беларусь» (сейчас «Свислочь»), Дом Центрального комитета партии (сейчас администрация Президента Республики Беларусь), гостиница «Днепровская» в Могилеве, типовые проекты жилых домов и др. Архитектуру А. Воинова характеризовали целостность и масштабность композиционных решений, стремление к высокой идейной выразительности, понимание градостроительной значимости ансамбля.

Классик советской литературы Константин Федин спустя годы так описал свои впечатления о столице Беларуси: «Зимой 1936 года я приехал в Минск – совершенно незнакомый мне город. ... я увидел ... как бы два города в одном: кварталы новых громадных зданий перемежались с деревянными домиками

старинных улиц. Контраст был удивительный, но свет, чистота воздуха, блеск снега объединяли противоречия, превращая город в своеобразное произведение искусства. на этих улицах, я очень сильно ощутил, как наша новая действительность проникла в старую ткань прошлого».

Сохранившиеся в Минске, возведенные всего за 3–4 года, здания начала 1930-х гг. – библиотека им. Ленина (сейчас Совет Республики), Дом правительства, Дом Красной Армии (сейчас Центральный Дом офицеров), здание ЦК КП/б/Б, дом печати, фабрика-кухня, обсерватория и сегодня являются ярким свидетельством становления современной архитектуры. При всех изменениях творческой направленности в искусстве и архитектуре до войны в БССР построили лишь несколько зданий в формах откровенно классической архитектуры: жилой дом в Минске около парка им. Челюскинцев и административное здание в Могилеве (сейчас Белорусско-Российский университет). Архитектура в большей степени продолжала ориентироваться на ясность композиционного построения, лаконизм и сдержанность декора: клуб в Чечерске (1937 г.), дом Красной Армии в Слуцке (1939 г.).

В 1921 по 1939 гг. западная часть Беларуси входила в состав II Речи Посполитой, государства с иным социально-политическим устройством. Многие сооружения, выполненные в этот период в рамках так называемого «закопанского стиля», обращают на себя внимание своими необычными, активными формами (арх. Л. Дубейковский, Ю. Клосс, Ю. Лисецкий). Но этот стиль основывался на особенностях народной архитектуры далекой от Беларуси территории около Карпат. Подобная идеологическая направленность, – создание общенационального стиля на базе архитектуры одного региона, была вряд ли правомерной. Невозможно равнозначно распространить одно образное решение, при всей его выразительности, на территориях, где различны исторические, социально-экономические и культурные традиции. Поэтому архитектура этих сооружений, как в деревянных, так и каменных, даже обладающая безусловными достоинствами (ансамблевость застройки, ясность композиционных решений, высокое качество технического исполнения), все же смотрится в какой-то степени выпадающей из историко-культурного контекста Беларуси.

В начале 1920-х гг. административный статус некоторых поселений изменился, они стали центрами поватов, получив новые функции – административные. Вырастала их значимость и как центров торговли, образования, медицины. Некоторые из них стали центрами приграничных поватов, а это дополнительная специфика. Поэтому для размещения служащих администрации, военных, пограничников строили поселок, как правило, в виде целостного градостроительного образования («колония»), – Новогрудок, Воложин, Браслав, Глубокое и др. Для создания стилистического единства и

экономии средств реализован принцип типового проектирования: дом для старосты – элитное жилище, другие варианты жилых домов – 1-, 2-, 4-квартирные. Симметричные планы и фасады обеспечивали центрическое построение объемов с крутыми гонтовыми или черепичными крышами, часто имевших ломаную форму, и были новыми подходами к архитектуре жилища. А мезонины, крыльца с колоннадами, архитектурный декор фронтонов были обращением к традиционной архитектуре. В Слониме архитектуру жилых домов ориентировали на образы усадебного строительства XVIII–XIX вв., хотя трактовка форм в большей мере связана с модерном.

Индивидуально проектировались особо значимые объекты, обычно костелы и церкви, некоторые общественные здания, например гимназия им. К. Ходкевича (1929 г.) и почтамт в Лиде (1938 г.). Стилистическое разнообразие архитектурных решений имело достаточно широкий диапазон: неоклассицизм – Головное отделение Банка Польского в Бресте (1925 г.) и историзм – железнодорожные вокзалы в Столбцах, Вилейке, Богданово Воложинского районов и др., модерн – костел в Солах Сморгонского района (1934 г.), неороманские мотивы – костел в Идолте Миорского района (1939 г.), а также функционализм, который можно ассоциировать с конструктивизмом советской архитектуры.

Но общественные здания массового строительства, например административные, были типовыми: волостное правление («гмина»), – Гольшаны Ошмянского, Гервяты Островецкого районов и др. Школьные здания становились невольным выразителем идей централизма и всеобщности, что тоже нашло выражение в типовых архитектурных решениях: Нача Вороновского, Севятевичи Воложинского, Лавришево Новогрудского, Турна Великая Каменецкого районов и др.

Функционализм 1930-х гг. содействовал развитию типологии архитектуры Западной Беларуси: дом офицеров Гродно (1933 г.), новые решения многоквартирных жилых домов. Первоначально жилые дома, даже при новизне планировки, ориентировались на традиционные формы – 3-секционный 2-этажный жилой дом с 3-этажной центральной секцией в Молодечно (начало 1920-х гг.). Впоследствии формы и конструкции городского жилища все больше становились современными – 3-секционный 3-этажный жилой дом с 2-этажной центральной секцией в Молодечно (1936 г.). Большие оконные проемы, ленточное остекление, сплошное вертикальное остекление лестничных клеток, активность угловых балконов, максимальное снижение скатов крыш, использование парапетов, завершавших стены и прикрывавших скаты кровли, было характерным для конструктивизма использовалось в крупных общественных зданиях и в городских особняках. Но известно и сдержанное

сочетание авангардных решений с переработанными классицистическими формами – здание администрации Полесского воеводства в Бресте (1938 г.), как своеобразное проявление постконструктивизма.

А в БССР создаются Союз белорусских архитекторов (1934), первые проектные институты «Белгоспроект» (1933), «Белпромпроект» (1936), что обеспечило формирование творческих коллективов и позволило начать самостоятельно выполнять в Беларуси сложные комплексные работы.

Тема 3.2. Архитектура БССР в первое послевоенное десятилетие (1944–1954 гг.)

После освобождения Беларуси необходимо было в кратчайший срок ликвидировать последствия войны, восстановить и обеспечить дальнейшее развитие народного хозяйства республики, поднять уровень благосостояния и культуры народа. Подготовка к восстановительным работам началась еще в 1942–43 гг. Под руководством А. Воинова выполнена работа по учету архитектурных и инженерных кадров, намечены первоочередные мероприятия. В 1943 г. создано Управление по делам архитектуры при СНК БССР. Сразу же по освобождении Беларуси приступали к возрождению городов и сел. Возобновили работу ведущие проектные организации республики – Белгоспроект, Белпромпроект, Белсельстрой, создавались строительные организации. В проектировании ряда ответственных объектов и ансамблей принимали участие архитекторы из Москвы и Ленинграда.

Это обеспечило целенаправленность проводимых работ, рациональное использование ограниченных ресурсов. Самое важное, были сформированы коллективы архитекторов-единомышленников, готовых к созидательному труду, одинаково понимавших как техническую сторону своей профессии, так и художественную направленность архитектуры того времени. Все работы по восстановлению проводились на основе проектов планировки городов, разработанных в 1945–49 гг. Учитывались исторически сложившиеся основы их планировки, стремились учесть новые тенденции развития промышленного производства. Генеральные планы еще только разрабатывались, а параллельно с восстановлением фабрик и заводов началось строительство промышленных гигантов, которых в Беларуси никогда не было: в Минске – тракторный, автомобильный, шарикоподшипниковый заводы, тонкосуконный комбинат, в Витебске – фабрика КИМ и станкостроительный завод, в Гомеле – тоже станкостроительный и завод сельскохозяйственного машиностроения и т.д. А

это совсем иной масштаб городов, совсем другие требования к системам транспорта и общественного обслуживания.

Но не только функциональные вопросы решались при восстановлении. Совершенно четкой целью было создание выразительных индивидуальных композиций городских центров, их площадей и главных магистралей. Каждое новое здание становилось закономерным элементом ансамбля, именно ансамблевая застройка формировала главные улицы: проспекта Независимости в Минске, улицы Кирова в Витебске, проспекта Ленина и улицы Советской в Гомеле, Первомайской улицы и площадей на ней в Могилеве.

Ансамблевые тенденции реализуются в осевых композициях, завершенности и замкнутости пространственных образований, укрупненном масштабе сооружений, использовании классицистических градостроительных приемов: оформление въездов в виде триумфальных ворот (ансамбль Привокзальной площади, на участках пр. Независимости в Минске, ул. Кирова в Витебске).

Застройка пр. Независимости в Минске (М. Парусников) является одним из ярких примеров в советской архитектуре стилистически и композиционно целостного ансамбля. Специфика минского ансамбля в более камерном масштабе сооружений и пространственных образований, что отличает белорусский вариант неоклассики от грандиозных по масштабам проекты Российской Федерации, Украины.

Развитие получает тенденция создания замкнутых в себе объектов, отгороженных от среды фасадом, в оформлении которого реализуется идея репрезентативности и триумфальности. Сооружения приобретают укрупненный масштаб, повышенную монументальность, насыщенность ордерными и декоративными элементами. Пластика фасадов включает рельефные вставки геральдического и эмблематического характера, элементы растительного и национального орнамента, с использованием коммунистической атрибутики и объемную скульптуру аллегорического характера.

Уже через год после завершения Великой Отечественной войны в Беларуси развернулись работы по увековечиванию памяти о событиях войны. Управление по делам архитектуры при Совете Министров БССР организовало проектирование эскизов намогильных памятников и памятных досок и издало их отдельным альбомом, который получили все областные отделы архитектуры и культпросветучреждений, райисполкомы, районные музеи и библиотеки. Среди авторов проектов были и оставившие яркий след в белорусской архитектуре М. Бакланов, И. Володько, И. Елисеев, Г. Заборский, В. Король, Л. Мацкевич, И. Руденко, С. Сперанский, И. Хозеров.

Эскизные проекты стали предложениями для массового применения, позволяя при ограниченности строительных материалов и специалистов, достаточно простыми решениями достойно выразить героизм и трагизм военных времен. Для памятников широко использовали известные строителям местные формы, преобладали представления реальности и простоты, присущие художественной культуре белорусского народа. Некоторые из первых мемориальных сооружений 1947 г. стоят и сегодня, сохраняя скромные архитектурные формы, выразительно наполненные содержанием глубокого почитания: Гродно, Козловщина Дятловского, Кривичи Мядельского, Терешки Вилейского районов и др.

Но, было и понимание, что, когда увековечивается особо значимое событие, требуется индивидуальное архитектурно-художественное решение мемориального сооружения. Такое направление тоже было реализовано в 1947 г.: по индивидуальным проектам возвели памятники в парке им. Челюскинцев Минска – арх. Г. Заборский, в Тростенце – арх. И. Елисеев (Белгражданпроект), в Уручье – О. Островская и др. Тогда же начался творческий поиск предложений, каким быть памятнику «Победа» в Минске. Потом, в 1950 г. объявили конкурс и в 1954 г., к дате освобождения Беларуси от захватчиков, появился памятник-монумент, ставший символом нашей страны. Г. Заборский и В. Король создали обелиск как выразительный символ героической победы, сила эмоционального воздействия которого усиливалась восходящей к истокам народного искусства художественной орнаментикой архитектурного декора и гармоничным дополнением скульптурных композиций.

Именно в конце 1940-х гг – начале 1950-х гг. сформировались лидеры творческого процесса в белорусской архитектуре. Владимир Король был не просто в 1951–80 гг. начальником Управления по делам строительства и архитектуры при Совете Министров БССР, а потом председателем Госстроя по делам строительства при Совете Министров БССР, заведующим кафедрой «Градостроительство» БПИ. Он сумел реализовать масштабные архитектурные замыслы и мощную идейную основу архитектуры, – стремление выразить в архитектурно-художественных образах творческий дух белорусского народа, его негибаемую волю к победе. То, что называлось «советская классика», у В. Короля означало синтез архитектуры с другими направлениями изобразительных и пластических искусств, активное включение в современный творческий процесс традиций национальной художественной культуры белорусского народа. Все, возведенные с его непосредственным творческим участием сооружения, – ансамбль проспекта Независимости, Центральный почтамт, монумент Победы в Минске, мемориал «Брестская крепость-герой» в Бресте и др., стали этапными вехами в развитии белорусской архитектуры.

Георгий Заборский в совершенстве владел чувством пропорций, что в классической архитектуре всегда было важнейшим средством выразительности. Но в пластическое богатство декоративной отделки зданий смело включал творчески осмысленные элементы из арсенала белорусского народного искусства. Именно поэтому он первый обратил внимание на потенциал нового тогда отделочного материала, – керамическую плитку, которую уже мог выпускать в окрестностях Минска введенный в строй комбинат «Пионерский». Новое декоративно-художественное убранство фасадов жилых домов со встроенными магазинами по ул. Ленина в Минске сразу же стало украшением столицы республики, радует и сегодня. Но при этом Г. Заборский сохранял и понимание уровня масштабности столичной архитектуры, что в его творчестве было проявлено в полной мере. Это не только жилые дома, но и крупные общественные объекты, – здание ЦК ЛКСМБ, Суворовское военное училище, Гостиница Совета Министров БССР (сейчас Дом внешнеторговых и экономических связей Республики Беларусь), Дом-музей Якуба Коласа в Минске, но это и необходимость обеспечения художественной ценности обычной среды проживания, – жилой поселок Минского автомобильного завода, застройка центра Полоцка, типовые проекты административных зданий для районов республики. Именно это позволило Г. Заборскому эффективно реализовать свои творческие замыслы в последующие периоды, когда завершилась «борьба с излишествами в архитектуре» и в строительном процессе приоритет отдавался индустриальным методам, – кинотеатр «Пионер» в Минске, застройка многих сельских населенных пунктов по всей Беларуси (колхозы им. Калинина в Несвижском районе, «Прогресс» в Гродненском районе, «Чырвоная змена» в Любанском районе, «Рассвет» в Кировском районе и др.).

Формирование образов крупных общественных зданий в послевоенный период было ориентировано на использование принципов классического искусства в композиции и конкретных архитектурных классических форм архитектуры. Именно в выразительности традиционных образов и форм классической архитектуры просматривался арсенал художественных и архитектурно-конструктивных средств для выражения героики и пафоса победы в великой войне. Разнообразие конструктивных систем строительная индустрия обеспечить была пока не в состоянии, основным строительным материалом оставался кирпич с последующим оштукатуриванием поверхностей и отливкой из бетона декоративных элементов. Но архитекторы проявляли большое мастерство и изобретательность в разработке фасадов зданий, особенно выходящих на площади, магистрали и главные улицы.

Типовые проекты чаще применяли без изменений, обычно школьных зданий. Широкое распространение получили типовые проекты районных Домов

культуры, разработанные Белсельпроектом (П. Рудик) с выразительным рядом активных пилястр или узнаваемыми аркой или нишей на главном фасаде, которые и сейчас остаются заметными элементами архитектурной среды как нынешних, так и бывших районных центров (Столбцы, Копыль, Мядель, Свирь и др.). Это относится и к типовым проектам административных зданий, – райисполкомы и райкомы КП/б/Б, разработанных Белгоспроектом (Логойск, Жлобин, Кривичи и др.). Если же зданию отводилась важная роль в будущем ансамбле, то переработанный проект, позволял усилить торжественную монументальность архитектуры: Дворец культуры профсоюзов в Минске), дворцы культуры льнокомбината в Орше, тонкосуконного комбината и кинотеатр им. А. Пушкина в Гродно и др.

Восстанавливаются в послевоенный период и сооружения массового строительства, например торговые сооружения. В основном тогда это палатки, киоски или небольшие деревянные магазинчики, жалоб на их размеры и особенности, как показывает периодическая печать, нет. Наоборот, торговые здания упоминаются как важные, естественные компоненты застройки. Это существенное отличие от ситуации 1930-х гг., когда появление любого нового магазина воспринималось как большое достижение.

При восстановлении Минска, в 1945 г., начинается проектирование ГУМа. Задание на его проектирование включало положения, определявшие архитектурно-художественную стилистику будущего здания: ориентироваться на архитектуру итальянского Возрождения, а именно на систему северо-западного фасада базилики Палладио в Виченце или библиотеки в Венеции. Даже указывался характер отдельных элементов – галерея на высоту первых двух этажей. 4-этажное здание ГУМа в Минске было открыто в ноябре 1951 г. (Г. Гегард, Л. Мелеги). Конечно, архитекторы учли задание, но нашли выход, как разместить здание на углу важных улиц, обратив абсолютно симметричный фасад на столичный проспект. Использование железобетонного каркаса позволило создать большие застекленные проемы окон разных размеров и разной формы, что обеспечило зданию ГУМа весьма представительный вид. Этому содействовали разнообразные элементы архитектурного декора на фасадах и в интерьерах, широкая парадная 3-маршевая лестница, украшенная элементами бронзового литья и витражами огромных окон.

Созданные в первое послевоенное десятилетие произведения архитектуры вошли в золотой фонд белорусского зодчества. Их архитектурно-художественные образы искренне, осознанно в возвышенных тонах, с полным пониманием значимости своего предназначения, рассказывали о героическом прошлом и прекрасном будущем. Здания Центрального почтамта, Государственного банка, Минского обкома КП/б/Б, Управления Белорусской

железной дороги, главных корпусов Белорусского национального технического университета и Белорусского института механизации сельского хозяйства, цирка и многих других в Минске вызвали интерес при появлении на улицах столицы республики и теперь сохраняют значение закономерных акцентов современной среды. Немало таких зданий и в других городах Беларуси, – областные драматические театры в Гомеле и Витебске, облисполкомов в Полоцке, Мозыре, Молодечно, гостиницы в Бобруйске и Полоцке, библиотека в Молодечно и др.

Но не только крупные общественные здания были в центре внимания общества и руководства республики. Возрастали масштабы нового жилищного строительства. На первом этапе возможности строителей позволяли возводить только невысокие, 2- или 3-этажные дома по типовым проектам даже в центре городской застройки: квартал по ул. Коммунистической в Минске формировали 2-этажные 1-секционные 8-квартирные дома. Аналогичный подход к формированию жилой застройки был реализован и при возведении жилья в Гомеле (поселок завода Гомсельмаш), в Гродно (Занеманский район) и др. С 1951 г. в Беларуси приступили к разработке типовых проектов 2- и 3-этажных жилых домов с количеством квартир от 12 до 33 (Белгоспроект, арх. И. Елисеев), которые должны были оптимально учитывать местные климатические, строительные и иные требования. В результате обеспечены четкость конструктивной системы на основе сокращения числа типоразмеров строительных изделий, высокие эксплуатационные и технико-экономические качества, простота выполнения строительных работ. Многие дома делали с магазинами на первом этаже, были варианты домов для строчной застройки, для размещения на углах кварталов. Магазины, встроенные в первые этажи жилых домов, всегда повышали художественную выразительность любого архитектурного решения. И сейчас своеобразие внешнего вида главной магистрали Минска, – проспекта Независимости во многом обязано большим витринам магазинов, высоким потолкам в них и интересным интерьерам.

Жилые дома с большим количеством квартир, – от 50 до 200, возводились вдоль важных городских магистралей и рассматривались как элементы крупных градостроительных ансамблей. Такие дома для повышения их статуса получали даже два входа в секции, кроме дворового, делался и вход с улицы. Многие дома строились для своих работников разными ведомствами и предприятиями, что обеспечивало различия в заданиях на проектирование, отсутствие или наличие на первых этажах предприятий торговли и общественного питания. При общности композиционных построений и соразмерности объемов обеспечивалась индивидуальная пластика фасадов, позволяя получить разнообразие форм, деталей и избежать повторов и монотонности. Несмотря на использование типовых секций при проектировании новых жилых домов

архитекторам удавалось создавать эффектные, выразительные композиции: на Привокзальной площади в Минске, (Б. Рубаненко, А. Корабельников и др.), около площади Победы (М. Барщ, Л. и Г. Аранаускасы).

Планировки большинства квартир были удобны, обеспечены современным на те времена инженерным оборудованием. Но дефицит жилья, приводил к тому, что нередко заселение квартир производилось покомнатно. Семья получала в квартире только одну комнату, а квартира становилась коммунальной, с несколькими хозяйками на одной кухне, что, конечно, было неудобно.

Архитектура жилых зданий подчинялась идее ансамблевости городской застройки, основной фронт которой формировали именно жилые дома. Дома возводятся по периметру кварталов, с замкнутыми дворовыми пространствами, вход в которые оформляется торжественными арками или парадными воротами. В планировочных решениях жилья появляются парадные варианты: комфортабельности на основе большой площади и высоты помещений, наличие подсобных помещений, просторных прихожих, распространение анфиладных планировок. Появляются 4-комнатные квартиры, однако преобладал коммунальный способ заселения домов: семья получала только комнату, а кухня и подсобные помещения становились общими. В ансамблевой застройке центральных улиц использовались индивидуальные проекты 4-, 5- и 6-этажных домов на основе типовых секций, применение которых маскировалось индивидуальным решением фасадов. Здания проспекта Независимости в Минске дают массу примеров подобных решений. Характерным приемом, обусловленным градостроительным требованием создания пространственных ориентиров, стало введение в структуру плана дома индивидуальных угловых секций, часто с угловым повышенным объемом, вплоть до граненой башни с часами (М. Парусников, 1947–1951 гг.). нижние этажи всегда выполнялись с использованием утяжеленных форм, рустовкой и более крупного масштаба членений. Верхние этажи решались с использованием декоративной пластики – розетки, гирлянды, пилястры, а также балконов, эркеров, арочных окон и др.

Фасады административных зданий, учебных заведений, клубов, театров, музеев оформляются торжественными портиками с фронтонами, аркадами, маскирующими конструктивную и функциональную структуру. Ориентацию на соответствие классицистическим образцам характеризует административное здание на пр. независимости (М. Парусников, Г. Баданов, 1945–47 гг.), композиция которого организована вокруг курдонера, акцентированного монументальным портиком коринфского ордера. Архитектурные детали и элементы – пилястры, карнизы, парапеты, бельведер, активно поддерживают главную тему

Здание главпочтамта выделяется глубокой динамичной пластикой фасада (А. Духан, В. Король, 1949–1953 гг.), созданной мощным ордером и раскреповками антаблемента и аттика. Геральдические барельефы и огромный картуш над центральным входом, решенным в виде монументальной арки, активный вынос карнизы, филенки с розетками в нишах аттика, лепные гирлянды создают впечатление праздника в архитектуре. Ротонда операционного зала, перекрытого куполом на световом барабане, имеет внутреннюю колоннаду.

Строгий монументальный образ и плоскостная пластика фасадов, в которых прослеживаются ренессансные черты, характеризуют архитектурное решение Госбанка в Минске (М. Парусников, 1947–52 гг.). Первый этаж трактован как массивный цоколь, облицованный гранитом. Ярусность композиции создается индивидуальным решением проемов на разных этажах.

Различные интерпретации образцов классицистической и ренессансной архитектуры представляют собой административные здания, сформировавшие центральные ансамбли городов: обкомы КПБ в Молодечно (А. Воинов, Я. Печкин, 1952–56 гг.), Гродно (В. Варакин, 1950-е гг.), облисполкомы в Мозыре (А. Духан, 1951–54 гг.), Полоцке (Г. Заборский, 1949–1955 гг.). характерная стилистика использована и в решении типовых административных зданий райкомов, районных и сельских советов.

Классицистический образ приобрело в результате реконструкции здание политехнического института в Минске (Л. Рыминский, Л. Усова, 1946–1952 гг.). центральный ризалит акцентирован портиком стилизованного ордера, завершенным фронтоном с рельефной композицией геральдического характера в тимпане. В фасады боковых ризалитов введены рельефные фризы с гирляндами, парапеты в виде балюстрады, фронтоны в обрамлении окон.

Историзм как стилевая основа определяла пространственные, пластические приемы решений общественных зданий (суворовское училище в Минске, Г. Заборский, 1950–1953 г.). Атрибутами фасадов общественных зданий становятся входные завершенные фронтонами портики, аркады, пропилеи. В создании парадной атмосферы интерьеров общественных зданий также используется ордерная и декоративная пластика.

Расширилась практика разработки генеральных планов и для принятия решений о дальнейшем развитии сельских поселений. Жилищное строительство в сельской местности в основном велось из дерева. Использовали как традиционные, проверенные веками планировочные решения жилых домов, так и новые планировочные схемы, приближающее жилище к городским вариантам. Появляются дома с пятью, шестью комнатами, с верандой, с увеличенными сенями. Гораздо больше внимания стали уделять внешнему облику жилого дома,

шире в отделке использовали цвет, что делало жилой дом заметным, нарядным и в целом более оптимистичной застройку деревень.

Открытие в БПИ в 1952 г. специальности «Архитектура» стало важным событием в развитии высшего образования в республике, в подготовке специалистов для строительного комплекса и в культурной жизни Беларуси. Впервые в республике началась подготовка специалистов-архитекторов на высшем уровне обучения. А с середины 1960-х гг. архитекторы, получившие высшее образование в Беларуси (1958 г. – первый выпуск архитекторов в БПИ), выдвигаются на лидирующие позиции, им стали доверять авторство при проектировании ответственных объектов, что существенно активизировало формирование национальной архитектурной школы.

В архитектуре первого послевоенного десятилетия четко прослеживалось следование принципам классической архитектуры, использование симметричных уравновешенных композиционных структур и стремление к применению, порой преувеличенному, средств декоративности в отделке. Тем не менее, мастера архитектуры того времени, такие как Г. Баданов, М. Барщ, Г. Бенедиктов, А. Воинов, Р. Гегарт, В. Гусев, В. и А. Даниловы, А. Духан, В. Ершов, Н. Колли, В. Король, Л. Мацкевич, Л. Мелеги, М. Парусников, Б. Рубаненко, Л. Рыминский, Л. Усова и др. неизменно совершенствовали в планировочных решениях организацию функциональных процессов, добивались их соответствия запросам времени. Ими уже было выработано, и начало реализовываться, например, понимание того, что рядом с жилыми домами должны быть школы, детские сады и ясли, учреждения культурно-бытового обслуживания. А это важнейший в архитектуре принцип комплексности, как среды проживания в целом, так и формирования любого отдельного архитектурного объекта, реализация которого стала основой на последующих этапах развития белорусского зодчества.

Растущие объемы строительства требовали заводского производства элементов, типизации проектов. Широко внедрялись серии типовых проектов малоэтажных домов. В то же время естественная после победы тяга к триумфальности вырождалась в ряде работ в поверхностную стилизацию.

Тема 3.3. Архитектура в БССР в период массового индустриального строительства с середины 1950-х до начала 1990-х гг.

С середины 1950-х гг. архитектура Беларуси начала новый, фактически совершенно иной, но не менее интересный период развития. Для народного хозяйства БССР к тому времени стал характерным опережающий, постоянно

возрастающими темпами, технический прогресс промышленного производства. Директивные документы руководства страны 1954–55 гг. стали ориентиром на переход в строительстве к индустриальным методам. Это изменило общую направленность советской архитектуры, потребовало повысить внимание на экономические показатели строительных и эксплуатационных характеристик возводимых зданий, что возможно было только при использовании типизации и индустриализации в строительстве и внедрении унифицированных конструктивных элементов из сборного железобетона. Этому потребовала и «ликвидация излишеств в проектировании и строительстве».

Были выработаны, в том числе и с участием белорусских архитекторов во всесоюзных конкурсах на проекты жилых секций и зданий, подходы к проектированию жилых домов для массового строительства. Уже в 1955 г. в Беларуси разработаны унифицированные секции, которые стали основой для серий типовых проектов жилых домов. Первой была серия 1–433 (1956 г., Г. Заборский, Ю. Шпит) из восьми вариантов 4-этажных домов со стенами из кирпича или блоков, с учреждениями обслуживания на первом этаже. Уменьшение площади квартир, снижение высоты помещений до 2,5 м, использование проходных комнат, совмещенные санузлы, не сделали эти дома особо привлекательными, особенно учитывая упрощенные объемные решения и механическое повторение стандартных элементов на фасадах. Тем не менее, появились предпосылки к переходу на важный социальный стандарт – «каждой семье отдельную квартиру». Серия 1–434 (1957 г., И. Елисеев, В. Аладов и др.) обеспечила улучшение планировки квартир: сокращено количество проходных комнат, устранены совмещенные санузлы, улучшены пропорции жилых комнат.

Одновременно, в 1956–57 гг. в БССР начинает развиваться крупнопанельное домостроение, используя простоту производства панелей и высокую заводскую готовность элементов при монтаже на строительной площадке. Первые серии 5-этажных домов 1–464 и 1–355 широко применялись по всему СССР, в том числе и в Беларуси: шаг панелей – 2,6 и 3,2 м; пролеты – 6 м; совмещенная кровля, внутренний водосток. Размещение на лестничной площадке четырех квартир позволяло получить экономичное решение, но не обеспечивало сквозное проветривание жилых помещений, ограничивало варианты ориентации домов по инсоляции. В большей мере использовали строчное размещение домов в композиции микрорайона. 5-этажные дома практически не отличались друг от друга, архитектурный образ жилого дома оказался чрезмерно упрощенным.

Изменила ситуацию работа Белгоспроекта и Минскпроекта с минским Домостроительным комбинатом № 1 по совершенствованию архитектурно-планировочных решений типовых проектов серии 1–464 (1964 г., Ю. Шпит, Н.

Шпигельман и др.). Повысились санитарно-гигиенические качества квартир, инсоляция, сквозное или угловое проветривание. Во всех 2- и 3-комнатных квартирах устранили проходные комнаты, в 4-комнатных их количество уменьшили. Преобладал шаг в 3,2 м, что улучшило пропорции комнат, увеличило размеры жилой и подсобной площади квартир, увеличило площадь кухни, появились встроенные шкафы и др. Отмена в 1965 г. ограничения на высотность зданий расширила возможности формообразования панельного домостроения. Первые 9-этажные панельные дома – комплекс жилых домов на бульваре Толбухина в Минске (1966 г., Ю. Шпит, Е. Саманчук), жилой дом на площади Победы в Витебске (1967 г., А. Расейкин). Одновременно повышена этажность зданий, возводимых из кирпича. Успешной стала серия МК–5–9 проектов таких 5- и 9-этажных жилых домов (Н. Шпигельман, Д. Кудрявцев и др.): увеличена площадь всех помещений. В зависимости от ориентации по сторонам света на площадку выходило по четыре – восемь квартир, что обеспечивало экономичность, но наиболее распространенной стала 6-квартирная секция. Опыт, полученный в строительстве жилых зданий повышенной этажности, способствовал переходу к индивидуальному проектированию жилья, что позволило осваивать и постановку домов поперек рельефа, не только кирпичных, но и панельных. Это значительно повысило архитектурно-художественные качества жилищного строительства.

И тем не менее, местные климатические условия учитывались не в полной мере, нарекания имелись на недостаток подсобных помещений в квартире и на монотонность застройки. К разработке новых типовых проектов были подключены и областные проектные организации Витебска, Гомеля, Гродно. Перешли на блок-секционный метод проектирования, когда за объемно-пространственную единицу дома принимались 2- или 3-секционные блоки, которые фактически были законченными проектами самостоятельных частей дома с набором инженерного оборудования и полным комплектом сборных изделий. Это позволило значительно расширить приемы органичного и художественно выразительного формирования жилых домов. Одним из первых городов, где при строительстве жилья стали использовать блок-секции, стал Новополоцк. Из таких блок-секций появилась возможность компоновать самые разнообразные жилые дома по высотности, по форме плана, учитывать перепады высоты в зависимости от градостроительной ситуации или рельефа местности. Дополнительным средством повышения выразительности жилых домов массового строительства стало улучшение и разнообразие наружной отделки панелей.

При этом, из целей проектирования не исчезала задача улучшения планировочных решений квартир. Так, площадь общей комнаты в новых

проектах в 2-комнатных квартирах не могла быть меньше 15 м², а в 4-комнатных – не менее 18 м². Спальня для двух человек не могла быть меньше 12 м², при второй не менее 10 м², а третьей – не менее 8 м². С 1975 г. спальня и вовсе не могла быть меньше 10 м², увеличивались размеры подсобных помещений. По сравнению с проектами 1960-х гг. площадь кухни изменилась с 6 м² до 7–9 м². Обязательным стало зонирование квартиры, с делением на зону дневного пребывания (общая комната, кухня, передняя) и тихую зону (спальни). Но важным становилось другое: качество жилища определяли не столько размер площади, сколько рациональность планировки, уровень инженерного оборудования, вид из окон на внешние пространства, связь с транспортными коммуникациям и учреждениям обслуживания, благоустройство двора. Высококачественное жилище стало присуще не только столице республики, но и другим городам: жилой дом «Пчелка» в Гомеле, жилой дом с рестораном «Автора» в Витебске, жилые дома в микрорайоне «Форты II» в Гродно, микрорайона «Восточный» в Бресте и др. Этому способствовали возросшее внимание к эстетическим проблемам индустриального домостроения.

Не меньше изменений произошло с середины 1950-х гг. и в общественных зданиях. Большинство их, восстановленных в послевоенный период уже не отвечали требованиям времени. Не отвечали они и принципам формирования сетей культурно-бытового обслуживания населения. Поэтому основное внимание в проектной работе обратили на общественные здания массового строительства, – школы, детские дошкольные учреждения, торговли и общественного питания, здравоохранения, культуры и др.

Первоначально, в 1955–58 гг. внимание было сосредоточено на поиске «излишеств», которые следовало ликвидировать, а это в большей мере были элементы декора в оформлении фасадов. Хотя в редких случаях все же достраивали без упрощений фасадов даже в более поздний период, в 1959 гг.: Дома культуры в райцентрах Минской области, – Мядель, Кривичи, Свирь и др. Негативным был отказ от индивидуального проектирования общественных зданий, повсеместный переход на типовые проекты зданий, даже обращенных к духовной сфере, к творческим начинаниям: клубы и кинотеатры, Дворцы пионеров (Гродно, Могилев). Допускались лишь некоторые переработки, и то незначительные, типовых проектов, если этого требовала градостроительная ситуация, – Дворцы культуры в Гродно, Светлогорске, Солигорске.

Большинство типовых проектов общественных зданий, применявшихся в Беларуси, были разработаны головными проектными институтами страны. Но все же постепенно к разработке типовых проектов общественных зданий стали привлекать и проектные институты Беларуси. С начала 1960-х гг. Белгоспроект приступил к разработке типовых проектов школьных зданий, а затем и зданий

детских дошкольных учреждений. Белсельпроект разрабатывал типовые проекты клубов и домов культуры для сельских поселений с залами на 214, 310 и 405 мест (П. Рудик). Эти проекты оказались удачными, их использовали для кинотеатров в районных центрах, – Бешенковичи, Лиозно, Толочин и др. Важно, что эти проекты учитывали возможности местной строительной индустрии. Преобладала проверенная практикой конструктивная система с несущими стенами из кирпича и сборными железобетонными перекрытиями.

Считалось успешным решение, позволявшее в общественном здании использовать железобетонные изделия из сортамента изделий для жилищного и промышленного строительства. Со второй половины 1960-х гг. преобладающими становятся каркасно-панельные конструкции с унифицированными параметрами, – в плане сетка колонн 6 x 6 м, с дополнительным шагом 3 м, при высоте этажа – 3,3 м. Проектирование переходит на серийную основу: серия детских садов-яслей в расчете на 50, 90, 140, 185 и 280 мест. Серия школьных зданий на 165, 964, 1280 учащихся. Учебная программа, введенная с 1968 г., потребовала иной типологии, школы стали с расширенным составом помещений на 1104, 1176, 1496 и 1568 учащихся. Обеспечивалось компактное планировочное решение, создание среды для учащихся разных возрастных групп, что раньше не учитывалось. В 1970–80-е гг. реализованы проекты, разработанные Белгоспроектom для экспериментальных базовых школ: школьный комплекс из трех корпусов на 1796 учащихся (микрорайон Восток – 1 в Минске); трудовая политехническая школа (1512 учащихся) на 44 класса (микрорайон Зеленый Луг-4 в Минске); школа на 1176 учащихся с плавательным бассейном (микрорайон 3 Заднепровья в Могилеве).

Для главного корпуса Белорусской государственной сельскохозяйственной академии в Горках Могилевской области повторно применили проект главного учебного корпуса для Горьковского (теперь Нижегородского) сельскохозяйственного института, хотя и с переработкой. Даже здание для такого уникального учреждения культуры, как Белгосфилармония (1962 г.), разрабатывалось с использованием планировочного решения Дворца культуры завода ВЭФ в Риге и в свою очередь стало основой для Дворцов культуры Минских тракторного завода и камвольного комбината (1964 г.).

Только с конца 1960-х гг. появляется возможность работать над индивидуальными проектами административных, торговых и культурно-просветительных зданий, но только если они были объектами, значимыми в структуре города или новинками в типологии: специализированная музыкальная школа в Минске. Тогда появлялась возможность предложить своеобразную объемно-пространственную композицию, оригинальное силуэтное решение,

использовать средства монументального искусства: Дворцы пионеров в Бобруйске и Минске, музыкальное училище им. Глинки в Минске, Дворец культуры и техники Минского автозавода, дворец культуры комбината верхнего трикотажа в Пинске, Национальный выставочный центр «БелЭкспо» в Минске.

Индивидуальные решения определили архитектуру комплексов и зданий высших учебных заведений, – тогда институтов, которые в наше время стали университетами: Института физической культуры (1977 г.) и развития комплекса зданий Белорусского государственного университета (1960-80-е гг.), Государственного медицинского университета (1980-е гг.) в Минске, новых корпусов медицинского и педагогического институтов в Витебске (1967 г., 1973 г.), машиностроительного и педагогического институтов в Могилеве (1967 г.), университета в Гомеле (1972 г.). Потребности в индивидуальном подходе к архитектурно-планировочным решениям предопределяли особенности специфики каждого вуза, конкретные характеристики отведенной территории и градостроительной, особой в каждом случае, ситуации. Это повышало не только оптимальность функционирования учебного заведения, но и позволяло получать городам архитектурные акценты в виде неповторяющихся объемно-пространственных композиций, с использованием соответствующего масштабного строя. Именно это характеризовало новый учебный корпус Белорусского политехнического института (теперь БНТУ), который построен в 1983 г. на въезде в Минск со стороны Москвы.

Заметными объектами архитектурного проектирования стали административно-деловые здания: проектные институты – Белпромпроекта (1967 г., Н. Шпигельман, Л. Мицкевич), Дом проектных организаций Госстроя БССР (1979 г., В. Малышев), БелНИИгипросельстроя (1977 г., арх. И. Бовт, Л. Сагалов), Белгипроводхоза (1976 г., В. Данилов, А. Бельский) в Витебске, Гомельского филиала Гипросельмаша (1975 г., арх. С. Певный) в Гомеле, производственно-лабораторный корпус ПКБ АСУ (1977 г., арх. Р. Махмутов, А. Ильинов) в Витебске, а также научно-исследовательские институты – НИИЭВМ (1976 г., Ю. Григорьев, О. Ладкин), Белорусского филиала ВНИИ галургии и института Белгипробьосинтез (1975 г., М. Барсуков) в Минске. Важно, что эти здания получали выразительные, монументальные, хорошо обозреваемые запоминающиеся формы при строгости конструктивно-художественной композиции фасадных плоскостей.

Это же имело отношение и к архитектуре других общественных зданий этого периода. Наряду с широким применением типовых проектов 1- и 2-зальных кинотеатров для наиболее важных градостроительных ситуаций разрабатывали индивидуальные проекты, – кинотеатры «Пионер», «Партизан», «Октябрь», «Москва», «Современник» в Минске, «Октябрь» в Барановичах, «Минск» в

Новополоцке и др., которые отличались выразительностью внешних форм архитектуры и богатством отделки в оформлении интерьеров. По такому же направлению развивалась архитектура гостиниц: «Спутник» и «Турист» в Минске, «Днепр» в Могилеве, «Гомель» в Гомеле и др. Повышенная этажность позволяла им активно участвовать в формировании архитектурного ансамбля центра города: «Планета» и «Юбилейная» в Минске, «Витебск» в Витебске. 23-этажная гостиница «Беларусь» в Минске (Л. Погорелов, Л. Кустова) формировалась в парковой зоне у реки Свислочь как архитектурная доминанта в силуэте города, получив эффектную форму трилистника в плане.

Важными объектами архитектуры, провозгласившими необходимость и возможность поиска новых композиционных форм, современных конструктивных решений и строительной эстетики, стали сооружения, которые ранее были как бы необязательными. Дворец искусств в Минске (1965 г., С. Мусинский, Н. Кравкова) с уютным внутренним двориком с водоемом, который органично дополнял экспозиционные пространства, современными формами активно вошел в ансамбль окружающих зданий 1950-х гг. Дворец спорта (1966 г., В. Малышев, С. Филимонов) стал многофункциональным сооружением, рассчитанным на проведение спортивных соревнований, концертов, массовых мероприятий. Водно-спортивный комбинат в Минске (1967 г., О. Ладыгина) – первый в Беларуси 50-метровый бассейн. Сооружения потребовали использования специальных конструкций, обеспечивших создание эффектного внешнего вида и своеобразного решения интерьеров. Внимание к сооружениям спорта повышалось: центр конного спорта в Ратомке, учебно-тренировочная база в Стайках, спорткомплекс «Раубичи» в Минском районе, крытый каток в парке им. Горького в Минске, стадионы в Светлогорске и Новополоцке, легкоатлетический манеж в Гомеле.

Сооружениями, привлекавшими внимание к себе еще на стадии проектирования стали комплексы новых аэропортов в Минске и Бресте, перед архитектурой которых ставилась задача формирования представления о республике в целом, о ее культуре, традициях и возможностях. Реализованы современные технологии обслуживания, разнообразие планировочных и объемных форм, отделки фасадов.

Еще до перехода строительной отрасли на индустриальную основу началось развитие сети торговых предприятий. Магазин, встроенный в жилой дом, не мог быть крупным, не мог обеспечить требуемый ассортимент товара. К тому же началось производство для торговой сети холодильников, их установка на первых этажах жилых домов не соответствовала возросшим требованиям к жилой среде. Это предопределило разработку проектов отдельных зданий для торговли. Первые построены в Минске в 1958 г. в микрорайоне по ул.

Волгоградской (В. Аладов, М. Лившиц), потом и в других городах Беларуси. 2-этажные здания из элементов, применявшихся в кирпичных жилых домах, но с дополнением каркаса, получили необходимый размер торгового зала. Но крупные специализированные магазины продолжали сохранять значимость и строились по индивидуальным проектам («Дом мебели» и ЦУМ в Минске).

В 1965 г. в Беларуси организован институт «Белгипроторг», который стал инициатором многих прогрессивных начинаний. Это позволило провести в 1980-х гг. реконструкцию практически всей торговой сети республики с заменой технологий торговли (вводилось самообслуживание) и с разработкой новых интерьеров. Предпочтение отдавалось отдельным зданиям торговли, но все же в жилых зданиях на главных улицах продолжали делать встроенные и встроенно-пристроенные торговые помещения: торговые комплексы на площади Победы в Витебске (1961–67 г., А Росейкин), на проспекте Независимости Минска между ул. Сурганова и пл. Калинина (1964 г., Г. Сысоев, С. Мусинский), на ул. Первомайской в Могилеве (1974–81 гг., И. Фролов и др.), по ул. Немига в Минске (1980-е гг., С. Мусинский) и др.

Первые в республике универсамы построены в Минске, – «Фрунзенский», затем «Серебрянка» (В. Аладов, Л. Мельник): выразительный внешний образ, от 1000 до 1500 м² площадь торгового зала, который формировался без промежуточных опор перекрытием на металлических или железобетонных фермах. Объемно-пространственные и архитектурные особенности делали запроектированные в Беларуси универсамы и универмаги, работавшие на принципах самообслуживания, сильными акцентами градостроительных композиций районов: «Рига» и «Таллин» в Минске, универсамы в Мозыре и Могилеве, универмаг «Беларусь» в Минске, универмаги в Гомеле, Несвиже, Вилейке др.

Кооперация предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания позволила формировать новый тип общественных зданий – торговые центры. Они были экономичнее в строительстве и эксплуатации, а архитектурные решения стали более масштабными. Среди первых – торговый центр по ул. Притыцкого в Минске (1975 г., В. Кривошеев, О. Быковский), общественно-торговые центры «Волгоград» в Минске (1980 г., арх. В. Малышкин) и в микрорайоне № 15 Гомеля (1982 г., арх. А. Иванченко), торгово-общественный центр в Бресте (1974–78 гг., арх. С. Неумывакин, Г. Киселева и др.).

Известным объектом архитектуры советского периода Беларуси, стал крытый рынок «Комаровский» (1980 г., В. Аладов, А. Желдаков и др.) с площадью торговых помещений 54000 м². Сборно-монолитная оболочка позволила создать цельное обширное внутреннее пространство и одновременно

монументальную художественную форму, соответствующую масштабу столичного города.

В 1960–80-х гг. в Беларуси создано немало мемориальных комплексов, отметивших знаменательные события, казалось бы, давно прошедшей войны: мемориал «Катюша» в Орше (1966 г.), Мемориальный комплекс «Курган Славы» в Смолевичском районе (1969 г.), Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» (1971 г.), Мемориальный комплекс «Прорыв» в Ушачском районе (1974 г.), монумент в честь матери-патриотки в Жодино (1975 г.), памятник «Минск – город-герой» (1985 г.). Памятникам и мемориальным комплексам присущи выразительность образов, созданных монументальным искусством в единении с продуманностью градостроительного решения, и убедительная масштабность архитектурных форм.

Мемориальный комплекс «Хатынь» (1968 г., арх. Ю. Градов, В. Занкович, Л. Левин, скульптор С. Селиханов) создан в память о сожженных деревне и ее жителях. Реальное место трагедии отмечено выразительными силуэтами стел, обозначающих печь каждого сожженного дома и усиливающих эмоциональность восприятия, соединив воедино средства архитектуры с трагическим звоном установленных на них колоколов. Этот мемориал, как впечатляющее произведение архитектуры, воплотившее высокую патриотическую идею, отмечено Ленинской премией в 1970 г.

Тема 3.4. Сельская архитектура БССР с середины 1950-х до начала 1990-х гг.

Для белорусской деревни 1920–1930-х гг. характерно создание новой формы хозяйствования, – коллективных хозяйств по совместной обработке земли: коммуны, артели, товарищества, совхозы. Рациональной формой землепользования была признана поселковая с объединением в одном поселении 10–15 усадеб. Допускалось и создание хуторов. К 1929 г. в Беларуси было создано 11,5 тыс. небольших поселков и более 107 тыс. хозяйств переселено на хутора. Это позволило изменить социально-экономические условия сельской жизни, но сохраняло традиционный бытовой уклад, а в застройке традиционные приемы планировки населенных мест.

В жилье наметились положительные тенденции, распространение получали развитые планировочные решения, увеличились размеры жилой площади в доме, выделяли в отдельные помещения кухню и спальню. Из новшеств в застройке деревень стали блокированные жилые дома из двух квартир. Увеличилось количество зданий общественного назначения. К 1926 г. в республике было 638 изб-читален, 100 народных домов, более 1000 красных

уголков. Формировались сети школ и медицинских учреждений. Часто проблемы решались приспособлением существовавших зданий, проектов на новое строительство не было.

Новый этап развития сельского строительства начался с коллективизацией сельского хозяйства, хотя реализация данной социально-экономической политики стала серьезным испытанием для жителей села. Установился фактически принудительный характер труда в колхозах, что осложняло реализацию творческих устремлений, которые могли быть реализованы и в строительстве, при реконструкции усадеб колхозников, в отделке жилых домов. Новыми объектами архитектурного проектирования стали поселки Машино-тракторных станций (МТС), которые обслуживали колхозы техникой, – для них обязательно разрабатывали генплан. В республике к 1941 г. действовало 316 МТС.

Коллективизация потребовала преобразования расселения, хутора возвращали в деревни. 191 тыс. хуторов было перенесено в довоенный период. Укрупнение поселений проводилось с учетом зонирования: жилая зона, производственная, общественного назначения. Такие поселки получали возможность формировать общественный центр соответствующими объектами: клуб, школа, правление колхоза, общественный сад и др.

Большое внимание уделялось улучшению санитарно-гигиенических условий проживания. В жилых домах появилось электричество. И хотя к 1940 г. было электрифицировано только 500 колхозов, и то частично, все же это был существенный прогресс. Улучшилась инсоляция жилых помещений, так как увеличенные размеры окон стали нормой. С территории усадьбы исчезли некоторые домашние животные, или уменьшилось их количество, что позволило уменьшить и число хозяйственных строений. Застройка усадьбы и всего селения свободнее, проветривалась свежим воздухом. Стали возводить здания и со стенами из кирпича, что повышало капитальность и привлекательность застройки.

В 1932–1933 гг. начали использовать типовые проекты жилых домов, школ (на 80, 160, 280 учащихся), больниц (на 25 и 32 койки) и амбулаторий (на 50–60 и 100–120 посещений). Избы-читальни заменяли клубами со зрительным залом на 100–300 мест и несколькими клубными комнатами. Обобществление средств производства требовало практически для всех видов деятельности сооружений крупных размеров: фермы крупного рогатого скота, скотные дворы, склады, хранилища и др.

В сельской местности все больше появляется архитектуры, напрямую не связанной с сельским образом жизни, но косвенно становившейся примером для нового строительства: в Ждановичах около Минска – Дом отдыха (1934 г.);

дачные рабочие поселки около Минска, – 50 в 1935 г., 100 – в будущем. Для этих поселков разрабатывались генеральные планы.

После воссоединения Беларуси в 1939 г. начался процесс коллективизации и в ее западной части, что повышало административный уровень тех сельских поселений, которые становились центрами сельских советов и колхозов. В 1940 г. понизился статус некоторых поселений в связи с ликвидацией названия населенного пункта – «местечко», и превращением многих из них в обычные деревни. В восточной части БССР это произошло еще в 1938 г. в результате проведенной реформы административно-территориального деления республики. Так, деревнями стали бывшие местечки Бельнковичи, Гайна, Горы, Довск, Дрибин, Журавичи, Крайск, Рясно и др. Но в целом данная реформа значительно расширила понятие «сельская архитектура», включив в него поселения с богатым историческим прошлым и с сохранившимися артефактами архитектурного наследия, со значительным производственным потенциалом, а потому почти имевших перспективы для типологического и качественного развития архитектуры.

В годы войны восстановление сельских поселений республики начиналось сразу же по мере освобождения территории от захватчиков. В некоторых районах Гомельской области в деревнях из многих тысяч довоенных жилых домов уцелело лишь по 20–30 зданий. В Суражском районе Витебской области из 246 деревень осталось только пять. Поэтому индивидуальный деревянный жилой дом на одну семью стал основным объектом строительства. Институт Белсельстройпроект разработал альбомы типовых решений планировки сельских поселений, – 17 вариантов планировки селения с количеством дворов от 30 до 120. Эти меры позволили до 1949 г. построить на селе более 300 тысяч жилых домов и более 540 тысяч объектов общественного обслуживания.

С 1950 г. начинается укрупнение сельскохозяйственных предприятий, мелкие колхозы объединялись в более крупные. Генеральные планы сельских поселений стали предусматривать квартальную застройку, позволившую переходить от застройки, которая тянулась вдоль одной длиной улицы, к более компактной планировке, более удобной в пользовании и более экономичной в эксплуатации. С начала 1950-х гг. расширяется применение планировочных схем, приближающих жилище к городским вариантам. Появляются дома с пятью, шестью комнатами, с верандой, с увеличенными сенями. Больше внимания стали уделять внешнему облику жилого дома, вернулся интерес к декоративному убранству главного фасада, широко в отделке использовали цвет, что делало жилой дом заметным, нарядным и в целом застройку деревень более оптимистичной.

Широкое распространение получили типовые проекты районных Домов культуры, разработанные Белсельстройпроектом, хотя это была архитектура не для деревни, а для города, все же предназначалась и для сельских жителей, информируя их об используемых тогда стилевых художественных направлениях в архитектуре. Активная выразительность пилястр, узнаваемых арок или ниш на главном фасаде придавали зданию торжественность, присущую классицистической архитектуре. Эти Дома культуры и сейчас заметные элементы архитектурной среды как нынешних, так и бывших районных центров (Столбцы, Копыль, Мядель, Свирь и др.).

Известны и примеры самостоятельного проектирования и строительства хозяйственным способом достаточно крупных зданий, – кирпичная 2-этажная 10-летняя школа со спортзалом в Семежево Копыльского района (1956 г.) повторила П-образную форму плана, заимствованную из типового проекта, но о воспроизвела, пусть и упрощенно, декоративные решения классицизма (фронтоны, строгая ритмичность неглубоких ниш на фасадах).

Не вполне решенной оставалась проблема производственных зон, часто в одном населенном пункте она оставалась раздробленной на несколько участков, сформированных в первые годы коллективизации и послевоенного восстановления. Новые производственные здания просто ставили в дополнение к уже существующим. В условиях, когда сельскохозяйственное производство продолжало концентрироваться, этот недостаток устраняли, используя развитие сетей транспортных коммуникаций, современные проекты производственных зданий. Своевременной работой, выполненной в 1959–1965 гг., были схемы районной планировки всех административных районов республики. Они определили где и что строить, куда имеет смысл вкладывать капитальные вложения и этим определили центры территориального развития с учетом демографических тенденций и перспектив формирования производственного комплекса республики.

Несмотря на то, что жителей мелких деревень переселяли в более крупные поселения, в БССР в начале 1960-х гг. оставалось около 200 тыс. хуторов. Поэтому схемами районной планировки было предложено жителей из населенных пунктов с количеством усадеб 10 и менее переселять в поселения, имеющие перспективы развития. Производственные мощности с малыми объемами производства стали ликвидировать по мере амортизации, а также не поддерживать ремонт объектов жилого фонда и общественные здания в поселениях, где эти мелкие производства имелись. Намечалось изменить характер сельскохозяйственного труда, сделать его максимально индустриальным.

Когда в 1965 г. руководство СССР предложило программу преобразования села, то в Беларуси уже был научно обоснован и экономически просчитан алгоритм действий в данном направлении по каждой области и по каждому району. Переустройство села не рассматривалось как обособленная проблема отдельного населенного пункта, а решалось комплексно, на уровне групп взаимосвязанных поселений. Жилищное строительство сосредоточивали в местах наибольшей концентрации трудовых ресурсов. Центрам местных систем расселения отводилась ведущая роль в формировании сети обслуживания населения. Направление работ установила в 1969 г. программа экспериментально-показательного строительства в колхозах и совхозах БССР. Для экспериментального строительства были определены колхозы «Прогресс» в Гродненском, им. Калинина в Несвижском, «Чырвоная змена» в Любанском, совхозы «Малеч» в Березовском, «Коммунист» в Ельском, «Ленино» в Горецком и «Селюты» в Витебском районах. По мере реализации программы ее положения использовали и при переустройстве других сельскохозяйственных предприятий, – колхозов «Оснежицкий» Пинского, «Рассвет» Кировского, «Советская Белоруссия» Каменецкого районов и др.

Генеральные планы застройки поселков предусматривали четкое функциональное зонирование для создания наилучших условий проживания. Были разработаны проекты различных типов жилых домов по количеству квартир, по этажности. Повысили внимание к общественным центрам, вплоть до нового их формирования у автомагистрали или главных улиц, по которым проходит транзитное движение, усиливалась архитектурно-художественная выразительность зданий, создавали вертикальные акценты, формировали панорамы застройки с автомагистралей. Здания культурно-бытового обслуживания размещали компактно, с площадью перед ними.

При разработке генеральных планов учитывалась и уже существующая инфраструктура: ранее построенные важные здания, – в колхозе «Прогресс» уже имелись две улицы, застроенные индивидуальными жилыми домами, школа и магазин, уже строился клуб с залом на 300 мест. Иные подобные обстоятельства влияли и на разработку проектов застройки перспективных поселков, усиливая и выявляя их индивидуальные особенности. Еще в большей мере такой фактор сказывался, если проектировщики проектировали фактически реконструкцию поселения, а не создание его новых планировочных частей на свободной территории: Снов Несвижского, Ленино Горецкого районов. Учитывалось наличие в поселках известных памятников истории и культуры, что требовало принятия индивидуальных решений, например формирование силуэта поселения, – задача, которая перед композицией сельского поселения обычно не ставилась. В Ленино появились 5-этажные жилые дома и общежитие, а

гостиница получила 6 этажей. Архитектурно-художественную завершенность композиции экспериментальных поселков обеспечили благоустройство и озеленение, что ранее почти забывалось в проектах сельских поселений.

Пройдя апробацию в экспериментальном проектировании и строительстве найденные архитектурные решения получили широкое применение в застройке сельских поселений не только Беларуси, но и в других республиках СССР. В Беларуси наибольший интерес у сельских жителей вызвали проекты 1- и 2-квартирных жилых домов в двух уровнях, позволявшие сочетать современный комфорт со спецификой сельского быта, и секционные 2-этажные 4- и 8-квартирные дома. Перспективными были признаны все варианты блокированных жилых домов, как более экономные и предоставлявшие возможность, по сравнению с индивидуальными домами, формировать более высокий уровень масштабности застройки.

Архитектура общественных зданий учитывала специфику сельской местности, но и ориентировала на повышение качества используемых композиционных решений, особенно в организации интерьеров. Получило развитие предложение формировать общественный центр из отдельных блоков, которые можно соединять в разных сочетаниях: культурно-просветительная группа, торговая, административная, почта и т. д. Помимо более широких возможностей для создания интересной композиции, получалось строить в несколько очередей, в зависимости от финансирования. В общественных зданиях, особенно культурно-просветительного назначения, старались использовать формы, обеспечивающие особую архитектурную выразительность, при этом предлагались посетителям варианты для получения знаний и самосовершенствования (актовый зал, спортзал, библиотека, музыкальная гостиная, музыкальная школа, помещения клубов «по интересам», музей, танцевальный зал, кружковые). Функциональные части объединялось обширным фойе перед актовым залом, порой с бассейном, фонтанами и зимним садом, с галереей по второму этажу: Дворец культуры на 800 мест в Мышковичах Кировского района.

Признанное успешным проведение обширного эксперимента позволило определить параметры перспективных поселков, градостроительные примеры функциональной и композиционной организации застройки. Эти поселки на длительное время стали примером реконструкции сельских поселений Беларуси. Принятое направление развития белорусскими специалистами сельской архитектуры было признано положительным. Работа по переустройству деревни Вертелишки колхоза «Прогресс» Гродненского района была отмечена присуждением архитекторам научно-исследовательского и проектного института «БелНИИгипросельстрой» В. Емельянову и Г. Заборскому

Государственной премии СССР 1971 г. за достижения в области архитектуры села.

Последующих два десятилетия в сельской архитектуре Беларуси реализовывали и развивали положения, отработанные в процессе экспериментального строительства. Происходил интенсивный переход от механизации отдельных процессов к комплексной механизации всего сельскохозяйственного производства. К середине 1980-х гг. в животноводстве республики имелось почти 150 крупных комплексов (птицефабрики, фабрики по откорму свиней и крупного рогатого скота и др.) с высоким уровнем механизации и автоматизации, на которых условия труда не отличались от труда на промышленных предприятиях.

Заметно возросли экономические возможности как сельхозпредприятий, так и жителей села. Ориентация на индустриализацию строительного процесса, а это невозможно без использования проекта, стала господствующей: железобетонные изделия, столярные изделия, инженерное оборудование и т. д. Были созданы заводы сельского крупнопанельного домостроения, продукция которых напоминала образы городской среды. Строительство из дерева также перешло на индустриальную основу, – сборные щитовые дома хорошо смотрелись по пропорциям объема и формам, однозначно были связаны с традициями местной архитектуры.

Вместе с тем, появившиеся плоские крыши, не вполне соответствовавшие психологическому восприятию их в сельской среде, стали вызывать нарекания в связи со сложностью их эксплуатации в условиях села. Ремонты были экономически намного более затратны, чем в городе. Поэтому активно начали реализовывать и предшествовавший опыт строительства в климатических условиях Беларуси. Даже удорожание строительства, – например скатная крыша с покрытием из черепицы, не останавливала заказчиков жилых домов: Чисть Молодечненского района. В сельской архитектуре стали распространяться жилые дома мансардного типа, что было присуще городской застройке: Бердовка Лидского района. Такие дома выгодно выделялись среди невысоких строений, уменьшали площадь застройки и экономили территорию приусадебных участков, площадь которых в этот период была значительно уменьшена. Небольшие участки позволяли сделать короче длину улиц и инженерных коммуникаций, но создавали излишнюю уплотненность застройки и уменьшали возможность использования его для сада и подсобного хозяйства, для отдыха.

В 1980-е гг. одноэтажный индивидуальный дом получил наибольшее распространение в застройке села. Появился на селе двухэтажный многоквартирный жилой дом, с термином – «коттеджного типа», так как его из-за развития по вертикали характеризовал иной масштабный строй и силуэтность в

связи со скатами кровли. Он имел больше комнат, балкон или лоджию, внутреннюю лестницу, мог иметь и второй свет в гостиной комнате. Эти решения ранее были неведомы в архитектуре сельского жилища. Как правило, все такие дома, несмотря на образы городской архитектуры, сохраняли и специфику сельского образа жизни. Всегда делался второй вход в дом, со стороны двора, имелось и специфическое, но необходимое в сельских условиях помещение, – котельная.

Инновационным направлением для села в конце 1980-х гг. стало монолитное строительство индивидуальных жилых домов. Его использование обещало экономический эффект за счет быстроты строительного процесса, не требовалось дорогой подъемной строительной техники. Сельхозпредприятие могло обойтись силами своих строителей. Областные проектные институты разработали проекты жилых домов с учетом строительной, климатической, этнической специфики своей области. Фактически получился эксперимент с поиском региональных архитектурных решений для современных условий: Парубки Мядельского, Новое Пашково Могилевского, Жемчужный Барановичского районов и др. Институт «БелНИИгипросельстрой» разработал и проект детского сада в монолитных конструкциях. Однако, желаемого экономического эффекта не получалось, так как опалубка не выдерживала многократного использования, а именно это идея монолитного строительства. А по теплотехническим характеристикам монолитный железобетон перестал соответствовать новым нормативам. Но обращение к проблеме региональной архитектуры было фактически первым в истории современного этапа белорусского зодчества.

Общественные здания, строились исключительно по типовым проектам. Запоминающийся индивидуальный художественный образ имели шанс получить общественные здания только в значимых населенных пунктах: административное здание в Рясне Каменецкого, общественно-торговый центр в Домжерицах Лепельского, школа в Слободе Смолевичского, детский сад и школа в Морочи Клецкого районов. Их архитектура воспринимается как новаторская, как реагирование средствами архитектуры на изменения в обществе.

Детский сад в Мышковичах Кировского района, в колхозе «Рассвет», стоит несколько особняком от общего процесса развития белорусской архитектуры. Ведущее архитектурное издание, – журнал «Архитектура СССР», дважды называл его событием в советской архитектуре. На Всесоюзном смотре лучших архитектурных произведений 1987 г. детский сад (эстонские специалисты: архитектор Т. Рейн, художники Х. Ганс, Л. Лапин, конструктор Р. Лумасте) отметили в числе лучших осуществленных работ за последовательную

реализацию художественного замысла, верность принципам современной архитектуры, за создание целостного микромира, за интерьеры и благоустройство.

Планировочная схема детского сада основана на формировании в центральной части здания протяженного двухъярусного пассажа, проходящего через все здание и перекрытого цилиндрическим сводом. Благодаря льющемуся сверху свету и обильному озеленению, наличию мостиков-переходов, это пространство позволяет, находясь внутри здания, увидеть небеса, почувствовать солнце. Ребенок, оказавшийся внутри здания, ощущает этот свет, может увидеть его в интерьере детского сада. И это становится сильнейшим средством в понимании того, что пространство, а возможно и весь мир, могут быть организованы и как-то по-иному, а не только с помощью привычных и уже понятных стен и перекрытий. В основе эстетики – повторяемость объемов, пространств, как отражение повторяемости процессов, происходящих в этих объемах и пространствах.

Важным достижением сельской архитектуры 1970–1980-х гг. было разнообразие объемно-пространственных композиций жилых домов, как многоквартирных, так и многоквартирных. При увеличении индустриализации строительства и применения изделий и деталей заводского изготовления, все больше проявлялся интерес к качеству архитектурного решения. Важными была уже не только стоимость строительства, но и комфорт проживания, и архитектурно-художественная выразительность своего дома.

ПОДРАЗДЕЛ IV. СОВРЕМЕННАЯ АРХИТЕКТУРА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Тема 4.1. Интеграционные процессы в архитектуре Беларуси конца 1990-х – начала 2000-х гг.

С начала 1990-х гг. проектные организации работают в новых экономических условиях. Вместо одного инвестора – государства, к требованиям и возможностям которого приспособиться, при всех сложностях получалось, то теперь заказчиков множество. У каждого из них свои, особенные требования. Эту реальность архитекторы продолжают осваивать, в том числе и в связи с появлением частных проектных организаций. Архитекторам приходится учитывать, что общество все более отказывается от традиционной организации технологических процессов. Постсоветское общество остро почувствовало, что

прогресс обеспечивается не количественными показателями, хотя они важны, а прорывными, инновационными решениями.

Поэтому стабильность нормативов и правил проектирования, неукоснительное соблюдение которых было главным для проектировщика, не могли обеспечить инновационные устремления. Ушли в прошлое нормативы, которые устанавливали размеры квартир и жилых помещений, появились неведомые ранее квартира-студия, арендное жилье, пентхаусы, танхаусы, дуплексы и т. д. Востребованными стали офисные здания с возможностью сдачи помещений мелким организациям в аренду. Увеличилось количество банковских зданий, – вариант офисного, но с индивидуальным, почти рекламным образом. Предприятия торговли расширились количественно и типологически, – супермаркеты, гипермаркеты, дискаунтеры, торгово-развлекательные центры и т.д. Появилась потребность в зданиях представительного уровня, повышающих имидж города: высококомфортное жилище, спортивные сооружения, залы собраний, гостиницы, рестораны и др.

Приспособление для этих целей существовавших зданий использовалось на начальном этапе перемен. Но количественный рост преобразований содействовал разработке качественно иных подходов к современной типологии архитектуры. Для офисного здания наиболее существенным стала его универсальность, сочетание статики индивидуальности образа и динамики трансформации планировки. Первым офисным зданием, специально спроектированным для реализации деловых отношений, стал Бизнес-центр «XXI век» в Минске (1998 г., А. Корбут и др.). Впоследствии планировочные решения офисных зданий на основе системы зальных помещений, стали сочетаться с реализацией и иных принципов: вертикальное или горизонтальное зонирование; коридорная или ячейковая, ячейково-зальная или анфиладно-кольцевая планировка и т. д. Офисные здания 2010-х гг. строительства (Минск, Брест, Витебск) стали учитывать эти обстоятельства.

Изменившаяся экономическая ситуация, появившаяся возможность населения принимать финансовое участие в строительстве собственного жилища вызвали развитие альтернативных архитектурно-конструктивно-технологических систем, отличающихся от традиционных снижением стоимости строительства, возможностью гибко влиять на образное решение и пластику фасадов, обеспечивать адресность планировки, улучшать эксплуатационные характеристики домов и, следовательно, повышать потребительские качества жилища.

Многоэтажные жилые дома приобретали индивидуальный дизайн фасада, широко используются эркеры, французские балконы, художественная отделка. Планировки квартир стали удобными и практичными, площади значительно

увеличились. Строить дома стали различных типов – многосекционные панельные дома с рядовыми секциями, панельно-блочные жилые дома-башни, малоэтажные и многоэтажные монолитные дома, панельные блок-дома. При этом сохранились и дома типовых серий, но с учетом современных требований к фасаду.

Наследие предшествующих периодов и новые возможности строительной индустрии потребовали переосмысления происходящего в направлении комплексного формирования жилой среды. Удорожание энергоресурсов, стремительные изменения экологического баланса больших городов, изменение ритма и образа жизни людей, сокращение бюджетного строительства жилья потребовали изменения подходов в проектной и строительной практике, расширения задач комплексного проектирования в формировании комфортной жилой среды. Как следствие в типологии жилых зданий было определено понятие многофункционального жилого комплекса, как объекта синтеза градостроительства и архитектуры жилых и общественных зданий. Многофункциональные жилые комплексы становятся универсальной формой для создания комфортной жилой среды.

Проектирование и строительство жилых зданий из сборного железобетона в Беларуси получили новый импульс развития и преобразили жилые кварталы массового строительства, отойдя от однообразных типовых многоэтажных жилых домов к качественной комфортной жилой застройке с индивидуальным образным решением, предоставляя потенциальным жильцам широкие возможности выбора. По сравнению со строительством из мелкоштучных элементов и монолитного железобетона современные подходы к строительству из сборного железобетона имеют существенные преимущества, основные из которых:

- монтаж конструкций из сборного железобетона значительно сокращает время строительства почти в 2 раза, что позволяет быстрее получать прибыль от инвестиций в строительство;

- высокое качество изготовления элементов сборного железобетона (однослойные и трехслойные стеновые панели различной конфигурации, перекрытия, колонны и ригели и др.) в точном соответствии с рабочими чертежами в производственных условиях на современном высокотехнологичном оборудовании (ОАО «МАПИД», ООО «Современные бетонные конструкции» и ряде других предприятий страны) в закрытых помещениях из высококачественного бетона;

- разнообразный спектр отделки для реализации архитектурных решений фасадов;

– возможность производства стеновых панелей длиной до 12 м, высотой до 3,8 м, а также многпустотных плит перекрытия, позволяющих перекрывать пролеты до 18 м предоставили возможности формировать планировочные решения квартир с учетом требований потребителей и дальнейшей перепланировки без значительных затрат.

Современные инновационные технологии отделки железобетонных наружных стеновых панелей предоставляют архитекторам возможность разнообразить образные решения как отдельных жилых домов (индивидуальных, блокированных, многоэтажных многоквартирных), так и жилых кварталов. Наружные стеновые панели в современном производстве изготавливаются трехслойные, двухслойные, однослойные.

Наружная поверхность трехслойных панелей может быть выполнена: в виде натурального бетона; окрашена в различные цвета; отделана клинкерной или керамической плиткой; применена смешанная отделка. В современной практике проектирования и строительства в этом направлении выделился жилой район «Новая Боровая» в Мирнском районе, который застроен в основном панельными жилыми домами с разнообразными приемами отделки фасадов, что придает каждому кварталу индивидуальный образ.

Кроме различных вариантов цветовых решений и отделочных материалов для достижения индивидуального облика жилых зданий из сборного железобетона на базе типовой серии М464-У1 применяются следующие основные приемы:

- переменная этажность (от 3 до 9 этажей);
- надстройка мансарды из кирпича с возможностью устройства двухуровневых квартир;
- пристройка террас на 1 этаже;
- устройство французских балконов и разнообразных вариантов остекления лоджий;
- производство стеновых панелей для верхних этажей треугольной и трапециевидной формы.

Разнообразие планировочных решений жилых зданий из сборного железобетона является сложной задачей решению которой уделяется повышенное внимание.

Активное развитие архитектуры спортивных сооружений началось со строительства крытых зданий для соревнований по зимним видам спорта – «Ледовых Дворцов», которые были открыты в начале 2000-х гг. во всех областных центрах, затем и в центрах некоторых районов (Береза, Горки, Барановичи, Молодечно, Жлобин, Пружаны, Кобрин, Орша, Лида и др.

Постоянно выполнялись работы по реконструкции крупных спортивных объектов: Республиканские центры олимпийской подготовки по водным видам спорта в Заславле (2011 г.), по теннису (2015 г.), Дворец спорта «Уручье» (2016 г.), Национального Олимпийского стадиона «Динамо» (2020 г.). Республиканский центр олимпийской подготовки по фристайлу (Центр «Фристайл») преобразован из существовавшего спортивно-оздоровительного комплекса. Все они стали соответствовать требованиям к проведению международных соревнований самого высокого уровня и стандартам современного уровня обслуживания зрителей.

Современные технологии технического обеспечения соревнований учитывались при разработке функционального зонирования и планировки, влияли на формообразование таких сооружений, превращая их в наиболее заметные объекты городской застройки, фактически в символы городов: Футбольный манеж и спортивно-оздоровительный центр в Минске (2004 г.), спортивный комплекс для игровых видов спорта имени «Виктория» в Бресте (2004 г.), спортивный комплекс «Олимпиец» в Могилеве (2005 г.), Универсальный спортивный комплекс «Волна» в Пинске (2007 г.), гребной канал (2007 г.) и Дворец водных видов спорта в Бресте (2010 г.), футбольный стадион «Борисов-Арена» в Борисове (2014 г.), Дворец художественной гимнастики в Минске (2018 г.) и др. Большие параметры зданий и огромные открытые пространства интерьеров требовали применения порой уникальных инженерных решений, – хоккейный стадион «Минск-Арена» (2009 г.) с велотреком.

Наметившаяся тенденция сближения творческих поисков белорусских архитекторов с направлениями общемирового архитектурного процесса оформилась к началу 2000-х гг. в преобладание стилевого направления, связанного с выявлением конструктивно-технических основ строительства. Ретроспективное направление, уступив активные позиции в формообразовании общественно значимых объектов, присутствует в архитектуре преимущественно утилитарного назначения, ориентированной на учет местных факторов, а также в особо эмоциональной среде – туристического или рекреационного содержания. Результатом более широкого доступа к информационным потокам стало проявление именно в архитектуре нового философского осмысления общественных процессов и реализованных идеологических, политических и социально-экономических перемен, – международный образовательный центр в Минске (конец 1990-х гг., О Воробьев, Р. Пиршке).

Распространение постмодернистских идей ориентировало архитекторов на поиск многообразия форм и решений и одновременно направляло творческий процесс на возмещение своеобразного долга перед зрителем, который накопился в связи с использованием десятилетиями упрощенных, порой доведенных до

примитива художественных образов. В связи с этим самым простым средством обеспечения разнообразия композиционных приемов стало обращение к арсеналу образов архитектуры прошедших времен, но заимствованных не буквально, а адаптированных к современным условиям, технологическим возможностям и материалам. Но в условиях появившихся рыночных отношений, когда и архитектура стала товаром, многое делалось поспешно (коттеджное строительство).

Проявление интереса к утерянным или забытым архитектурно-художественным образам, более внимательное отношение к историческому подтексту проявились в привлечении к формированию современных решений узнаваемых мотивов традиционной архитектуры. В большей мере это связано с объектами нового строительства в поселениях, имеющих известное историческое прошлое: филиал Бресткомбанка в Пинске (1996 г., А. Андреюк и др.); Белинвестбанк в Могилеве (1990-е гг., А. Волович); Белстройбанк в Мозыре (1990-е гг., И. Кравец); вокзал в Поречье Гродненского р-на (1990-е гг., Е. Басов и др.); торговый дом «Континенталь» в Бресте (1997 г., В. Кескевич и др.).

Если в зданиях общественного назначения, ориентированных на уникальность процессов (банки, вокзалы и т.д.), исторические реминисценции были средством выявления уникальности объекта, то в сооружениях с обычными повторяющимися процессами (учебные заведения) подобные решения, например использование скатных крыш, направлены на выявление их принадлежности к конкретной территории, к определенной историко-культурной среде: школа в Волковыске (1995 г., А. Быстров); школа в д. Городец Шкловского р-на (2001 г., А. Черный); институт правопедения в Могилеве (2000-е гг., А. Волович) и др.

С начала 1990-х гг. торговля, как ни одна другая отрасль экономики, изменялась быстро. Расширились возможности реализации личной инициативы, появилось право собственности на здания и помещения. В торговой деятельности многие процессы развивались вначале стихийно. Торговля реагировала на инновационные явления: повышение платежной способности населения и увеличение количества автомобилей (возможность за одно посещение купить больше товара), новшества промышленности (упаковочные полимерные материалы, электронные системы контроля за товарами и расчета с покупателями и др.), новые технологии торговли (размещение товаров в торговом зале с учетом целевого или импульсивного спроса покупателями) и пр. Как следствие, появились и новые, неизвестные в СССР типы торговых зданий.

Были сформулированы определения магазина, универсама, супермаркета, гипермаркета. Типология торговых центров, которая ранее определялась размерами обслуживаемой территории (местные центры – обслуживание

примерно 10 000 человек, районные центры – 40 000, главный (городской) – до 100 000), начала изменяться под воздействием новых принципов формирования торговых сетей. Более существенными становились такие факторы, как место размещения объекта торговли, учет контингента покупателей, транспортная доступность, ассортимент товаров, ценовая политика и др. В зависимости от этого, торговые центры, например, стали дополнительно разделяться на «внутригородские», «в деловой части города», «загородные», «на свободной площадке». Стали отличаться и по характеристиках архитектурно-планировочных решений: «пешеходный», «многоуровневый», «крытый».

Статистические данные показывают устойчивую тенденцию к росту с начала 1990-х гг. количества магазинов с 2005 по 2011 годы – на 42,4 %. Средняя площадь магазинов также возросла, с 92 м² в 2010 г. до 100 м² в 2016 г. (в 2015 г. была еще больше, – 106 м²). И это при том, что количество магазинов в сельских поселениях за эти годы уменьшилось на 5,6 %. Но и сельской местности характерен процесс укрупнения магазинов. Такие количественные колебания становились основой и качественных изменений в архитектуре торговых предприятий, в их внешнем облике. Магазины стали крупнее размерами, более значимыми и заметными элементами застройки. Увеличение количества именно торговых центров шло наиболее стремительно: с 2010 по 2016 гг. – более 40 %.

В отличие от 1960–80-х гг., когда магазину надо было как можно быстрее обслужить покупателя, сейчас наоборот, требовалось задержать его, чтобы он больше времени находился среди товаров, а потому и приобретал их больше, тем более, что поход в торговое заведение, часто всей семьей, все больше становился делом рекреационным, развлекательно-приятным в свободное время. Именно поэтому востребованными стали магазины со значительным по размерам торговым залом, который позволял создать общее пространство для размещения широкого ассортимента товаров и одновременного пребывания там большого числа покупателей. Построенные ранее универсамы и универмаги имели значительную размерами торговую площадь, но из-за конструктивных и планировочных особенностей здания не могли решить такой проблемы, хотя и продолжают после модернизации выполнять свои функции.

Площади первых гипермаркетов в Минске «Гиппо» и «BIGZZ» более 13 000 м². В них и в других гипермаркетах обязательно предусматривают пассаж, на который с одной стороны выходит расчетно-кассовый узел, а с другой – фирменные магазины. Но основным принципом архитектуры таких торговых зданий стало максимальное раскрытие их для внешнего осмотра (удобный подъезд от транспортной магистрали, свободное пространство вокруг здания, обширные автостоянки). Супермаркетам и гипермаркетам характерны компактность объема и простая форма плана, обеспечивающие максимальное

упрощение потоков (покупатели, товары и др.) и размещение их на одном уровне, что облегчало погрузочно-разгрузочные работы, уменьшало площадь складов, приближало товары к торговому залу. В гипермаркетах стали реализовывать и иные услуги: финансовые операции, парикмахерская, общественное питание и пр. В структуры крупных магазинов включают «малые магазины» экзотической специализации, например «Рыболовные принадлежности», что привлекает больше покупателей.

При проектировании исходным является размер объекта торговли и его профиль, фирменный стиль, месторасположение объекта в поселении, направления потоков людей и транспорта. Важным становится создание условий для визуального восприятия здания. Считается, что срок окупаемости строительства торгового предприятия должен уложиться в 5 лет. Поэтому все позиции, которые определяют суть задания на проектирование, исходят из этого. Закладываются такие принципы создания пространственной организации здания и его конструкций, чтобы строительство не стало дороже, а пятилетний срок был выдержан.

Супермаркет или гипермаркет, делают без подвала и с торговой площадью в один этаж, – не нужны лифты, грузовые подъемники, эскалаторы и всего необходимого для их обслуживания. Административные и вспомогательные помещения компактно группируют отдельно в пристроенном 2- или 3-этажном объеме. Конструктивная основа здания – сборный каркас, на который навешиваются легкие панели стен и опираются металлические фермы. Сетка колонн каркаса принимается от 12 x 16 м до 12 x 24 м. Высота здания получается в 8–10 м. Такие размеры содействуют созданию открытых внутренних пространств и облегчают покупателям ориентироваться на огромной площади, среди стендов и полок с множеством товаров.

Стены, в отличие от предшествовавших торговых предприятий, обычно, делаются глухими, без витрин и окон. Это упрощает проектирование и строительство, делает здание дешевле, уменьшает расходы на отопление. А глухие фасады, напоминая объемы большепролетных промышленных зданий, информируют о том, что здесь идет функциональный процесс, и этот процесс достаточно специфический. Художественный образ формируется размещением значительного общественного здания с привязкой к улицам и дорогам, наличием рядом пространств автостоянок, узнаваемым покупателями фирменного стиля торговой сети, рекламой и пр.

Современные торговые центры стали многофункциональными, что позволило им работать более эффективно, так как дополнительные услуги привлекали посетителей, задерживали их на больший срок и способствовали превращению в покупателей. Многие центры стали не просто «торговыми», а

«торгово-развлекательными». Разнообразие функций требовало все же стандартно-типовых решений, чтобы арендаторам не приходилось каждый раз перестраивать помещения из-за специфики товаров.

Торгово-развлекательный центр «Арена Сити (Arena City)» в Минске общей площадью 86 000 м² построен на не вполне удобном участке, – протяженная узкая полоса вдоль проспекта. Планировка здания тоже не без проблем, так как включает не только пассаж вдоль фасада, но и второй, параллельный пассаж, скрытый от посетителей магазинами первой линии. Хотя общее решение, – размещение здания протяженным фасадом вдоль магистрали, считается правильным маркетинговым ходом, такое торговое здание получает преимущество по сравнению с объектом торговли, поставленным торцом к улице. Протяженность здания потребовала использования пластичных, как бы футуристических форм с использованием разных отделочных материалов и активной колористики.

Торговые центры, которым нашлось место в центре города, ограничены в возможностях, им не зоват территории. Поэтому они обычно становятся многоэтажными. Центр с офисами «Марко-Сити» в Витебске получил редко используемую форму в виде пирамиды, которая стала достопримечательностью города. Центр «Galleria Minsk» в Минске (площадь 54 500 м²) разместился на 6 этажах с атриумом высотой 28 м, который сразу же предоставляет посетителю полную информацию о сложности структуры, о возможных направлениях перемещения по зданию.

Поиск резервов привел к иному приспособлению для торговли подземного пространства города. Если ранее это были небольшие магазинчики по сторонам переходов под магистралями, то теперь создаются значительные по площади и денежным оборотам магазины. Торговый центр «Столица» (75 000 м²) в Минске разместил на своих трех уровнях кроме магазинов массу дополнительных функций – паркинг, ресторан, кафе и др. Атриумное пространство, которое завершается остекленным куполом, выявляет центр композиции, и вместе с куполами, освещающими пассаж, активно участвует в оформлении главной площади города.

Как правило, продолжают оставаться торговыми ранее построенные здания. Могла измениться специализация, но повсеместно стремятся сохранить привычное покупателям место. Чем больше город или поселок, тем более разнообразными по размерам и архитектурно-художественным качествам являются торговые объекты. Их модернизируют, чтобы соответствовать новым технологиям торговли и обеспечить реализацию ассортимента товаров, неизвестного в 1970–80-х гг., когда эти здания начинали работать. Обычно модернизация касается инженерного обеспечения, расширяется торговая

площадь, существенно меняются интерьеры. Внешний облик получает элементы современного дизайна, броское название магазина, рекламу. Показательно, что в магазинах, которые строили в 1950-е гг., стремятся, вплоть до проведения реставрационных работ, сохранить элементы отделки интерьера и внешнего облика тех времен (капители, пилястры, карнизы и пр.), понимая, что это отличительная особенность, выделяющая их среди новых торговых зданий, – «Лакомка» в Минске.

В конце XX – начале XXI вв. в архитектуре стилевые направления, – постмодернизм, деконструктивизм, хай-тек, органическая архитектура, зеленая архитектура и др., сменяли друг друга достаточно быстро или сосуществовали, отвечая на активность общественных процессов. А в Беларуси творческая сторона архитектурного процесса, определявшая разработку функциональности решений, опиралась на существовавшие нормативы, а поиск стилевых решений с начала 1990-х гг. осуществлялся параллельно с активным подключением общества к информационным потокам.

Тема 4.2. Традиции и инновации в архитектуре Беларуси конца 1990-х – начала 2000-х гг.

Поиск стилевых решений в белорусской архитектуре с начала 1990-х гг. осуществлялся параллельно с процессами активного подключения общества к новейшим информационным потокам и поддерживался разнообразием инвестиционных вложений. Одновременно важное стилеобразующее направление формировалось и на основе обращений к образам исторической белорусской архитектуры. Наметившаяся в 1990-е гг. тенденция сближения творческих поисков белорусских архитекторов с направлениями общемирового архитектурного процесса оформилась к началу 2000-х гг. в преобладание стилевого направления, связанного с выявлением конструктивно-технических основ строительства, чему содействовали стабилизация общественно-политических и социально-экономических процессов, а также стремление обеспечить инновационную деятельность в строительной индустрии. Ретроспективное направление, уступив активные позиции в формообразовании общественно значимых объектов, по-прежнему оставалось востребованным в архитектуре, но преимущественно утилитарного назначения, ориентированной на использование предшествовавшего опыта, учете местных факторов, а также в особо эмоциональной среде – туристического или рекреационного содержания.

В архитектуре Беларуси конца 1990-х – начала 2000-х гг. прослеживаются различные стилевые проявления, которые содействуют ее развитию параллельно с мировым архитектурным процессом. Но, в отличие от него, стилевое

многообразии реализуется не путем смены одного направления другим, а в сложных взаимоотношениях, комплексных сочетаниях и дополнениях. Лишь в последние годы намечается преобладание приемов, характерных одному направлению, ориентированному на выявление технических и технологических возможностей индустриального общества.

Смена стилевых направлений в Беларуси, как и в целом на постсоветском пространстве, получила, в отличие от мирового архитектурного процесса, конкретные временные границы, которые, однако, определялись не только возникновением новых художественных идей или прорывами в сфере научно-технического прогресса. На постсоветском пространстве в большей мере в архитектуре нашло проявление нового философского осмысления общественных процессов и реализованных идеологических, политических и социально-экономических перемен.

Стремительное распространение постмодернистских идей ориентировало образную сторону архитектуры на поиск многообразия форм и решений и одновременно неизбежно направляло творческий процесс на возмещение своеобразного долга перед зрителем, который накопился в связи с использованием десятилетиями упрощенных, порой доведенных до примитива художественных образов. Причем, эта простота базировалась не столько на стремлении к выявлению эстетики лаконичности, что было характерно для авангардной архитектуры 1920 – начала 1930-х гг., сколько на неизбежности экономить капитальные вложения в условиях монополии государственного инвестирования. В связи с этим самым простым средством обеспечения разнообразия композиционных приемов стало обращение к арсеналу образов архитектуры прошедших времен, но заимствованных не буквально, а адаптированных к современным условиям, технологическим возможностям и материалам. Причем, в условиях внезапно активизировавшихся рыночных отношений, когда и архитектура стала своеобразным товаром, эта адаптация имела характер поспешности, что проявилось сразу, и уж тем более стало заметно по истечении некоторого времени.

Проявление интереса к утерянным или забытым архитектурно-художественным образам и представлениям, более внимательное отношение к историческому подтексту, в том числе и к ландшафтно-градостроительным особенностям конкретного места проектирования, проявились в привлечении к формированию современных решений узнаваемых мотивов традиционной архитектуры. В большей мере это связано в объектами нового строительства общественных зданий в поселениях, имеющих известное историческое прошлое: филиал Бресткомбанка в Пинске (А. Андреюк, В. Шелест, М. Давыдовский, 1996 г.); Белинвестбанк в Могилеве (А. Волович, 1990-е гг.); Белстройбанк в Мозыре

(И. Кравец, 1990-е гг.); вокзал в Поречье Гродненского р-на (Е. Басов, А. Жабрун, 1990-е гг.); торговый дом «Континенталь» в Бресте (В. Кескевич, Ю. Пруделюк, 1995–97 гг.); спортивный комплекс в д. Александрия Шкловского р-на (В. Архангельский, 2000 г.).

При этом, обращению к историческим прообразам содействовала и определенная «легковесность» форм предлагаемых в новом строительстве, которые противоречили традициям местного формообразования. Если в зданиях общественного назначения, относящихся к типологическим группам, ориентированным на уникальность процессов и образов (банки, вокзалы и т.д.), исторические реминисценции были средством выявления уникальности объекта, то в сооружениях с типичными и повторяющимися процессами (учебные заведения и др.) подобные решения, например использование скатных крыш, было направлено на выявление их принадлежности к конкретной территории и к определенной историко-культурной среде: школа в Волковыске (А. Быстров, 1995 г.); школа в д. Городец Шкловского р-на (А. Черный, 2001 г.); институт правоведения в Могилеве (А. Волович, 2000-е гг.) и др.

В архитектуре второй половины 1980–начала 1990-х гг. стали появляться работы своего рода протестных направлений, которые характер развития белорусской архитектуры все более и более делали как бы параллельным общемировому процессу развития зодчества. И хотя резких проявлений архитектурных течений современности, допустим постмодернизма, хай-тека, структурализма, деконструктивизма, в то время в архитектуре Беларуси еще не было, но готовность архитектурного сообщества воспринять и поддержать их ощущалась.

К таким направлениям может быть отнесена архитектура сооружений, внешний вид которых содержит деструктивные мотивы и фрагменты – административное здание по ул. Раковской в Минске (О. Трусков, 1990-е гг.). Но заметно, что подобная деструктивность была самоцелью и не обоснована логикой развития внутренних пространств или контекстом среды, что существенно снижало перспективы долговременного признания правомочности подобных художественных решений. Не случайно, все, что связано с деконструктивизмом в современной архитектуре Беларуси, носит фрагментарный характер, направленный на придание архитектуре лишь некоей рекламной функции – пристройка к зданию Лингвистического университета в Минске (О. Сергеев, 2000-е гг.).

Постепенно значение исторических метафор начинает ослабевать в процессах формирования архитектурно-художественных образов новых общественных зданий. Становится заметным стремление к выявлению эстетики архитектурных форм, причем это происходит на основе выработки ведущими

архитекторами своего индивидуального видения процессов формообразования. Постмодернистские тенденции продолжают находить разнообразную трактовку, но стилеобразующие поиски все более смещаются на позиции неомодернизма, для которого характерно формирование усложненных структур, наполненных динамизмом и конструктивно-технической выразительностью.

Явственно данное направление проявилось в архитектуре офисных и банковских зданий: административное здание «XXI век» в Минске (А. Корбут, В. Никитин, Д. Бран, З. Нотес, 1999 г.); административное здание «Лукойл» в Минске (Б. Школьников, Е. Бородавко, Е. Урбан, 2000 г.); бизнес-центр по ул. Гикало в Минске (О. Воробьев, 2003 г.); Торговый центр «Декорум» в Минске (В. Ключкович, Р. Киселев, Т. Кузьмина, при участии С. Лукьянова, А. Стож, 2003 г.); Ледовый дворец в Бресте (И. Бовт, В. Шевченко, при участии Л. Сухова, С. Стрельцова, 2000 г.); Национальная библиотека Беларуси в Минске (В. Кармаренко, М. Виноградов, 2005 г.); Гребной канал в Бресте (В. Кескевич, 2007 г.). В основе архитектуры такого стилистического направления стремление к формированию выразительных объемно-пространственных структур.

При создании архитектурно-художественного образа общественных зданий, функциональные процессы в которых предполагают наличие крупных пространств и залов, предоставляется больше возможностей использовать выразительность конструктивно-технических решений, строительных материалов и, соответственно, органично использовать эстетику хай-тека. Подобный подход в творческом процессе, как правило, применяется комплексно, но с превалированием какого-то одного из направлений. Например, основой художественного образа могли становиться возможности формообразования, заложенные в большепролетных конструкциях: ледовая площадка Дворца спорта в Минске (И. Бовт, А. Шафранович, 1999 г.); крытый футбольный манеж в Минске (М. Гаухфельд, В. Руцкий, В. Архангельский, 2002–03 гг.); многофункциональный комплекс центра спорта и отдыха в Могилеве (И. Воронец, С. Воронец, О. Дольникова, О. Подашевко, Л. Савинская, А. Садкова, 2007 г.) и др. Это относится и ко многим иным спортивным сооружениям: комплекс «Минск-Арена», теннисные корты, хоккейные арены, дворец фристайла в Минске, гребной канал и дворец спорта «Виктория» в Бресте и др.

В ряде случаев основной композиционный эффект достигался также выявлением формообразующих возможностей конструктивно-технических решений, но при организации интерьеров: кафе в парке имени М. Горького в Минске (О. Воробьев, 2000 г.); крытый рынок «Западный» в Минске (А. Корбут, Ю. Самойлин, А. Соколов, О. Тельцова, 2002 г.); легкоатлетический манеж в Могилеве (Л. Балашенко, С. Воронец, Е. Винников, И. Воронец, О. Дольникова, О. Подашевко, А. Порецкий, А. Садкова, 2005 г.) и др.

Как вариант творческих поисков можно рассматривать обеспечение активного доминирования архитектурной детали, решенной с предельной функциональной предопределенностью, одновременно технологично и укрупненно по своей масштабности: Ледовый дворец в Гродно (В. Евдокимов, Н. Жучко, А. Пархута, А. Тараненко, 1999 г.); гипермаркет «Гиппо» (В. Белянкин, 2005 г.); реконструкция универсама «Рига» в Минске (В. Хромов, 2006 г.); торговый центр «Магнит» в Могилеве (Ю. Хулялев, 2006 г.) и др. Но все же чаще в единое целое сливаются множественность подходов, что содействует более целостным архитектурно-художественным решениям: универсальный спортивный комплекс в Бресте (В. Кескевич, Г. Кескевич, Т. Мороз, 2004 г.); физкультурно-оздоровительный комплекс в Жлобине (В. Беспалов, Н. Карманова, Л. Кравчя, И. Мирошниченко, В. Толочко, Е. Толочко, В. Яворская, 2006 г.) и др.

При наблюдающейся тенденции преобладания в настоящее время хай-текских мотивов можно все-таки выделить поиски, направленные на формирование приемов органичной архитектуры, своеобразно заставляющей зрителя вспомнить гуманистические идеалы и экологические основы человеческого бытия: детский оздоровительный лагерь-профилакторий «Загорье» в Минском районе (В. Бобрик, Т. Ключок, Я. Кончиц, И. Пименов, 2004 г.); детский оздоровительный комплекс «Ракета» около поселка Ждановичи Минского района (В. Рондель, Л. Баглей, С. Василенко, Ю. Комиссаров, Ю. Мамлин, В. Петров, О. Ходасевич, Н. Швецова, 2005–06 гг.). Этому же содействует и использование активных колористических решений – Международный образовательный центр в Минске (О. Воробьев, Р. Пиршке, 1990-е гг.), Институт современных знаний в Минске (К. Керутис, 2000 г.), инфекционная больница в Гомеле (В. Сухоцкая, 2000 г.), направленных на усиление эмоциональных впечатлений у зрителя, а также использование в объектах с преобладанием прагматических функций традиционных форм и образов (скатные крыши, наклонные плоскости, компактность плана и т.д.).

были характерные стилистические поиски с использованием постмодернистских идей, которые основывались на демократизации общественных процессов и осмыслении исторического пути, пройденного обществом, остались в белорусской архитектуре в 1980–1990-х гг. Все более существенным фактором в развитии стилевых идей, формообразующих концепций, типологических особенностей стало появление в сфере строительного комплекса новых форм инвестирования, кроме государственных. Определенное влияние на активизацию стилевых поисков оказало повышение идеологической роли архитектуры в процессах становления белорусской государственности.

С начала 2000-х годов диапазон стилевых решений суживается, отдавая предпочтение неомодернистским тенденциям с преобладанием хай-тека, что предопределялось стабильностью общественных процессов и освоением строительным комплексом определенного набора новых технологий. Одновременно использование исторических прообразов трансформировалось в формирование основ прагматичной архитектуры, ориентированной на учет традиционных форм и приемов (скатные крыши, компактные теплоэнергетические объемы и т.д.).

Общественно-социальный, экономический и культурный контекст в современной Беларуси определяет символическую наполненность архитектурных образов, в которых отражаются разные стороны общественной жизни. Вновь возводимые в городах объекты становятся символами новой эпохи, знаковыми объектами, демонстрирующими смысловую наполненность общественно-политического и социокультурного контекста, формирующими новую идентичность городов. В то же время многие объекты нарушают их образную и символическую цельность. Например, здания, возведённые в парке Горького (С. Чобан, С. Кузнецов, начало строительства – 2010 г.), на Октябрьской площади (Dana Group, 2019 г.), разрушили целостность и художественную значимость архитектурно-градостроительного ансамбля центра Минска и стали символами варварского отношения к истории и архитектурному наследию.

В крупнейших постройках Минска проявляется повышенная масштабность и монументальность сооружений, демонстрация репрезентативности (Дворец Республики, Дворец Независимости, здания Верховного суда, Национальной библиотеки). Традиционным приёмом для воплощения этой идеи является применение классики или её современных модификаций, что можно наблюдать в названных объектах. Масштабность, центричность и репрезентативность здания библиотеки вносят дополнительные коннотации в трактовку его символики – метафора брутального объёма «бриллианта» не столько ассоциируется с просвещением, сколько воспринимается символом государственности (В. Крамаренко, М. Виноградов, 2005 г.). Более откровенная апелляция к ордерной классике в других сооружениях демонстрирует ещё большую прямолинейность смысловых меседжей.

Разнохарактерное символическое поле современных белорусских построек формируют природно-ландшафтные и техногенные метафоры, символы бизнеса, массовой культуры, спорта и другие. Распространённые в деконструктивизме кристаллические формы, имитирующие геологические породы, разломы, моменты столкновений и разрушений, нашли в белорусских

постройках отражение в виде отдельных фрагментов: наклонные пилоны входной зоны Национальной библиотеки, кристаллический объём штаб-квартиры Белорусской калийной компании (А. Воробьев, О. Паршина, О. Воробьев, 2013 г.), пилоны-лучи музея истории Великой Отечественной войны (В. Крамаренко, В. Никитин, А. Гришан, 2013 г.). Редкие случаи применения природных, бионических метафор можно объяснить в первую очередь дорогостоящими технологиями проектирования и строительства, необходимыми для их реализации.

Практически единственный в белорусской практике пример биоморфной метафоры, реализованной параметрическими приёмами формообразования, – здание стадиона БАТЭ в Борисове (Ofis arhitekti, 2013 г.). Криволинейная пластичная оболочка, на поверхности которой произвольно разбросаны каплевидные проёмы индивидуальных очертаний, ассоциируется одновременно с природными и футуристическими техногенными формами. Ряд объектов в Беларуси, апеллирующих к природным метафорам, осуществлён традиционными конструктивными и формообразующими приёмами. Один из самых ярких примеров – летняя эстрада в Молодечно, динамичные пластичные формы которой вызывают ассоциации с крыльями (В. Ционская, 130 2011 г.). Эффект волнообразного движения, одного из самых распространённых в современной архитектуре, генерирован в остеклённых поверхностях фасадов офиса «Сильвер тауэр» в Минске (О. Архангельская, И. Коротенко, О. Лошакевич, Л. Сазонова, 2011 г.).

Элемент игры присутствует в архитектурных метафорах Б. Школьников. Интрига плывущих по воде корабликов, как рефлексия из детства, создана с помощью динамично раскрывающейся в пространстве композиции корпусов комплекса по проспекту Победителей в городе Минске (Б. Школьников, С. Францкевич, Т. Казусенок, 2016 г.).

Использование метафор в формообразовании спортивных сооружений Беларуси позволило создать целую серию уникальных объектов. Выразительным формообразующим элементом спортивного комплекса в Пинске являются криволинейные формы крыш, ассоциирующиеся с волнами, – решение подсказано близостью к реке (Л. Жук, 2007 г.). В образе здания Республиканского центра олимпийской подготовки по художественной гимнастике в Минске обыгрывается мотив струящейся гимнастической ленты, создающей динамичный рисунок фасадов (И. Скоробогатая, Д. Бычков, 2018 г.).

Социокультурный контекст эпохи накладывает отпечаток на формирование знаковых смыслов современных городов, что читается и в жилой застройке, в которой присутствуют индексы социального расслоения общества. Это характерно и для белорусских городов, где наблюдается

противопоставление массового типового жилья и закрытых от внешней среды элитных районов. Стирание визуальной границы между социальными группами, популярное в современной архитектурной практике, характеризует социально-политические процессы в обществе, ориентированном на демократические принципы. В стратегиях развития отечественных городов, новой типологии сооружений, художественно-образных характеристиках архитектуры проявляются общие для мирового сообщества интеграционные процессы информационной эпохи. Активизировавшиеся в последние десятилетия, они вносят свои ноты в общее символическое поле городских образов. Значения, связанные с культурно-историческим наследием Беларуси и урбанистической историей городов, пополняются универсальными символами, общими для разных культурных ареалов, символами других культур, отвечая общим для мировых процессов тенденциям формирования поликультурного и поликонфессионального общества. Ряд современных объектов Минска свидетельствует о начале таких процессов и в белорусских городах. Метафора решённого в форме птицы с раскрытыми крыльями здания гостиницы «Мариотт» с культурно-оздоровительным комплексом связана с национальной символикой Катара и является данью инвесторам (А. Воробьёв, О. Паршина и др., 2016 г.).

Символическое значение исторических центров в структуре городов продолжает осознаваться как источник их культурной значимости и уникальности, что подтверждается привлечением внимания к реконструкции и реставрации, наполнению современными функциями и культурными смыслами. В случае существенных искажений характера среды, масштабных связей, исчезновения следов истории, символическая роль исторических кодов уступает место современным – коммерческим, развлекательным, связанным с изменением социального состава живущих людей и другим. Подобную трансформацию можно наблюдать в Верхнем городе в Минске, в котором коммерческие символы подчинили себе аутентичность истории.

Негативная ситуация в сельском хозяйстве (экономический спад, проблемы ценообразования, сокращение парка сельскохозяйственных машин, изношенность техники, снижение в 2,5 раза объема сельскохозяйственной продукции и др.) и, как следствие, в сельской архитектуре начала исправляться реализацией принятой в 1994 г. Национальной жилищной программой. Оценка потенциала сельского хозяйства показала, что нужны перемены, которые должны обеспечивать престиж сельской местности, закрепление там квалифицированных кадров, формирование достойной среды для проживания, труда и отдыха. Поэтому ставилась задача не просто увеличить строительство жилья на селе и этим существенно повысить качество жилого фонда в сельской

местности. Изменения должны были осуществляться на устремлении к качественным переменам, к использованию новейших технологий, к разумному использованию ресурсов природы и общества и к созданию новых ценностей, – духовных и материальных.

В начале реализации программы жилищного строительства для повышения эффективности капитальных вложений определялись подлежащие развитию производственно-хозяйственные комплексы и населенные пункты, где целесообразно было сосредоточить все виды производственного и гражданского строительства. Определили, что наиболее вероятными для такого строительства станут поселки с 2–3 тыс. жителей. Преобладающие получили блокированные и секционные жилые дома, как наиболее экономичные, а одноквартирные дома усадебного типа использовались реже. Новые жилые дома размещали таким образом, чтобы они просматривались с подъезда к поселку или с магистралей, ярко свидетельствуя об обновлении. Секционная и блокированная застройка существенно изменяла внешний облик поселения, облик домов ориентировался на образцы городской архитектуры: балконы и лоджии, много остекления, плоские крыши. Значительно повысилась комфортность домов, они получали современное инженерное оборудование. Улучшилось благоустройство территории – тротуары, асфальтовое покрытие.

Со временем стали ясны возможности строительной базы республики и производства строительных материалов и конструкций для современного усадебного дома. Определились и направления снижения их стоимости строительства при обеспечении эксплуатационных и конструктивно-строительных качеств. С 1997 г. опыт усадебного строительства стал распространяться на все регионы республики.

Комплексы в 5–10 жилых домов стали примерами такой застройки (Вязынь Вилейского, Мазолово Мстиславского, Войская Каменецкого, Браково Могилевского, Будагово Смолевичского районов и др.). О разнообразии поисков может свидетельствовать эксперимент, – два жилых дома со стенами из прессованной соломы в Михедовичах Петриковского района. Основным оставалось формирование показательных обзорных панорам новой жилой застройки с магистралей и подъездов к поселкам (Ордаши и Раковцы Сморгонского, Гончары Ивьевского, Долгиново Вилейского, Турец Червенского районов и др.). Наибольшее распространение получили 3-комнатные усадебные жилые дома, меньше 4- и 5-комнатные. Опыт строительства ориентировал на использование традиционных, психологически привычных архитектурных решений – скатных крыш, буферных пространств у входа (аналогия с сенями в традиционной хате), теплоэнергетически эффективных объемов.

Поиски альтернативных источников энергии, изменение технологий сельскохозяйственного производства меняли условия труда, быта сельских жителей, сказывались на появлении новых форм в панорамах сельских ландшафтов. Занарочь Мядельского района получила известность энергоэффективными и экологически безопасными домами: деревянный каркас с заполнением утрамбованным глиняно-щепковым составом и утеплением плитами из тростника. С начала 2000-х гг. в Занарочи используют ветровую энергию для животноводческих ферм и жилых домов.

Дальнейшие работы по обеспечению устойчивого развития сельских территорий, мотивации проживания в сельской местности и эффективного использования государственных средств для обустройства села осуществлялись в соответствии с Государственной программой возрождения и развития села на 2005–2010 годы. В соответствии с программой создавались агрогородки – благоустроенные, преимущественно сельского типа населенные пункты, в которых сформированы производственная и социальная инфраструктуры для обеспечения социальных стандартов проживающему в нем населению и жителям прилегающих территорий. Агрогородки создавались на основе исторически устоявшихся административно-территориальных единиц базового уровня, (центры сельсоветов) и центральных усадеб сельскохозяйственных организаций. Многие агрогородки созданы на основе поселений, где формирование полноценной архитектурной среды началось еще в БССР по программе экспериментально-показательного строительства (1969–76 гг.) и при создании крупных производственных комплексов: «Беловежский» Каменецкого, «Жемчужный» Барановичского районов. Был создан 1481 агрогородок: в Брестской области – 221, Витебской – 256, Гомельской – 238, Гродненской – 239, Минской – 325, Могилевской области – 202.

Активное использование приемов, характерных для города, например повышенный уровень благоустройства, не было ориентировано на уничтожение самого важного – образа сельской среды, в которой прожили местные жители большую часть своей жизни. Повышение архитектурной выразительности застройки достигалось широким выбором проектов жилых зданий. В качестве типовых было разработано 66 проектов усадебных жилых домов с улучшенными архитектурно-планировочными решениями и потребительскими качествами, в том числе 41 жилой дом со стенами из газосиликатных и керамзитобетонных блоков, 17 – со стенами из дерева, 8 – со стенами из сборных железобетонных панелей. Наибольшее применение получили проекты 3-комнатных и 4-комнатных усадебных жилых домов.

Центры агрогородков формировались с традиционным выявлением объектов, важных в общественном отношении и сохранявших свое

композиционное значение. Наиболее распространена была практика реконструкции или капитального ремонта имеющегося фонда общественных зданий, что позволяло сохранять планировочную структуру населенного пункта – будущего агрогородка. Основными зданиями в центрах поселений оставались школа, учреждения администрации и обслуживания (аг. Гервяты Островецкого, Морочь Копыльского, Гольшаны Ошмянского, Кобыловка Пружанского районов и др.). Реконструкция могла полностью изменить функциональное назначение зданий. В аг. Трилесино Дрибинского района ставшее не востребовавшимся здание банно-прачечного комбината перестроили в клуб. Реконструкция школы в аг. Кобыловке Пружанского района улучшила условия для учебного процесса, увеличила вместимость здания и содействовала созданию особой, праздничной обстановки в центре агрогородка. В новом строительстве учреждения кооперировали, получая экономию средств и более выразительные в архитектурном отношении здания (аг. Александрия Шкловского, Тетерин Крупского районов и др. Объекты новой типологии получали повышенное градостроительное значение, подтверждая инновационность перемен (теннисный корт в аг. Рудня Мозырского, центр фольклора и народного творчества в аг. Горы Горецкого районов).

Важнейшей задачей стала реорганизация производственных зон агрогородков. Кроме ориентации на новые технологии, использовали кооперацию предприятий и объектов (ранее кооперировались только очистные и водозаборные сооружения, котельные), группировку одинаковых или родственных предприятий. В состав производственных комплексов стали вводить и перерабатывающие цеха.

«Республиканская программа развития молочной отрасли Беларуси на 2010–2015 гг.» предусматривала строительство 875 и реконструкцию 1358 молочно-товарных ферм, строительство, реконструкцию и модернизацию 2846 помещений для содержания молодняка крупного рогатого скота. Для необходимых в сооружениях больших пролетов использовали каркас из железобетонных полурам, колонн и треугольных ферм (в коровниках пролет – 33 м) или только полурам (телятники – 21 м) при протяженности зданий в 78 м. Такие размеры зданий, при их соединении в комплекс, формируют крупные архитектурно-строительные объемы, которые просматриваются со значительных расстояний и становятся заметными объектами среды. При размещении на местности эти протяженные здания ориентируют так, чтобы обеспечить наилучшее освещение солнцем помещений для животных: освещение внутренних пространств через протяженное ленточное остекление по стенам и светоаэрационные фонари по коньку двускатной крыши.

В Могилевской области при реализации программы развития молочной отрасли в целях экономии строительные работы вели с использованием древесины, что уменьшало стоимость объектов. Учитывалось, что срок службы древесины обозримо ограничен, а технологии, даже самые инновационные, со временем устаревают. Но не исключалось и применение в таких же производственных строениях и железобетонных конструкций.

В районах с животноводческой специализацией продолжается развитие производственной инфраструктуры. Расширяется вариантность состава сооружений, формирующих комплекс в зависимости от местных особенностей, от наличия зданий предшествовавшей инфраструктуры и их мощностей. Внимательное отношение к конкретной ситуации снижает стандартность, позволяя архитектурно-художественным решениям не повторяться, вносит разнообразие в сельскую застройку, так как большого набора средств выявления индивидуальности у таких сооружений нет.

Укрупнение производственных комплексов увеличивает их значимость в структуре расселения за счет увеличения территорий, занимаемых их зданиями и сооружениями. Возрастает их социальный статус, как мест труда все большего числа квалифицированных работников, а также их композиционный приоритет в связи с появлением в сельских ландшафтах и в застройке поселений крупномасштабных объемов большепролетных зданий. Работников таких предприятий интересует близость проживания к местам работы, благоустройство мест проживания. Меньше интересуют размеры самого приусадебного участка и подсобных строений на нем. Секционное жилище чаще становится обычным спутником крупных сельскохозяйственных производственных комплексов (аг. Василишки Лидского, Снов Несвижского районов).

Важным фактором общественного центра агрогородка стали культовые сооружения, им возвращена значимость важных композиционных элементов. Это относится как к ранее существовавшим храмам, которые были органично включены в композицию поселения, например Михайловская церковь аг. Лясковичи Петриковского района, которая замыкает перспективу улицы с новой застройкой и имеет визуальное «раскрытие» на центральную часть агрогородка, так и для вновь возводимых объектов. Например, Николаевский храм аг. Лучники Слуцкого района, размещён на угловом участке центральной улицы агрогородка, недалеко от общественного центра.

Последние годы отмечены в сельской местности масштабными работами по реставрации объектов наследия: дворцы в Красном Береге Жлобинского и Жиличах Кричевского районов и др. Воссозданы «Усадьба-мемориал Адама Мицкевича» в Заосье Барановичского района и «Музей-усадьба Тадэуша

Костюшко» в урочище Меречевщина в Косово Ивацевичского района. В отличие от предшествовавших этапов реставрационных работ, активно применяются инновационные технологии в сочетании с местными архитектурно-художественными и строительными приемами: соломенное покрытие, особенности сруба, элементы зданий – заполнение оконных и дверных проемов, устройство оград и т. д.

Поиск альтернативных источников энергии, – не просто желание вести хозяйство рачительно. С начала 2000-х гг. ветроэнергетические установки появились в Новогрудском, Могилевском, Лиозненском, Дзержинском и других районах, развивая традиции использования энергии природы с помощью ветряных мельниц и формируя системы высотных ориентиров, важных композиционных акцентов сельских просторов. Ветроэнергетическая установка возле Копачей в Мстиславском районе самая высокая – 142 м, а с учетом лопастей – 211 м, и самая мощная – 3,4 МВт в час. В д. Соболи Брагинского района запущена самая большая в Беларуси солнечная электростанция из 84 164 солнечных панелей. В 2017 г. вступила в строй солнечная электростанция в аг. Илья Вилейского района. Восстановлены ГЭС 1950-х гг. (Тетерин Круглянского, Гезгалы Дятловского, Рачуны Сморгонского, Клястицы Россонского районов и др.) с сохранением стилистических особенностей архитектуры того времени. Построены новые малые гидроэлектростанции (Солигорский, Смолевичский, Пружанский и другие районы). В 2006 г. реконструирован гидроузел в Дубоях Ивановского района, на месте старого шлюза размещена микроГЭС. Высокий уровень архитектурно-художественных решений, превратил гидроузел в привлекательный элемент сельского ландшафта.

Используются ресурсы сельскохозяйственного производства: самая мощная в Беларуси и вторая по мощности в Европе биогазовая установка построена в 2012 г. в СПК «Рассвет» Кировского района рядом с тепличным комбинатом, получая от теплиц сырье и обратно отдавая необходимое им тепло. Она стала звеном системы, обеспечивающей экологические принципы формирования современной среды. Мощные сферические купола биогазовых комплексов стали акцентами не только производственных зон, но и в целом панорам сельских поселений (СПК «Агрокомбинат Снов» Несвижского, КСУП «СГЦ «Западный» Брестского районов и др.).

Фермерские хозяйства также добавили разнообразия, занимаясь работой, не представляющей интереса крупным сельхозпроизводителям: «Кветкі Палесся» (Пинский район) – производство рассады, цветов для озеленения, декоративного посадочного материала; «Ягодка» (Смолевичский район) – разведение саженцев голубики, клюквы, жимолости, брусники, ежевики; «ДАК» (Дзержинский район) – козоводство. А это своя специфика территории, совсем

иные сооружения. Около Козище Кобринского района одна из самых крупных в Европе страусиных ферм: круглые в плане корпуса инкубаторов со световыми фонарями, «страусятник» для молодняка протяженностью более 400 м. Прибыльными стали туристические услуги (до 15 экскурсионных автобусов в день).

Сельские поселения – потенциал для туризма. В Беларуси к 2020 г. зарегистрировано более 3000 агроэкоусадоб, ежегодно ими пользуются сотни тысяч туристов, что обеспечило республике два года подряд победу в номинации «Агротуризм» рейтинга авторитетного журнала «National Geographic Traveler Awards». Распространенный вариант агроэкоусадьбы – обычная усадьба в структуре деревни, носитель традиционных приемов организации среды, бытового уклада, семейных отношений. Обычные дома, с сохраненной аутентичностью, связью с природой и местной культурой, стали основой многих агроэкоусадоб: «Докудово» и «Семь лип» Лидского, «Гречихи» Брестского, «На Заречной улице» Кобринского, «Хорень» Россонского, «Вясёлая хата» в Копыльского районов и др.

Реализация идеи агроэкотуризма, утверждая одно из названий современного туризма – «фабрика впечатлений», началась с Музейного комплекса старинных народных ремесел и технологий «Дудutki» в Пуховичском районе, который создавался в окрестностях д. Дудичи (в XVIII–XIX вв. – местечко) с учетом традиций усадебных комплексов прошлого и требований к современной музейно-рекреационной среде. Возведены корпус с экспозиционными, выставочными и концертными залами, кузница, жилые дома, производственные здания. Варьировались формы народной архитектуры и сооружений в усадьбах помещиков. Из Кормянского района перевезена ветряная мельница начала XX в.

Д. Тиневичи Кореличского района стала туристическим комплексом «Белые луга». На прежних местах сохранено более десятка пустовавших домов и хозяйственных построек, воссоздавая образ белорусской деревни 1940–50-х гг. На места утраченных зданий перевезли дома из окрестных деревень. Основа «Парка-музея интерактивной истории Сула» Столбцовского района остатки старинного усадебно-паркового комплекса.

Все это содействует тому, что в современной сельской архитектуре Беларуси прослеживаются различные стилевые проявления, которые содействуют ее развитию параллельно с мировым архитектурным процессом. Стилиевое многообразие реализуется не путем смены одного направления другим, а в сложных взаимоотношениях, комплексных сочетаниях и дополнениях, ориентируясь на выявление технических и технологических возможностей индустриального общества.

Начало нового века обозначилось ростом строительной индустрии. Стабилизация экономики, освоение новых строительных технологий, использование качественных отделочных материалов способствовали созданию зданий и ансамблей нового архитектурного уровня. Некоторые из них становятся национальными брендами. Строительство здания железнодорожного вокзала, Национальной библиотеки, футбольного манежа, крытых теннисных кортов в Минске не только украсило столицу Беларуси уникальными сооружениями, но и способствовало освоению новых строительных технологий и архитектурно-дизайнерских решений.

Краткие биографические справки о советских архитекторах и архитекторах Республики Беларусь

Буров Андрей Константинович (1900–1957) – автор рабочих клубов в Минске, Киеве, Твери, жилых домов и школ в Москве. Здание клуба пиццевиков в Минске (1929), пострадавшее во время войны, использовано (стены, фундамент, зрительный зал) для кинотеатра «Победа» (1950). Разработал направление крупноблочного строительства жилых зданий. Изобрел новый стекловолокнистый строительный материал.

Веснин Александр Александрович (1883-1959) – основатель советского конструктивизма. Автор многих конкурсных проектов и проектов, реализованных в строительстве: Дворца труда, московского отделения газеты «Ленинградская правда», акционерного общества «Аркос», универмага на Красной Пресне, телеграфа, Дворец культуры им. Лихачева в Москве и также многих зданий в других городах. Все работы выполнены в творческом содружестве (в «команде») с братьями – Виктором Александровичем (1882-1950) и Леонидом Александровичем (1880-1933). Основатель ОСА, совместно с М. Гинзбургом главный редактор журнала «Современная архитектура».

Виноградов Михаил Клементьевич (1944–2021) – автор крупных общественных зданий, отличающихся уникальными архитектурными решениями: археологический музей «Берестье» в Бресте, кинотеатр «Москва», комплекс Академгородка по ул. Жодинской, комплекс железнодорожного вокзала с подземным уровнем с благоустройством привокзальной площади, Национальная библиотека в Минске (в соавт.) и др. Лауреат Государственных премий Беларуси (2005, 2009), Заслуженный архитектор Беларуси (2019).

Гельфрейх Владимир Георгиевич (1885–1967) – активный участник реконструкции Москвы, бессменный соавтор архитектора В. А. Щуко: Пропилеи в Смольном в Петрограде, павильоны Иностранного отдела Всероссийской

сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки, Дворец Советов, библиотека им. Ленина, главный павильон Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, административное здание на Смоленской площади в Москве, театр в Ростове-на-Дону и др. Герой Социалистического Труда (1965).

Гинзбург Моисей Яковлевич (1892–1946) родился в Минске. Окончил Рижский политехнический институт. В 1924 г. опубликовал книгу «Стиль и эпоха», в которой дал свое видение будущего развития архитектуры на основе социальных перемен и технического прогресса. Был одним из организаторов и лидеров Объединения современных архитекторов (ОСА), в которое вошли ведущие конструктивисты. Под руководством М. Гинзбурга и А. Веснина в 1926–1930 гг. издавался журнал «Современная архитектура». Разрабатывал архитектуру жилища с обобществлённым коммунально-бытовым обслуживанием, построил дом переходного типа к дому-коммуне (для Наркомфина РСФСР в Москве), санаторий в Кисловодске и др.

Голосов Илья Александрович (1883–1945) – создал своеобразную теорию архитектурных форм, работал в направлениях символизма, романтизированного конструктивизма, гипертрофированного монументализма. Автор проекта Дворца труда, здание клуба им. Зуева в Москве, жилых домов в Горьком и др.

Градов Юрий Михайлович (род. в 1934) – автор разноплановых объектов архитектуры, произведений мемориальной архитектуры: мемориал «За нашу Советскую Родину» («Катюша») в Орше, мемориальный комплекс «Хатынь» в Логойском районе, «Катюша», ансамбль «Звездочёт» на площади Звезд в историческом центре Могилева и др. Лауреат Ленинской премии (1970). Заслуженный архитектор БССР (1979).

Жолтовский Иван Владиславович (1867–1959) – один из старейшин советской архитектурной школы. Родился в Плотнице Пинского уезда Минской губернии, начал творческую карьеру в период позднего историзма в 1890-х г., застал начало эпохи типового крупнопанельного домостроения 1950-х. В конце 1930-х – начале 1950-х гг. фактически был художественным руководителем архитектурного процесса в СССР. Автор многих жилых и общественных зданий: проект «Новая Москва», павильон сельскохозяйственного машиностроения «Шестигранник» Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки (в соавт.) и генеральный план выставки, реконструкция здания Госбанка, жилые дома на ул. Моховой и на ул. Калужской, на пл. Смоленской в Москве, Дом правительства в Махачкале и др.

Заборский Георгий Владимирович (1909–1999) – один из лидеров белорусской архитектуры 1950-х гг. Автор многих архитектурных ансамблей и значимых общественных зданий в разных городах и сельских поселениях Беларуси: пл. Победы с Монументом Победы, Суворовское училище, жилые

дома по ул. Ленина, кинотеатр «Пионер» в Минске, гостиница и облисполком в Полоцке, общественные центры Мышкович Кировского района, Вертелишек Гродненского района, Сорочи Любанского района и др. Лауреат Государственной премии СССР (1971), Народный архитектор СССР (1981).

Занкович Валентин Павлович (род. в 1937) – автор известных произведений мемориальной архитектуры: мемориал «За нашу Советскую Родину» («Катюша») в Орше, мемориальные комплексы «Хатынь» в Логойском районе, «Брестская крепость-герой», памятники «Минск – город-герой» (в соавт.), «Беларусь партизанская» и др. Лауреат Ленинской премии (1970).

Иофан Борис Михайлович (1891–1976) – автор многих крупных проектов, среди которых жилой комплекс на ул. Серафимовича в Москве, павильон СССР на Международной выставке 1937 г. в Париже, павильон СССР на Международной выставке 1939 г. в Нью-Йорке (с К. Алабяном). Участвовал в разработке генерального плана Москвы 1935 г. Для творчества характерно стремление к монументальным образам, основанным на творческой интерпретации архитектурных форм.

Король Владимир Адамович (1912–1980) – организатор и руководитель архитектурного процесса в Беларуси. Начальник Главного управления по делам архитектуры при Совете Министров Белорусской ССР (1955–1957), председатель Комитета по делам строительства и архитектуры Белорусской ССР (1957–1978), председатель Госстроя Белорусской ССР (1978–1979). Автор многих проектов застройки городов Беларуси, общественных и жилых зданий: застройка Центрального района, пр. Независимости, Центральной пл., пл. Победы с Монументом Победы, Главпочтамт в Минске, мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» (в соавт.) и др. Лауреат Государственной премии БССР (1968), Народный архитектор СССР (1970), действительный член Академии художеств СССР (1979).

Крамаренко Виктор Владимирович (род. в 1945) – автор крупных общественных зданий, отличающихся уникальными архитектурными решениями: археологический музей «Берестье» в Бресте, кинотеатр «Москва», архитектурно-скульптурный комплекс «Минск – город-герой», комплекс железнодорожного вокзала с подземным уровнем с благоустройством привокзальной площади, Национальная библиотека и памятник Ф. Скорине перед ней в Минске (в соавт.) и др. Лауреат Государственных премий Беларуси (2005, 2009), Заслуженный архитектор Беларуси (2018).

Лавров Георгий Лаврентьевич (1896–1967) – лидер архитектуры конструктивизма в Беларуси. Автор многих комплексов и зданий общественного назначения: Государственная библиотека им. Ленина (в соавт.), университетский городок, клинический городок, корпуса Белорусского политехнического

института, лабораторный корпус и типография Академии наук в Минске, кинотеатр в Орше, учебный корпус, общежитие и библиотека Белорусской сельскохозяйственной академии в Горках Могилевской области и др.

Ладовский Николай Александрович (1881–1941) – теоретик и лидер советского рационализма, организатор ассоциации АСНОВА. Осуществил реорганизацию архитектурного образования во ВХУТЕМАСе. Автор ряда построек, в том числе наземного павильона станции метро «Красные ворота (сейчас «Лермонтовская»), перронного зала станции «Дзержинская» в Москве и др.

Лангбард Иосиф Григорьевич (1882-1851) – автор многих зданий, для архитектуры которых характерны романтизированные монументальные формы, симметричные классические композиции: Дом правительства с памятником В. И. Ленину, Театр оперы и балета, главный корпус Академии Наук, Дом Красной Армии в Минске, Дом Советов в Могилеве, здание Киевского городского комитета Компартии УССР (ныне Министерство иностранных дел Украины) и др. Заслуженный деятель искусств БССР (1934).

Левин Леонид Менделевич (1936–2014) – автор разноплановых объектов архитектуры, известных произведений мемориальной архитектуры: мемориал «За нашу Советскую Родину» («Катюша») в Орше, мемориальный комплекс «Хатынь» в Логойском районе (1968), станции метро «Площадь Ленина» и «Немига», реконструкция и благоустройство Троицкого предместья в Минске, памятники Я. Коласу, Я. Купале в Минске, детям, погибшим в Великой Отечественной войне и от Чернобыльской катастрофы в д. Красный Берег Жлобинского района (в соавт.) и др. Лауреат Ленинской премии (1970), Лауреат Государственных премий Беларуси (2003, 2011), Заслуженный архитектор БССР (1988).

Леонидов Иван Ильич (1902–1959) – представитель архитектуры конструктивизма. Автор многих проектов, получивших всемирную известность, – Института библиотковедения им. Ленина, Дома промышленности, здания Наркомтяжпрома и др. и единственного осуществленного сооружения, – лестницы в санатории в Кисловодске.

Мельников Константин Степанович (1890–1974) – новатор архитектурной формы и смелой динамики архитектурных композиций. Автор многих осуществленных проектов: павильон «Махорка» на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, советский павильон на международной выставке декоративных искусств в Париже, гаражи и клубы, собственный дом в Москве.

Мусинский Сергей Степанович (1920–2008) – один из лидеров архитектурного процесса 1960-х гг. Автор многих архитектурных ансамблей и

значимых общественных и жилых зданий: застройка пл. Калинина, 2-й очереди пр. Независимости, Дворец культуры текстильщиков, здания Горисполкома, Дворец искусств, комплекс жилых домов по ул. Немига в Минске (в соавт.), облисполком в Гомеле, Дом советов в Щучине и др. Лауреат Государственной премии БССР (1968), Заслуженный архитектор БССР (1973).

Парусников Михаил Павлович (1893–1968) – руководитель работ по восстановлению Минска в конце 1940 – начале 1950-х гг. Автор проектов застройки 1-й очереди пр. Независимости, Центрального района и Центральной площади, административных и жилых зданий на пр. Независимости, Государственного банка, моста через р. Свислочь и др. Академик АН БССР (1950), Лауреат Государственной премии БССР (1968).

Руднев Лев Владимирович (1885–1956) – для творчества характерен монументализм, выразительная целостность объемной формы: памятник борцам революции на Марсовом поле в Петрограде, здание Академии им. Фрунзе, Московский государственный университет в Москве, Дом правительства в Баку.

Сысоев Георгий Васильевич (1919–2010) – один из лидеров архитектурного процесса 1960-х гг. Автор многих архитектурных ансамблей и значимых общественных и жилых зданий: застройка 2-й очереди пр. Независимости, микрорайона Восток – 1, здание Горисполкома, реконструкция интерьеров Дома правительства БССР в Минске (в соавт.), мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», серии крупнопанельных жилых домов и др. Лауреат Государственной премии БССР (1968), Заслуженный архитектор БССР (1973).

Фомин Иван Александрович (1872–1936) автор направлений «красной дорики» и «пролетарской классики» в архитектуре 1920–30-х гг. на основе упрощения традиционных форм классической архитектуры. Автор дома «Динамо» в Москве, Дома правительства УССР в Киеве.

Щуко Владимир Алексеевич (1878–1939) – в послереволюционных работах придерживался направления «облагороженного» конструктивизма, а в последующем к активному обращению к архитектурному наследию. Среди важнейших работ: пропилеи Смольного, памятники Ленину перед смольным и перед Финляндским вокзалом в Санкт-Петербурге, библиотека им. Ленина в Москве, драматический театр в Ростове-на-Дону. Принимал участие в работе над Дворцом Советов в Москве.

Щусев Алексей Викторович (1873–1949) – архитектурные решения всегда вызывали интерес, им характерна художественная изысканность. Важнейшие работы послереволюционного периода: мавзолей Ленина, станция метро «Комсомольская», гостиница «Москва» в Москве, санаторий в Мацесте и др.

Список основных объектов по курсу истории советской архитектуры

Республики Советского Союза

- Проект «Новая Москва», 1918–24 гг. И. Жолтовский, А. и др.
- Проект памятника III Интернационалу. 1919 г. В. Татлин
- Памятник Жертвам Революции на Марсовом поле в Петрограде. 1917–19 гг. Л. Руднев
- Проект трибуны. 1920 г. Л. Лисицкий
- Радиомачта на Шаболовке в Москве. 1922 г. В. Шухов
- Павильон «Махорка» на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в Москве. 1923 г. К. Мельников
- Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка в Москве. Генплан, павильоны, арка. 1923 г. И. Жолтовский, А. Щусев, Н. Колли, скульптор С. Коненков
- Поселок «Сокол» в Москве. 1923–30 гг. М. Морковников и др.
- Конкурсный проект Дворца труда в Москве. 1923 г. И. Голосов
- Проект здания московского отделения газеты Ленинградская правда. 1924 г. братья Веснины
- Здание акционерного общества «Аркас» в Москве. 1924 г. братья Веснины
- Планетарий в Москве. 1927–29 гг. М. Барщ, М. Синявский
- Здание Центросоюза в Москве. 1929–33 гг. Ле Корбюзье, Н. Колли
- Дом государственной промышленности в Харькове. 1925–27 гг. С. Серафимов, М. Фельгер, С. Кравец
- Жилой комплекс на Берсеневской набережной («Дом на набережной») в Москве. 1928–30 гг. Б. Иофан и др.
- Дворец культуры Пролетарского района в Москве. 1930 г. братья Веснины;
- Здание газеты «Известия» в Москве. 1925–27 гг. Г. Бархин, М. Бархин
- Здание «Динамо» в Москве. 1928–29 гг. И. Фомин
- Клуб имени Русакова в Москве. 1927–28 гг. К. Мельников
- Клуб имени Зуева в Москве. 1927–28 гг. И. Голосов
- Днепропетровская ГЭС имени В. И. Ленина в Запорожье. 1927–29 гг. братья Веснины, Н. Колли, Г. Орлов, С. Андреевский
- Театр в Ростове-на-Дону. 1930–35 гг. В. Щуко, В. Гельфрейх
- Проект Института библиотековедения им. В. И. Ленина в Москве. 1927 г. И. Леонидов
- Собственный жилой дом в Москве. 1929 г. К. Мельников
- Конкурсный проект Дворца труда в Москве. 1922–23 гг. братья Веснины

Советский павильон на Международной выставке в Париже. 1925 г. К. Мельников

Студенческий дом-коммуна на Донской улице в Москве. 1929–30 гг. И. Николаев

Жилой дом на Новинском бульваре в Москве. 1928–29 гг. М. Гинзбург, И. Милинис

Мавзолей В. И. Ленина в Москве. 1924–30 гг. А. Щусев

Универмаг на Красной Пресне в Москве. 1927–28 гг. братья Веснины

Здание Совета Труда и Оборона в Москве. 1932–36 гг. А. Лангман

Проект здания Наркомтажпрома в Москве. 1934 г. И. Леонидов

Канал Москва-Волга. 1932–37 гг. А. Рухлядев, В. Кринский, В. Мовчан и др.

Станция метро московского метрополитена «Красные ворота». 1935 г. И. Фомин, Н. Андриканис, Н. Ладовский

Станция метро московского метрополитена «Маяковская». 1935 г. А. Душкин

Станция метро московского метрополитена «Кропоткинская». 1935 г. А. Душкин

Академия имени М. В. Фрунзе в Москве. 1937 г. Л. Руднев, В. Мунц

Театр Советской Армии в Москве. 1934–40 гг. К. Алабян, В. Симбирцев

Жилой дом на Карповке в Ленинграде. 1931–34 гг. Е. Левинсон, И. Фомин

Крупноблочный жилой дом на Ленинградском проспекте в Москве. 1940 г. А. Буров

Государственная библиотека имени В. И. Ленина в Москве. 1928–39 гг. В. Щуко, В. Гельфрейх;

Конкурс на проект Дворца Советов в Москве. 1931–32 гг.

Проект Дворца Советов в Москве. 1934 г. В. Гельфрейх, Б. Иофан, В. Щуко

Жилой дом на Моховой улице в Москве. 1934 г. И. Жолтовский

Дом Совета Министров УССР в Киеве. 1934–38 гг. И. Фомин, П. Абросимов

Советский павильон на Международной выставке в Париже. 1937 г. Б. Иофан, скульптор В. Мухина

Жилой дом на Смоленской площади в Москве. 1952 г. И. Жолтовский

Жилой дом на Котельнической набережной в Москве. 1948–52 г. Д. Чечулин, А. Ростовский;

Комплекс Волго-Донского канала. 1952 г. Л. Поляков и др.

Жилая застройка Юго-Западных районов Москвы. 1956 г. А. Власов, Б. Мезенцев и др.

Университет на Ленинских горах в Москве. 1949–55 г. Л. Руднев, С. Чернышев, П. Абросимов, А. Хряков

Гостиница «Украина» в Москве. 1950–57 гг. В. Олтаржевский

Комплекс ВДНХ в Москве (вторая очередь). 1954–58 гг. А. Жуков

Здание МИД на Смоленской площади в Москве. 1952 г. В. Гельфрейх, М. Минкус

Комплекс в Лужниках в Москве. 1956 г. А. Власов, И. Рожин, А. Хряков, Н. Уллас
Кремлевский дворец съездов в Москве. 1959–61 гг. М. Посохин, А. Мндоянц, Е. Стамо и др.
Международный пионерский лагерь «Артек» в Крыму. 1960–63 гг. А. Полянский, В. Белов, Д. Витухин, Н. Гиговская
Дворец пионеров и школьников в Москве. 1962 г. В. Егерев, В. Кубасов, Ф. Новиков, Б. Палуй, И. Покровский, М. Хажакян
Проспект Калинина в Москве. 1962–68 гг. М. Посохин, А. Мндоянц, Г. Макаревич, Б. Тхор и др.
Государственный музей истории космонавтики им. К.Э.Циолковского в Калуге. 1967 г. Б. Бархин, Е. Киреев, Н. Орлова и др.
Меморальный комплекс в Саласпилсе. 1967 г. Г. Асарис, О. Закаменный, Л. Буковский и др.;
Останкинская телебашня в Москве. 1967 г. Д. Бурдин, Л. Баталов
Жилой район Лаздинай в Вильнюсе. 1970 г. В. Чеканаускас, В. Бредикис, В. Бальчунас, Г. Валушкис
Ленинский мемориальный центр в Ульяновске. 1970 г. Б. Мезенцев, М. Константинов, Г. Исакович
Музей Ленина в Ташкенте. 1970 г. Е. Розанов, В. Шестопалов
Дворец имени В. И. Ленина в Алма-Ате. 1970 г. А. Ахмедов, Ю. Ратушный, В. Ким, В. Алле

Белорусская ССР и Республика Беларусь

Дом правительства в Минске. 1929–34 гг. И. Лангбард
Дом Красной Армии. 1934–39 гг. И. Лангбард
Государственная библиотека им. В. И. Ленина в Минске. 1934 г. Г. Лавров, Г. Жолткевич
Государственный театр оперы и балета в Минске. 1934–38 гг. И. Лангбард
Дом-коммуна в Гомеле. 1928–32 гг. С. Шабуневский
Дом-коммуна в Витебске. 1927–30 гг. А. Вышелесский
Жилой дом специалистов в Минске. 1932–34 гг. Н. Маклецова
Главный корпус Белорусского политехнического института в Минске. 1933, Г. Лавров; 1936, Н. Маклецова
Гостиница «Беларусь» в Минске. 1934–38 гг. А. Воинов
Главный корпус Академии Наук в Минске. 1934 г., Г. Лавров; 1939 г., И. Лангбард
Здание ЦК КПБ в Минске. 1939–47 гг. А. Воинов, В. Вараксин

Комплекс жилых домов с учреждениями обслуживания на бульваре Толбухина в Минске. 1962–66 гг. Ю. Шпит, Е. Саманчук

Мемориал «Хатынь». 1967 г. Ю. Градов, В. Занкович, Л. Левин, С. Селиханов;

Мемориальный ансамбль «Брестская крепость-герой». 1971 г. В. Король, В. Кибальников;

Крытый рынок «Комаровский» в Минске. 1982 г. В. Аладов, А. Желдаков, М. Ткачук, У. Кривошеев.

Детский сад в д. Мышковичи Кировского района, 1987 г. Т. Рейн, художники Х. Ганс, Л. Лапин

Новый железнодорожный вокзал в Минске. 2003 г. В. Крамаренко, И. Виноградов, М. Виноградов.

Национальная библиотека Беларуси в Минске. 2006 г. В. Крамаренко, М. Виноградов

Международный образовательный центр в Минске. 1990-е гг. О. Воробьев, Р. Пиршке

Штаб-квартира Белорусской калийной компании. 2013 г. А. Воробьев, О. Паршина, О. Воробьев

Музей истории Великой Отечественной войны. 2014 г. В. Крамаренко, В. Никитин, А. Гришан

ЧАСТЬ II. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ
Учебная программа по дисциплине «История архитектуры и градостроительства. Раздел 4. История современной архитектуры»
Белорусский национальный технический университет

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по учебной работе
Белорусского национального
технического университета

_____ А.П. Куракова

_____ /уч.
Регистрационный № УД- АФ59д-1

**ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ И
ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА. РАЗДЕЛ 4. ИСТОРИЯ
СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ**

**Учебная программа учреждения высшего образования
по учебной дисциплине для специальностей
1-69 01 01 Архитектура**

Минск 2021 г.

Учебная программа составлена на основе образовательного стандарта ОСВО 1-69 01 01-2018, ОСВО 1-69 01 02-2018

СОСТАВИТЕЛИ:

С. А. Сергачев, профессор кафедры «Архитектура жилых и общественных зданий» Белорусского национального технического университета, доктор архитектуры, профессор.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Г.А. Потаев, профессор кафедры «Градостроительство» Белорусского национального технического университета, доктор архитектуры, профессор;

Т. Г. Горанская, директор филиала «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени К. Крапивы» Национальной академии наук Беларуси, кандидат искусствоведения, доцент.

РЕКОМЕНДОВАНА К УТВЕРЖДЕНИЮ:

Кафедрой «Архитектура жилых и общественных зданий» Белорусского национального технического университета
(протокол № 4 от 18 декабря 2020 г.)

Заведующий кафедрой _____ Н.А. Лазовская

Методической комиссией архитектурного факультета Белорусского национального технического университета (протокол № 05 от 09.01.2012 г.)

Председатель методической _____ А.В. Мазаник
комиссии

Научно-методическим советом Белорусского национального технического университета (протокол № _____ секции №1 от _____ 202__ г.)

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Учебная программа по учебной дисциплине «История архитектуры и градостроительства» разработана для специальности 1–69 01 01 «Архитектура».

Целью изучения учебной дисциплины «История архитектуры и градостроительства. Раздел 4. История современной архитектуры» является изучение истории архитектуры и градостроительства СССР и Беларуси советского периода и современного периода Республики Беларусь. Рассматриваются принципы формирования новых типов жилых и общественных зданий, закономерностей их пространственной организации и архитектурно-стилистического развития. Дисциплина формирует знания истории архитектуры, что содействует объединению в стройную систему ранее полученных знаний об историческом процессе развития мировой архитектуры и усвоению теоретических основ архитектурного творчества.

Учебная дисциплина позволяет расширить понимание теоретических и эстетических концепций развития архитектурного процесса. Анализ наиболее значимых произведений современных градостроительства и архитектуры и ознакомление с творческими портретами известных зодчих позволяют синтезировать ранее полученные знания и содействуют выработке авторских концепций в предстоящем творческом процессе.

Основными задачами учебной дисциплины являются: ознакомление с историческим процессом развития архитектуры СССР и БССР; освоение основ развития типологии, формообразования, художественных образов архитектуры в конкретных природно-климатических, исторических и социально-экономических условиях современной Беларуси; изучение особенностей сформировавшейся архитектурной среды, в которую будущему архитектору предстоит прийти со своими идеями.

Учебная дисциплина базируется на знаниях, полученных студентами при изучении основных дисциплин при подготовке архитекторов, таких как «История архитектуры», «Архитектурное проектирование». Учебная дисциплина содействует развитию общетеоретической подготовки будущего архитектора к самостоятельной профессиональной деятельности и пониманию студентами теоретических и эстетических концепций развития архитектурного процесса с учетом конкретных природно-климатических, исторических и социально-экономических условий Беларуси.

В результате изучения учебной дисциплины «История архитектуры и градостроительства. Раздел 4. История современной архитектуры». студент должен:

знать:

– основные периоды исторического развития советской архитектуры и архитектуры Беларуси;

- особенности развития современной отечественной архитектуры и градостроительства;
- функциональные и климатические факторы архитектурного формообразования, наиболее характерные архитектурному процессу Беларуси XX – начала XIX вв.;
- достижения архитектуры и градостроительства Беларуси XX – начала XIX вв. и их значение для современного архитектурного процесса в Республике Беларусь;
- творческие методы известных белоусских архитекторов;

уметь:

- согласовывать исторические сведения и теоретические положения с практическими методами проектирования конкретных объектов архитектуры;
- анализировать особенности развития типологии, формообразования, художественных образов архитектуры в конкретных природно-климатических, исторических и социально-экономических условиях современной Беларуси для содействия выработки авторских концепций в творческом процессе;
- обосновывать выбор приоритетных направлений при разработке своих композиционных решений с учетом архитектурных традиций Беларуси;

владеть:

- основами композиционного и функционального анализа объектов архитектуры;
- основами критического анализа произведений архитектуры и творческих методов крупнейших мастеров зодчества;
- методами обоснования и принятия полноценных композиционно-функциональных и художественных решений в практической деятельности.

Освоение данной учебной дисциплины обеспечивает формирование следующей компетенции:

- СК-15. Знать закономерности исторического развития зодчества в различные эпохи у разных народов, уметь внедрять достижения и поддерживать традиции мировой архитектурной культуры в современной практике архитектурного проектирования.

Согласно учебному плану для очной формы получения высшего образования по специальности 1-69 01 01 «Архитектура» на учебную дисциплину отведено всего 388 часов, из них аудиторных – 210 часов, в том числе на раздел 4 всего 64 часа, из них аудиторных – 30 часов.

Распределение аудиторных часов по курсам, семестрам и видам занятий приведено в таблице 1.

Таблица 1.

Очная форма получения высшего образования. Раздел 4 «Современная архитектура»					
Курс	Семестр	Лекции, ч.	Лаборатор- ные занятия, ч.	Практичес- кие занятия, ч.	Форма текущей аттестации
4	8	30	—	—	экзамен

СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА

ПОДРАЗДЕЛ I. СОВЕТСКАЯ АРХИТЕКТУРА С 1918 ДО НАЧАЛА 1940-Х ГГ.

Тема 1.1. Архитектура авангарда 1920-х гг.

Введение. Понятие беспредметного искусства. Исторический обзор развития архитектуры первых десятилетий XX в. Романтический символизм. ВХУТЕМАС. Реформа художественной и архитектурной школы. Мастера авангарда и первые архитектурные группировки (АСНОВА, ОСА и др.).

Тема 1.2. Лучшие произведения советской архитектуры второй половины 1920-х гг.

Лидирующая роль советского архитектурного авангарда. Конкурсные проекты. Выход советской архитектуры на международную арену – павильон СССР в Париже. Гаражи и клубы К. Мельникова. Клуб И. Голосова, планетарий М. Барща и М. Синявского, мавзолей А. Щусева.

Тема 1.3. Архитектура рубежа 1920–1930-х гг.

Идея «дома-коммуны» и жилища будущего в проектах Н. Ладовского, К. Мельникова, И. Леонидова, братьев Весниных, И. Голосова и др. Городские общественные центры и ансамбли (Харьков, Москва, Ленинград). Создание в 1932 г. и деятельность Союза архитекторов СССР. Создание новых промышленных городов (Запорожье, Магнитогорск, Зеленый город около Москвы, Сталинград). Деятельность зодчих и традиционализм. Проект института библиотековедения им. Ленина И. Леонидова.

Тема 1.4. Активизация освоения классического и национального наследия

Днепрогэс. Объединение ВОПРА. Проектирование Дворца Советов в Москве. Рассмотрение конкурсных проектов Дворца Советов в Москве и их роль в формировании новых художественно-стилистических проявлений. Московский метрополитен. Творчество зодчего А. Душкина. Постконструктивизм. Генеральный план Москвы 1935 г. Канал Москва – Волга. Московский метрополитен и характерные здания Москвы (Дом Совета труда и обороны, Академия им. Фрунзе, Театр Красной Армии, Библиотека им. Ленина). Советские павильоны на выставках 1937 г. в Париже и в 1939 г. в Нью-Йорке.

ПОДРАЗДЕЛ II. СОВЕТСКАЯ АРХИТЕКТУРА С 1940-Х ДО НАЧАЛА 1990-Х ГГ.

Тема 2.1. Архитектура военных лет и освоение наследия в послевоенное десятилетие

Архитекторы на войне. Восстановление разрушенных городов и сел. Предварительные работы по восстановлению городов. Реставрация памятников архитектуры. Восстановление Сталинграда, Киева, Севастополя, Новгорода. Триумфальная архитектура городских центров. Рост этажности зданий, опыт сборного строительства. Метрополитен в Москве и Ленинграде. Концепция И.Жолтовского. Высотные здания в Москве.

Тема 2.2. Изменение направленности и переход к массовому жилищному строительству 1950–1960-х гг.

Всесоюзное совещание архитекторов и строителей 1954 г. и постановление 1955 г. Курс на увеличение объемов и темпов строительства, на индустриализацию и типизацию. Идеи микрорайонирования и квартальная застройка. Массовая жилая архитектура. Переход к застройке на свободных территориях (жилые районы в Москве, Ленинграде, Киеве, Риге, Владивостоке).

Тема 2.3. Новые идеи и тенденции развития градостроительства в 1960-1980-е гг.

Градостроительные прогнозы и футурологические поиски. Крупные жилые массивы 1970-х гг. (Жирмунай и Лаздинай в Вильнюсе, Чертаново и Крылатское в Москве, в Ташкенте и др.). Совершенствование архитектуры крупнопанельного жилищного строительства. Проблема строительства в исторической среде (Таллин, Каунас, Вильнюс, Рига, Москва). Инженерные сооружения в городах (мосты, транспортные эстакады, телебашни).

Тема 2.4. Проблема художественного образа в архитектуре 1960–1980-х гг.

Образ в архитектуре (музей космонавтики в Калуге, Дворцы пионеров в Москве и Киеве, аэропорт в Ереване, Ленинский мемориал в Ульяновске, Детский музыкальный театр в Москве). Синтез искусств в мемориальных комплексах (Саласпилс, Ленинград, Ереван). Сооружения “Олимпиады–80” (Москва, Таллинн). Выявление возможностей новых конструкций и материалов.

Тема 2.5. Национальное своеобразие советской архитектуры

Особенности архитектуры многонационального государства. Архитектура и природная среда. Архитектура и национальные художественные традиции на примере объектов Москвы, Еревана, Баку, Вильнюса, Таллина. Архитектура и место. Включение архитектуры в сложившиеся контексты (Дворец им. Ленина в Алма-Ате, Государственная библиотека в Ашхабаде, чайхана, Музей В. И.Ленина и Дворец дружбы народов в Ташкенте, кинотеатр “Москва” в Вильнюсе, водолечебница в Друскининкае и др.).

ПОДРАЗДЕЛ III. АРХИТЕКТУРА СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ С 1918 ДО НАЧАЛА 1990-Х ГГ.

Тема 3.1. Становление советской белорусской архитектуры в довоенный период (1917–1941-й гг.)

Периодизация развития белорусской советской архитектуры. Реконструкция и развитие городов. Жилищное строительство, дома-коммуны, жилые дома специалистов. Расширение типологии общественных зданий. Архитектура конструктивизма (Минск, Могилев, Гомель, Мозырь и др.). Здание обсерватории в Минске. Всебелорусская сельскохозяйственная выставка в Минске. Архитектура крупных общественных зданий (Дом правительства, Театр оперы и балета. Академия наук, Дом Красной Армии, Государственная библиотека им В. И. Ленина, Здание ЦК КПБ в Минске, Дом Советов в Могилеве). Творчество И. Лангбарда, А. Воинова.

Тема 3.2. Архитектура БССР в первое послевоенное десятилетие (1944–1954 гг.)

Работы по восстановлению городов и сел. Освоение наследия и образы триумфальной архитектуры. Ансамбль центральной части Минска, Витебска, Гомеля. Типовые проекты жилых зданий. Творческий вклад В. Короля, Г. Заборского, Б. Рубаненко, М. Барща и др.

Тема 3.3. Архитектура в БССР в период массового индустриального строительства с середины 1950-х до начала 1990-х гг.

Увеличение объемов строительства. Индустриализация и типизация жилищного строительства. Схемы районной планировки. Новые генеральные планы городов (Минск, Гомель, Могилев и др.). Новые города (Новополоцк, Солигорск, Светлогорск, Жодино и др.). Формирование промышленных узлов. Развитие комплексной жилой застройки (микрорайоны в Минске, Бресте, Гомеле, Гродно и др.). Слепянское водно-парковое полукольцо в Минске.

Тема 3.4. Сельская архитектура БССР с середины 1950-х до начала 1990-х гг.

Направления переустройства белорусского села. Сельское экспериментально-показательное строительство 1960-1970-х гг. Типология сельских жилых и общественных зданий. Общественные центры поселков. Поселки Вертелишки Гродненского района, Снов Несвижского района, Сорочи любанского района и др.

ПОДРАЗДЕЛ 4. СОВРЕМЕННАЯ АРХИТЕКТУРА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Тема 4.1. Интеграционные процессы в архитектуре Беларуси конца 1990-х – начала 2000-х гг.

Изменение в подходах к формированию жилого пространства в новых социально-экономических условиях. Внедрение принципов свободной планировки квартир. Архитектура коттеджей. Индивидуальное и блокированное жилищное строительство в городах и на селе. Архитектура высотных жилых зданий. Вопросы энергосбережения. Инновации в архитектуре белорусского села, агрогородки.

Тема 4.2. Традиции и инновации в архитектуре Беларуси конца 1990-х – начала 2000-х гг.

Творческие достижения, эволюция стилей и художественных концепций. Проблема архитектурно-художественного образа многоквартирного жилого дома. Развитие типологии жилых и общественных зданий. Архитектурное проектирование современных технологий на примере объектов торговли (супермаркеты, гипермаркеты, торгово-развлекательные центры и др.), спорта (комплекс «Минск-Арена», футбольный манеж, теннисные корты, хоккейные арены, дворец фристайла в Минске, гребной канал и дворец впорта «Виктория» в Бресте и др.), туристической и рекреационной сфер (аквапарки, гостиницы, туристические комплексы, агроэкоусадьбы и др.). Национальная библиотека в Минске. Техническое нормирование в архитектуре и градостроительстве в условиях развития предпринимательства и инвестиционной привлекательности. Работы по реставрации памятников архитектуры (Мир, Несвиж, Могилев, Минск, Гродно, Полоцк и др.).

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КАРТА УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ
очная форма получения высшего образования

Номер раздела,	Название раздела, темы	Количество аудиторных часов					Количество часов УСР	Форма контроля знаний
		Лекции	Практические занятия	Семинарские занятия	Лабораторные занятия	Иное		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
	8 семестр							
I.	Советская архитектура с 1918 до начала 1940-х гг.							
1.1	Архитектура авангарда 1920-х гг.	2						
1.2	Лучшие произведения советской архитектуры второй половины 1920-х гг.	2						
1.3	Архитектура рубежа 1920–1930-х гг.	2						
1.4	Активизация освоения классического и национального наследия	2						
II.	Советская архитектура с 1940-х до начала 1990-х гг.							
2.1	Архитектура военных лет и освоение наследия в послевоенное десятилетие	2						
2.2	Изменение направленности и переход к массовому жилищному строительству 1950–1960-х гг.	2						
2.3	Новые идеи и тенденции развития архитектуры в 1960–1980-е гг.	2						
2.4	Проблема художественного образа в архитектуре 1960–1980-х гг.	2						
2.5	Национальное своеобразие советской архитектуры	2						
III.	Архитектура советской Беларуси с 1918 до начала 1990-х гг.							
3.1	Становление советской белорусской архитектуры в довоенный период (1917–1941-е гг.)	2						
3.2	Архитектура БССР в первое послевоенное десятилетие (1944–1954 гг.)	2						

3.3	Архитектура в БССР в период массового индустриального строительства с середины 1950-х до начала 1990-х гг.	2						
IV	Современная архитектура Республики Беларусь							
4.1	Интеграционные процессы в архитектуре Беларуси конца 1990-х – начала 2000-х гг.	2						
4.2	Традиции и инновации в архитектуре Беларуси конца 1990-х – начала 2000-х гг.	2						
	Итого за семестр	30		56				экзамен
	Всего аудиторных часов							

ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Список литературы

Основная литература

Архитектура Советской Белоруссии / В. И. Аникин [и др.] ; под общ. ред. В. И. Аникина. – М. : Стройиздат, 1986. – 319 с.

Воинов, А. А. История архитектуры Белоруссии: Учеб. для вузов по спец. 1201 «Архитектура». В 2-х т. – Т. 2 (Советский период). – 2 изд., перераб. и доп. / А. А. Воинов. – Минск : Выш. школа, 1987. – 293 с.

Градостроительство Белоруссии / В. И. Аникин, Е. Л. Заславский, И. А. Иодо [и др.]; Под общ. ред. А. В. Сычевой. – Минск : Выш. шк, 1988. – 247 с.

История советской архитектуры, 1917–1954 гг.: Учеб. для архитектурных вузов. Спец. «Архитектура» / Н. П. Былинкин, В. Н. Калмыкова, А. В. Рябушин, Г. В. Сергеева ; Под общ. ред. Н. П. Былинкина и А. В. Рябушина. – 2-е изд, перераб. и доп. – М. : Стройиздат, 1985. – 256 с.

Современная советская архитектура 1955–1980 гг.: Учеб. для вузов / Н. П. Былинкин, А. М. Журавлев, И. В. Шишкина [и др.] ; Под ред. Н. П. Былинкина, А. В. Рябушина. – М. : Стройиздат, 1985. – 224 с.

Хан-Магомедов, С. О. Архитектура советского авангарда: В 2 кн.: Кн. 1. Проблемы формообразования. Мастера и течения / С. О. Хан-Магомедов. – М. : Стройиздат, 1996. – 709 с.

Хан-Магомедов, С. О. Архитектура советского авангарда: В 2 кн.: Кн. 2. Социальные проблемы / С. О. Хан-Магомедов. – М. : Стройиздат, 2001. – 712 с.

Хан-Магомедов, С. О. Конструктивизм: концепция формообразования / С. О. Хан-Магомедов. – М. : Стройиздат, 2003. – 575 с.

Шамрук, А. С. Архитектура Беларуси XX – начала XXI в.: эволюция стилей и художественных концепций / А. С. Шамрук. – Минск : Беларус. наука, 2007. – 335 с.

Дополнительная литература

Архітэктурa Беларусі: Энцыкл. давед. / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: А. А. Воінаў і інш. – Мн. : БелЭн, 1993. – 620 с.

Белорусская архитектура XX – начала XXI века = Belarusian Architecture of XX – early XXI centuries / С. А. Сардаров, Г. А. Потаев, С. А. Сергачев [и др.]. – Минск : Беларусь, 2020. – 351 с.

Воинов, А. А. И. Г. Лангбард / А. А. Воинов. – Минск: «Вышэйш. шк.», 1976. – 272 с.

Сергачев, С. А. Народное зодчество Беларуси. История и современность / С. А. Сергачев. – Минск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2015. – 560 с.

Соколовский, В. Э. Архитектура нового белорусского села / В. Э. Соколовский, Р. Н. Алимов. – Минск : Ураджай, 1978. – 128 с.

Хан-Магомедов, С. О. М. Я. Гинзбург / С. О. Хан-Магомедов. – М. : Стройиздат, 1972. – 187 с.

Хан-Магомедов, С. О. Константин Мельников / С. О. Хан-Магомедов. – М. : Стройиздат, 1988. – 176 с.

Хан-Магомедов, С. О. Сто шедевров архитектурного авангарда / С. О. Хан-Магомедов. – М. : Епителиал, 2005. – 454 с.

Чернатов, В. М. Георгий Заборский / В. М. Чернатов. – Минск : Беларусь, 1998. – 176 с.

Чернатов, В. М. Владимир Король. Жизнь и творчество / В. М. Чернатов. – Минск : Минсктиппроект, 2007. – 123 с.

Средства диагностики результатов учебной деятельности

Оценка уровня знаний студента производится по десятибалльной шкале в соответствии с критериями, утвержденными Министерством образования Республики Беларусь.

Для оценки достижений студента используется следующий диагностический инструментарий:

- защита выполненных в рамках самостоятельной работы индивидуальных заданий;
- собеседование при проведении индивидуальных и групповых консультаций;
- выступление студента по подготовленному реферату на студенческой научной конференции университета;
- сдача экзамена.

Методические рекомендации по организации и выполнению самостоятельной работы студентов

При изучении дисциплины рекомендуется использовать следующие формы самостоятельной работы:

- подготовка рефератов по индивидуальным темам, в том числе с подготовкой доклада для выступления на студенческой научной конференции университета на студенческой научной конференции университета;
- подготовка сообщений, презентаций по заданным темам;
- составление тематической подборки литературных источников, в том числе специальных журналов по архитектуре, интернет-источников;
- проработка тем (вопросов), вынесенных на самостоятельное изучение.

Тематика рефератов

1. Архитектурный авангард 1920–1930-х годов
2. Советская архитектура 1920-х годов на международной арене – павильоны СССР в Париже и Страсбурге.
3. Лучшие произведения белорусской архитектуры второй половины 1920-х годов
4. Конкурсы на проектирование Дворца Советов в Москве

5. Анализ объемно-планировочной структуры главного корпуса БНТУ
6. Творчество братьев Весниных
7. Композиционные решения советской авангардной архитектуры 1920–30-х гг.
8. Творчество К. Мельникова
9. Архитектура высотных зданий в Москве
10. Гражданская архитектура Белоруссии с середины 1950- х до начала 1990- х годов
11. Архитектура в условиях перехода на индустриальные методы строительства
12. Архитектура мемориального комплекса «Хатынь»
13. Архитектура современных сельских жилых зданий Беларуси
14. Архитектура современных общественных зданий Беларуси

ЧАСТЬ III. РАЗДЕЛ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ

Контроль качества образования осуществляется в форме текущей и итоговой аттестации студентов.

Текущая аттестация студентов проводится не реже 2 раз в течение семестра в форме опроса во время аудиторных учебных занятий.

Итоговая аттестация студентов проводится на экзамене (список вопросов для экзамена по учебной дисциплине входит в состав ЭУМК).

Список вопросов к экзамену по курсу лекций «История архитектуры и градостроительства» Раздел 4 «История современной архитектуры»

1. Периодизация истории советской архитектуры
2. Архитектура авангарда 1920-х годов
3. Лидирующая роль советского архитектурного авангарда
4. ВХУТЕМАС
5. Течение архитектурного авангарда – рационалисты.
6. Течение архитектурного авангарда – конструктивисты.
7. Мастера авангарда: архитектурная группировка ОСА
8. Мастера авангарда: архитектурная группировка АСНОВА
9. Проект института библиотековедения им. Ленина И. Леонидова.
10. Выход советской архитектуры на международную арену – павильон СССР в Париже
11. Лучшие произведения советской архитектуры второй половины 1920-х годов
12. Гаражи К. Мельникова
13. Клубы К. Мельникова
14. Общественные здания 1920-х г. (Клуб И. Голосова, планетарий М. Барща и М. Синявского, мавзолей А. Щусева)
15. Архитектура рубежа 1920–1930-х годов
16. От дома-коммуны к жилищу для избранных
17. Новый масштаб ансамблей городских центров и административных комплексов (Харьков, Москва, Минск, Ленинград)
18. Активизация освоения классического наследия в 1930-е гг.
19. Проектирование Дворца Советов в Москве
20. Творчество К. Мельникова
21. Творчество А. Веснина
22. Творчество И. Леонидова
23. Творчество И. Голосова
24. Творчество И. Жолтовского
25. Генеральный план Москвы 1935 г.

26. Архитектура второй половины 1930-х гг.: Канал Москва – Волга. Московский метрополитен, Дом Совета труда и обороны, Академия им. Фрунзе, Театр Красной Армии, Библиотека им. Ленина
27. Советские павильоны на выставках 1937 г. в Париже и 1939 г. в Нью-Йорке
28. Архитектура военных лет. Восстановление разрушенных городов и сел
29. Освоение классического наследия в послевоенное десятилетие
30. Идеи микрорайонирования в 1940–50-е гг.
31. Рост этажности зданий, опыт сборного строительства в 1940–50-е гг.
32. Метрополитен в Москве
33. Высотные здания в Москве
34. Комплекс ВДНХ в Москве
35. Курс на увеличение объемов и темпов строительства, на индустриализацию и типизацию. Всесоюзное совещание архитекторов и строителей 1954 г. и постановление 1955 г.
36. Переход к застройке на свободных территориях (жилые районы в Москве, Минске, Риге, Владивостоке) в конце 1950-х – начале 1960-х гг.
37. Новые идеи и тенденции развития градостроительства в 1960 – 80-е годы. Крупные жилые массивы 1970-х годов (Жирмунай и Лаздинай в Вильнюсе, Зеленый Луг в Минске, Чертаново и Крылатское в Москве и др.).
38. Проблема художественного образа в архитектуре 1960 – 80-х годов (музей космонавтики в Калуге, Дворцы пионеров в Москве и Киеве, Ленинский мемориал в Ульяновске)
39. Синтез искусств в мемориальных комплексах (Саласпилс, Хатынь, Ленинград, Ереван, Брест)
40. Проблема национального своеобразия советской архитектуры
41. Становление и развитие советской белорусской архитектуры в довоенный период (1917–1941 гг.)
42. Расширение типологии общественных зданий в 1920–30-е гг. в архитектуре Беларуси
43. Архитектура конструктивизма в Беларуси (Минск, Могилев, Гомель, Витебск и др.)
44. Архитектура крупных общественных зданий в БССР в 1930-е гг.
45. Творчество И. Лангбарда
46. Дом правительства в Минске
47. Театр оперы и балета в Минске
48. Государственная библиотека им В. И. Ленина в Минске
49. Главный корпус политехнического института в Минске
50. Дом Советов в Могилеве
51. Здание ЦК КПБ в Минске
52. Градостроительство и архитектура Белоруссии в первое послевоенное десятилетие (1944–1954 гг.)
53. Творчество В. Короля
54. Творчество Г. Заборского
55. Сельское экспериментально-показательное строительство

56. Характерные объекты гражданской архитектуры Белоруссии с середины 1950- х до начала 1990- х годов
57. Мемориальный комплекс Хатынь
58. Мемориальный комплекс Брестская крепость-герой
59. Крытый рынок в Минске «Комаровский»
60. Дома-коммуны в Гомеле и Витебске
61. Станции метрополитена в Минске
62. Национальная библиотека в Минске

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ

Основная литература

1. Архитектура Советской Белоруссии / В. И. Аникин [и др.] ; под общ. ред. В. И. Аникина. – М. : Стройиздат, 1986. – 319 с.
2. Воинов, А. А. История архитектуры Белоруссии: Учеб. для вузов по спец. 1201 «Архитектура». В 2-х т. – Т. 2 (Советский период). – 2 изд., перераб. и доп. / А. А. Воинов. – Минск : Выш. школа, 1987. – 293 с.
3. История советской архитектуры (1917—1954 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tehne.com/node/6371>. – Дата доступа: 10.01.2021.
4. Современная советская архитектура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://booksee.org/book/759040>. – Дата доступа: 10.01.2021.
5. Хан-Магомедов, С. О. Сто шедевров архитектурного авангарда / С. О. Хан-Магомедов. – М. : Едиториал, 2005. – 454 с.
6. Хан-Магомедов, С. О. Архитектура советского авангарда: В 2 кн.: Кн. 2. Социальные проблемы / С. О. Хан-Магомедов. – М. : Стройиздат, 2001. – 712 с.
7. Шамрук, А. С. Архитектура Беларуси XX – начала XXI в.: эволюция стилей и художественных концепций / А. С. Шамрук. – Минск : Беларус. наука, 2007. – 335 с.

Дополнительная литература

8. Архитектура СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://spravochnick.ru/arhitektura_i_stroitelstvo/epohi_arhitektury/arhitektura_sssr/. – Дата доступа: 10.01.2021
9. Белорусская архитектура XX – начала XXI века = Belarusian Architecture of XX – early XXI centuries / С. А. Сардаров, Г. А. Потаев, С. А. Сергачев [и др.]. – Минск : Беларусь, 2020. – 351 с.
10. Воинов, А. А. И. Г. Лангбард / А. А. Воинов. – Минск: «Вышэйш. шк.», 1976. – 272 с.
11. Сергачев, С. А. Народное зодчество Беларуси. История и современность / С. А. Сергачев. – Минск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2015. – 560 с.